

М. МУСЕРОВИЧ

**ЦЕЛЕСТИНА,
или ШЕСТОЕ ЧУВСТВО**

ЭЛЕКТРОКНИГА

Повесть написана Автором в 1976 году.
Только ОДИН раз издавалась в нашей стране.
Рассказывает о жизни польской школьницы,
её семьи и близких. Ничего особенного...

Однако, очень многие читатели
отзываются о ней с большой теплотой.

Называют доброй, "правильной"...

Некоторые – так просто считают её
«лучшим средством от хандры»!

А почему, соб-ствен-но?

И что это за «Шестое чувство»?

Да ещё с БОЛЬШОЙ буквы?..

Почитаем?

Данная электронная сборка не является копией
какого-либо полиграфического издания.
Это компьютерная компиляция текста
и различных элементов оформления книги.

МАЛГОЖАТА МУСЕРОВИЧ

ЦЕЛЕСТИНА, ИЛИ ШЕСТОЕ ЧУВСТВО

МАЛГОЖАТА МУСЕРОВИЧ

ЦЕЛЕСТИНА,

или Честое чувство

ПОВЕСТЬ

ПЕРЕВОД С ПОЛЬСКОГО
РИСУНКИ В.САМОЙЛОВА

Москва „Детская литература“ 1981

Глава 1

1

Десятого декабря 1975 года, как обычно, в разных точках земного шара часы показывали разное время.

В Познани было пять утра.

По улице Словацкого, в точности так же как по другим улицам других польских городов, держась поближе к домам, торопливо шагали первые дрожащие прохожие, то озаряемые неземным цветом люминесцентных ламп, то исчезающие в полумраке раннего утра. Если бы кому-нибудь из этих невыспавшихся людей пришло в голову поглядеть наверх, ему бы наверняка представилось зрелище, достойное внимания. Однако в пять часов утра в декабре прохожему ничего подобного в голову взбрести не может. В пять часов утра в декабре прохожий щелкает зубами, смотрит под ноги и спешит на работу. Нет у него времени глазеть по сторонам. Было б время, он бы уж скорее встал на пятнадцать минут позже.

В этих обстоятельствах никто не заметил, что на балконе старого дома с башенкой пылает костер. Костер был внушительный. Пламя гудело, выбрасывая снопы искр, живые мерцающие отблески выхватывали из темноты неподвижную фигурку в резиновых сапогах и свитере, натянутом на пижаму. Фигурка эта принадлежала шестилетнему Бобику, не по годам развитому мальчику, проживающему вместе с семейством Жак на втором этаже желтого дома с башенкой.

В данном случае Бобик играл в Нерона.

Сведения об этой любопытной исторической личности запечатлелись в подсознании ребенка лишь накануне вечером. Виной тому был дедушка, который за ужином затеял утомительный спор с дядей Жачеком. Бобик в это время сидел перед телевизором и смотрел передачу «Спокойной ночи, малыши».

Подхваченный волнами красноречия, дедушка, горя-

чась, по своему обыкновению, подробно комментировал гнусные поступки императора, поднявшего руку на собственную мать, деятельность которого он как раз недавно подверг внимательному анализу. Бобик сидел тихо, не сводя с экрана голубых глазок, и, казалось, был целиком захвачен приключениями глупого козленка. Дедушка никак не мог предположить, что его слова западут в душу внука. Однако запали. К счастью, ни одно из преступлений античного изверга не действовало на детское воображение сильнее, чем эффектное мероприятие по поджогу Рима.

Ночью Бобик спал беспокойно. Около шести его разбудили грохот ящиков с бутылками и громогласные проклятия молочника. Мальчик вылез из кровати, вытащил из-под кресла резиновые сапоги, отыскал впотьмах свитер и отправился на балкон, ловко миновав кушетку, на которой спала мама. Он помнил, что на балконе дядя Жачек обычно сжигает ненужные рулоны калек с секретными проектами для познаньских предприятий металлообрабатывающей промышленности. У дяди для этой цели имелась специальная банка от джема «Ассорти». Однако Бобик решил воздать кесарю кесарево и развести костер прямо на каменном полу балкона.

Калька горела великолепно, но чересчур быстро. Огонь грозил вот-вот погаснуть. Тогда Бобик подкинул в костер пухлую пачку общественно-культурных еженедельников, несколько скучных, по его мнению, брошюр, большое количество собственных рисунков, изображающих преимущественно танки, и, наконец, руководимый скорее догадкой, нежели опытом, плеснул в огонь денатурату,

которым накануне его двоюродная сестра Цеся протираала стекла в буфете.

Горело отлично. От денатурата пламя стало вроде бы голубое. А когда занялась занавеска, приобрело изумительный желтый оттенок. Бобик долго еще наслаждался бы этой феерией красок, но он был умный ребенок и знал, что пожары начинаются именно с занавесок. По крайней мере, это он вынес из одного поучительного телевизионного фильма.

Посему Бобик спокойно отправился в ванную, чтобы набрать в кувшин воды. Это заняло некоторое время. Когда он вернулся, занавески уже не было, но огонь догорал. Бобик оросил водой ковер, на котором тлело несколько искр, плеснул для порядка на закопченные стены и окончательно залил Неронов костер.

2

Все семейство Жак, мягко колышась в объятиях Морфея, исподволь продвигалось к неотвратимому пробуждению.

Возле Бобика, который немедленно заснул мертвым сном, посвистывала носом его мама. Она спала спокойно, ибо в ее подсознании была закодирована информация о том, что в ретушерской мастерской графического комбината имени Касшпака первая смена начинает работу в восемь часов.

В соседней комнате дядя Бобика, инженер Жак, спал, крепко обняв одной рукой свою жену. Дяде Жачеку вскоре предстояло быть безжалостно разбуженным звоном бу-

дильника. Он уходил на работу к семи. Зато пани Жак, скульптор по профессии и по призванию, вела неупорядоченный образ жизни и просыпалась в зависимости от того, в котором часу ночью исчерпалось ее творческое вдохновение.

Маленькая комнатка в глубине коридора принадлежала дедушке. Сквозь закрытую дверь оттуда доносился громкий храп, возвещавший миру, что старейший представитель рода Жак спит сном праведника.

В другой маленькой комнатке, переделанной из бывшей кладовки, спали сестры Жак — Юлия и Целестина. Юлия, посвятившая себя служению изящным искусствам изящная особа, которую расточительная природа наделила не только множеством талантов, но и внешностью испанской кинозвезды, спала безмятежно, и легкая улыбка не сходила с ее красивых губ — даже во сне она была довольна собой. Зато Целестина, прозванная в семейном кругу Телятинкой, лежала, сжавшись в комочек, — ей снилось, что ее никто не любит.

3

Целестина открыла глаза в половине седьмого.

С минуту, она лежала неподвижно, наслаждаясь теплом постели. Все ее шестнадцатилетнее существо содрогалось при мысли, что с этим теплом предстоит расстаться. Но это продолжалось недолго: Целестина Жак вырабатывала в себе сильную волю, исходя из предпосылки, что раз уж не блещет красотой, то, по крайней мере, должна быть достойна уважения. Хотя бы только собственного.

Героически отбросив одеяло, Целестина села в постели. Интересно, который час? В комнате было темно. С соседнего дивана вместе с тонким ароматом французских духов несло тихое, ровное дыхание. Художница Юлия в это время вставать не имела обыкновения.

Цеся нащупала в темноте мягкую ткань халата и, неловко засовывая в рукав руку, попыталась угадать, ушел ли уже отец на работу и не забыл ли оставить ей горячую воду для чая.

Отец, вероятно, уже ушел, поскольку в квартире царила тишина, нарушаемая лишь душераздирающим храпом дедушки. Цеся запахнула халат и по длинному холодному коридору побрела в ванную — мрачное помещение, оборудованное арматурой начала века. Висящая над умывальником лампочка пролила желтый свет на лицо Целестины. Объективно говоря, это было милое, жизнерадостное, розовое лицо со светлыми глазами, светлыми бровями и светлыми ресницами в обрамлении взлохмаченных светлых волос. Светлые глаза глядели открыто и серьезно, а выражение лица свидетельствовало о природной безмятежности и чувстве юмора. Казалось бы, такие внешние данные могли вполне удовлетворить шестнадцатилетнюю школьницу. Однако Целестина была другого мнения. Она считала, что безнадежно некрасива, хуже того: что некрасивость ее банальна, отталкивающая, скучна и прозаична. «С таким лицом, — думала она, — не покажешься ни соблазнительной, ни загадочной. С таким лицом всегда будешь выглядеть рассудительной, здоровой и омерзительно обыкновенной».

Не удивительно, что до сих пор в нее никто не влюбился.

Она сама понимает: это не лицо, а кусочек розового мяса без намека на интеллект. Разве при виде такого в сердце хоть одного стоящего мальчика может вспыхнуть пламенное чувство? Исключено.

— Уж не будем говорить про икры, — вслух произнесла Целестина, продолжая разглядывать себя в зеркале. — Чересчур толсты. Чересчур толсты, гораздо толще, чем нужно.

Где-то в глубине ее души зарождалось предчувствие хандры. До контрольной по математике оставалось считанных полтора часа. За окном темнело хмурое утро. Было холодно и тоскливо. Цесинуму внутреннему взору представилось бесконечное пространство времени, отделяющее данную минуту от смертного часа. И время это было заполнено главным образом одиночеством, поскольку с такой внешностью только на одиночество и можно рассчитывать. К другим девочкам придет большая любовь, и станут они жить счастливо, растя детей и внуков. А она будет трагически одинока.

Почему-то вода не текла из открытого крана.

Целестина с трудом оторвала взгляд от своего отталкивающего отражения в зеркале.

— Почему из крана ничего не течет? — задала она себе вопрос. И тут заметила на умывальнике записку, в которой отцовскими каракулями было нацарапано:

«Цеся, воды нет, черт подери. Наверно, мы опять затопили Новаковских. Сходи извинись, и пусть включают. Ага, и позвони в Госстрах, вызови агента, пускай оценит ущерб. Боже, что за жизнь. Жачек».

— Да ведь я не успею! — раздраженно воскликнула Целестина.

Она решила умыться остатками воды из чайника и обойтись без чая.

Отцовскую записку оставила на умывальнике, пускай кто-нибудь другой звонит в Госстрах и уговаривает соседей открыть главный кран. Ей нужно внутренне сосредоточиться перед контрольной. Кроме того, на полке под зеркалом лежала какая-то новая интересная коробочка с золотой надписью «Элизабет Арден». Следовало ознакомиться с ее содержанием.

Тушь для ресниц. И какая, хо-хо!

Зачем Юльке подмазывать чудесные черные ресницы? Обычная история: необъяснимое отсутствие чувства меры. «Другое дело я», — подумала Цеся и с отвращением взглянула в зеркало.

А если разок пройти тушью по этим белесым мохрам вокруг глаз?

Прошлась.

Ого, взгляд как будто стал более глубоким. И глаза чуть зеленей, чем обычно. Ну-ну. Цеся надула губы и, опустив ресницы, кинула на себя обольстительный взгляд.

Ох!

Нет, обольстительно не получается. А если игриво?

Она посмотрела игриво, после чего со стоном отчаяния придала лицу нормальное выражение.

Зовущий взгляд. Нате, пожалуйста.

О боже! Совсем как если бы звала поест помидорового супу.

Нет, из этого ничего не получится. И она поглядела в

зеркало деловито и смиренно.

Вот так. Да, да. Только так.

Теперь надо чего-нибудь перехватить, одеться и отправляться в школу.

4

На улице было еще хуже, чем она думала. С черного неба прямо за шиворот лила ледяная жидкость, ветер рвал полы пальто. Улица Словацкого казалась угрюмой и противной. Цеся перешла дорогу и остановилась возле освещенного газетного киоска, перед которым выстроилась

очередь за «Голосом Велькопольским». На полочке у окошка между пластмассовыми солдатиками и картонкой с авторучками «Зенит» стояло зеркальце, в котором Цеся увидела свое отражение: некий фрагмент плохо одетой, мало интересной девицы в нахлобученной на глаза вязаной шапке. Из-под шапки торчал большой красный нос, по носу скатывались капли дождя. Зрелище было плачевное.

5

На улицах темень, дождь, холод. Прохожие прячут носы в воротники и укрываются под зонтиками. Одиночество. Ни единой родственной души.

Цесю постепенно одолевала суперхандра, горестное сознание своей обреченности и бессмысленности всего происходящего. Ведь если подумать — что ее ждет в жизни?

Как можно надеяться упорядочить мир своих чувств, если за три месяца занятий в новой школе она не смогла найти себе подругу, не говоря уж о каком-нибудь мальчике... С начала учебного года на Цесю никто так и не обратил внимания, а сама она была слишком застенчива и слишком горда, чтобы добиваться расположения одноклассниц. Все эти, как правило, бойкие, нарядные, уверенные в себе девочки неизменно вызывали у бедной Телятинки восхищение, смешанное со страхом. Та же Данка Филипьяк, которая с самого начала привлекла ее внимание как своей поэтической, загадочной немногословностью, так и высокоодухотворенным выражением лица, до сих пор еще просто не заметила Цесиного существования.

Дома то же самое. Целестине удивительно везло — в любых обстоятельствах ей было уготовано последнее место. Она не доставляла родителям столько хлопот, сколько взбалмошная, ленивая, легкомысленная Юлия, напротив — незаметно и добросовестно выполняла все возложенные на нее обязанности. И тем не менее отец с матерью, хотя любили Цесю не меньше старшей дочери, замечали ее значительно реже. Сама же Юлия, которая этой осенью ценой больших усилий, с помощью всех возможных связей, наконец попала в Академию художеств, с первого дня занятий безвозвратно пропала для Целестины. В доме Жаков появились экстравагантно одетые девицы, в присутствии которых Цеся чувствовала себя покрытым пылью предметом домашнего обихода, и косматые живописцы, смотревшие только на Юлию, поскольку, ясное дело, Юлия была прекраснее всех.

Естественно, Целестину должна была снедать зависть.

Она завидовала Юлиной красоте, талантам, удивительному обаянию, непринужденности, поразительному умению одеваться во что попало и при этом выглядеть, как манекенщица с обложки французского журнала мод, и, конечно, успеху у мальчиков — этому больше всего.

При всем при том не следует думать, что у Цеси был скверный характер. Завидовать сестре она завидовала, но ненависти не питала, напротив, горячо ее любила, восхищалась, чуть ли не преклонялась. Плохо она думала только о себе. В глубине ее души прочно укоренилось убеждение, что она в подметки не годится другим девочкам. Самой себе она признавалась, что, разумеется, обладает разнообразными духовными ценностями, однако ее достоинст-

ва, к сожалению, удручающе немногочисленны. Неуверенность в себе осложняла жизнь и не позволяла Цесе добиться полного взаимопонимания с окружением.

Если бы кто-нибудь сказал Цесе, что от самого дома за ней, как верная тень, следует высокий мальчик в куртке с капюшоном, она бы ни на секунду не усомнилась, что это какое-то недоразумение или кто-то вздумал ее разыграть.

И тем не менее такой мальчик существовал!

Он ходил за ней изо дня в день уже три месяца. Каждое утро занимал свой пост за газетным киоском против желтого дома с башенкой. Прятался там, пока не увидит выходящую из дома Целестину, а потом шагал за ней по пятам, восхищаясь ее стройной фигуркой и грациозными движениями, а также чудесными светлыми волосами, развевающимися вокруг прелестной головки. Ему и на ум не могло прийти, что в это самое время Целестина клеймит себя как омерзительную эгоцентристку и принимает решение прекратить безостановочное копание в своей душе и посвятить себя служению этому злосчастному миру. Постричься в монахини, или наняться судомойкой в детский дом, или же отправиться в ближайший лепрозорий и там всячески помогать прокаженным. Либо поступить в медицинский, разумеется в будущем. Во всяком случае, неуклонно стремиться к самосовершенствованию, а значит, первым делом избавиться от зависти, ибо зависть — чувство недостойное.

В начале девятого Цеся бочком проскользнула в дверь 1-го класса «Б». Почти все уже сидели на местах. Атмосфера была довольно напряженная, как обычно перед контрольной. Даже переговаривались, понизив голос. Входя, Целестина в который уж раз в душе порадовалась, что в сентябре выбрала место на второй парте в ряду возле двери. Теперь стоило сделать один шаг, и она оказывалась в своей надежной крепости. Если б ей нужно было пересечь класс под обстрелом глаз всех сидящих за партами, она бы, вероятно, предпочла повернуться и убежать домой. Не вынесла бы мысли, что каждый критически оглядывает ее безобразно толстые икры.

В то же время ее терзала другая, парадоксальная мысль: Цеся не сомневалась, что, пройди она трижды взад и вперед по классу, на нее все равно никто не посмотрит. Во всяком случае, сейчас она сидела за своей партой рядом с самым красивым мальчиком в классе, и не только он, но и вообще ни одна душа не обратила внимания на то обстоятельство, что сегодня у нее накрашены ресницы.

Самого красивого в классе мальчика звали Павелеком, и он был похож на всех киноактеров сразу, а больше всего — на тот неопределенный идеал мужской красоты, который носит в своем сердце каждая женщина. У него были не очень длинные, но и не очень короткие золотые волосы, ослепительная улыбка и лучистые синие глаза. Когда Цеся искоса на него поглядывала, она видела маячащую на заднем фоне угрюмую физиономию некоего Ежи Гайдука

и его круглую, коротко остриженную голову, не идущую ни в какое сравнение с римским профилем Павелека.

От того, что Цеся сидела за одной партой с неотразимым Павелеком, толку не было никакого, если не считать некоторых преимуществ чисто учебного плана. Павелек был прекрасным математиком и охотно позволял у себя списывать, если его об этом просили. Без просьбы он не только не предлагал своих услуг, но вообще не замечал Целестину, чему она даже не удивлялась. Чего-чего, а хорошеньких девочек в классе хватало, и Павелеку в самом деле было на кого посмотреть.

В данную минуту он как раз смотрел на черноволосую Касю, обладательницу кудрявой головки, вздернутого носика и пушистых ресниц. Цеся тоже поглядела на Касю с бескорыстным одобрением. Павелек перевел взор на рыжую Беату, а следом за ним на нее посмотрела и Цеся, отметив попутно, что Беата подрисовала брови. Ну и ну, ничего себе! Нос она тоже напудрила, с ума сойти!

А Гайдук не сводил неприязненного взора с Цеси.

Этот чего пялится? Зануда.

Пялится и пялится.

Цеся смерила Гайдука суровым и высокомерным взглядом. Нечего глаза пялить. Что за омерзительный тип!

Уставится такой и мысленно критикует каждый изъян Цесиной внешности. Все они одинаковы. Бегают только за красивыми девчонками и первым делом обращают внимание на ноги. «Ты сам не больно-то хорош, дружок. У тебя прыщей полно, вот так».

Ход мстительных Цесиных размышлений бесцеремонно нарушила математичка пани Пощик, которая, энергично

распахнув дверь, вторглась в класс. Это была румяная озабоченная седовласая особа; в руках она тащила целую охапку тетрадей для контрольных работ.

В классе мгновенно изменилось настроение. Прекратились всякие перемигивания и прочие проявления бессловесного кокетства. Теперь уже не было ничего важнее контрольной работы.

7

Прошло полчаса, и Цеся благополучно завершила последние расчеты. На этот раз ей удалось обойтись без помощи Павелека, чем можно было гордиться. Не успела она в душе себя похвалить, как дверь класса скрипнула, и на пороге появилась Данка Филипьяк. Целестина посмотрела на нее с восхищением. Данка была похожа на русалку со Свитязь-озера — стройная, бледная, с туманным, загадочным взглядом.

— Это что такое? — спросила пани Пощик, с недоумением глядя в сторону двери.

— Проспала, — сообщила Данка. Ее длинные каштановые волосы были растрепаны, кофточка застегнута криво.

— Что же будет с твоей контрольной?

— Ничего.

— Почему ты так неаккуратно одета? — спросила пани Пощик, к возмущению Целестины.

Данка строптиво молчала, уставившись себе под ноги.

— После урока зайдешь к классному руководителю, — холодно произнесла учительница. — Мое терпение ис-

сякло, Филипяк. У тебя ужасные отметки и ни малейшего желания взяться за ум.

Данка молча села на свое место. Едва Цеся стала прикидывать, успеет ли изготовить шпаргалку для опоздавшей русалочки, как Павелек что-то зашептал ей в ухо. Цеся обернулась. Павелек пододвигал к ней свернутую трубочкой записку:

— Передай Данусе...

— Новацкий! — в ту же секунду раздался голос пани Пощик. От ее бдительного ока не укрылось подозрительное шевеление на второй парте. Она приблизилась и протянула руку.

Павелек проявил удивительную расторопность. Схватив бумажный рулончик, он попытался его уничтожить с такой поспешностью, будто это была какая-то нелегальщина, а не обыкновенная шпаргалка.

— Дай-ка это сюда, — твердо сказала учительница.

И Павелек, вдруг лишившись сил, выпустил из пальцев записку.

— «Не сердись, дорогая, я тебе все объясню! — прочла вслух пани Пощик, — Перепиши поскорее, вдруг успеешь. Может, хоть троечку поставит. Она не очень-то наблюдательна. Целую, всегда твой — Малыш».

Класс дружно взорвался от смеха.

— Письмецо адресовано Данке Филипяк? — прозвучал строгий вопрос.

Онемевший Павел покачал головой.

— А кому же? — удивилась пани Пощик.

Павел кивнул в сторону Цеси, даже не взглянув на нее.

Краем глаза Цеся увидела испуганное лицо Данки. В сле-

дующую секунду до нее дошло, что, кроме Данки с Павелеком, одна лишь она знает, кому предназначалась записка. Еще в голове у нее промелькнул образ русалки, стоящей перед директором и покорно принимающей обвинения и Цеся вскочила, преисполненная самоотверженных дружеских чувств.

— Эт-то мне, — едва слышно выговорила она, тыча пальцем в шпаргалку.

Пани Пощик недоверчиво посмотрела на нее. В классе царил тишина.

— Ах, так, — сказала наконец учительница.

— Д-да, — прошептала Цеся, у которой уже перехватывало дыхание.

Она прекрасно понимала, что версия, будто Павелек адресует ей нежные записочки, в высшей степени неправдоподобна. Павелек — ей! Скорее всего, пани Пощик в это не поверит.

Однако пани Пощик поверила.

— Хорошенькое дело! — сказала она сурово. — После урока пойдете со мной к классному руководителю. И Филипьяк тоже, как опоздавшая. — Учительница вздохнула: — Вот обрадуется пан Дмухавец!..

Она отвернулась, а Цеся немедленно принялась за изготовление новой шпаргалки. Еще оставалась надежда, что Данка успеет списать.

8

После звонка пани Пощик повела всех троих в учительскую. Нельзя сказать, чтоб у Цеси от этого испортилось настроение. Двойка за контрольную, конечно, штука

неприятная, но, во-первых, до сих пор у нее по математике были приличные отметки, а во-вторых, игра стоила свеч! Данка смотрела на Цесю благодарными и преданными глазами. Павелек строил дурацкие рожи за спиной пани Пощик. В окно заглянуло солнце.

Математичка скрылась за желтой дверью учительской. Провинившимся велено было ждать классного руководителя. Павелек, дабы ожидание не прошло впустую, приоткрыл желтую дверь — теперь они могли видеть и слышать все, что происходило внутри.

Дмухавец, седой, всклокоченный, с добрым взглядом из-за старомодных очков, только что проглотил таблетку аспирина и теперь, стоя перед зеркалом, разглядывал свое горло. Пани Пощик подошла к нему, оперлась об умывальник и вполголоса кратко изложила суть произошедшего в 1-м классе «Б».

— Ну, и что вы на это скажете, коллега?

Дмухавец с отчаянием посмотрел на нее сквозь запотевшие стекла очков и, не говоря ни слова, глотнул горячего чаю из термоса. Потом откашлялся и бессильно опустился на стул.

— Почему именно сегодня! — простонал он. — Я болен, и на службу меня привело исключительно чувство долга. У меня тридцать восемь и пять, а вы тут, золотце мое, такие номера откалываете.

— Я откалываю? — взвилась пани Пощик. — Это Жак откалывает. Нужно поставить в известность ее родителей!

— Никого ставить в известность я не буду, — заявил Дмухавец. — Где эта записка?

Он взял протянутую ему скомканную бумажку, не чи-

тая, разорвал и выбросил в мусорную корзину.

Пани Пощик, обреченно вздохнув, села.

— Вы разорвали вещественное доказательство, — устало отметила она.

— Я не читаю чужих писем.

— Это было не письмо, а шпаргалка.

— Письмо, — упрямо сказал Дмухавец. — К тому же, если верить вашим словам, любовное. Читать подобные вещи, по-моему, возмутительно. Вдобавок они до сих пор еще делают ужасные орфографические ошибки.

— Ну, и как вы собираетесь поступить?

— Я подумаю, — беззаботно ответил преподаватель польского, сморкаясь в большой платок. — Сегодня, честно говоря, меня больше всего беспокоит состояние собственного здоровья.

— Ваше равнодушие меня ужасает! — сказала пани Пощик. — Я люблю молодежь и в таких случаях не могу оставаться спокойной.

Дмухавец неожиданным движением приложил ладонь ко лбу, определяя температуру. Помолчав минуту с загадочным выражением лица, он жестом велел пани Пощик сделать то же самое. И наконец, относительно удовлетворенный результатом обследования, заявил:

— Аспирин. Чудодейственное лекарство. Когда-нибудь пробовали? — Тут он посмотрел на разгневанное лицо математички и торопливо добавил: — Что касается молодежи, какая уж тут любовь! — Покаянный взгляд в сторону пани Пощик: — По правде говоря, многих из них я просто недолюбливаю. Однако в меру своих сил, поспешил он заверить собеседницу, — в меру своих сил стара-

юсь быть мягким и снисходительным. В конце концов, каждому из нас довелось в свое время пройти через этот ад, именуемый молодостью.

9

Цеся стояла в очереди за хлебом. Было пятнадцать часов десять минут, когда Целестина Жак присоединилась к очереди, выстроившейся перед булочной, что на улице Домбровского, возле магазина с милицейским обмундированием. В эту булочную дважды в течение дня завозили свежий хрустящий хлеб, и именно поэтому два раза в день перед ней вырастала очередь.

Цеся шаг за шагом продвигалась вперед. Настроение у нее было довольно мрачное. Отчасти, конечно, из-за Дмухавеца. Последний не преминул нацарапать в ее дневнике что-то насчет пользования шпаргалками. Цеся прекрасно понимала: рано или поздно, подписывая дневник, кто-либо из родителей обнаружит, что она схватила двойку за контрольную. Впрочем, это ее не пугало. Главная причина дурного настроения заключалась в том, что она снова возвращалась из школы одна.

После уроков в раздевалке Данка явно собралась подойти к Цесе: на лице у нее было написано, что сейчас она в шутивно-дружеском тоне предложит новой подруге вместе прогуляться. Но в эту самую минуту в раздевалку влетел Павелек и, властно схватив Данку за рукав, вытащил из школы. Из окна было видно, как, обнявшись, они удаляются в направлении Грюнвальдской улицы; в Цесину сторону Данка даже не смотрела.

Очередь достигла прилавка, на котором лежали блестящие коричневые буханки. Цеся купила две штуки, засунула их в сумку с книжками и пошла домой.

Жуя отломленную от буханки горбушку, Цеся приближалась к своему дому, издали приглядываясь к его странным очертаниям. Почти все окна этого здания имели разную форму. Балконы тоже были разные, изукрашенные подтеками и язвами отвалившейся штукатурки. Нелепая башенка с жестяным петушком венчала сие творение архитектурной мысли начала века. Окно в кухне Жаков было распахнуто настежь — вероятно, кто-то что-то уже готовил. Цеся ощутила пустоту в желудке и ускорила шаг. «Интересно, почему у Новаковских такие закопченные окна?» — подумала она, входя в подъезд, выложенный узорчатым кафелем.

Взбежав по неосвещенной лестнице, она открыла дверь в квартиру. Воздух дома, нагретый, пахнувший пылью, горелым, Юлиными духами, кислой капустой и еще чем-то неуловимым, характерным и милым, обволок исстрадавшуюся Цесю, словно принимая в дружеские объятия. Дома было привычно, хорошо и уютно.

Хотя как будто что-то случилось.

Целестина направилась в большую комнату. Там, как обычно, царил легкий беспорядок, ибо единственное в квартире просторное помещение имело несколько назначений. Обставлена эта комната была довольно странно, в ней сосуществовали вещи разного происхождения — от современной стандартной стенки до бидермайеровской¹

¹ Стиль мебели и интерьеров, господствовавший в Германии и Австрии в 1815–1848 годах.

кушетки, оставшейся от бабушки, Целестины Жак. Над кушеткой на фоне стены, оклеенной довоенными обоями с цветочками, красовалась полузасохшая пальма, ухаживать за которой всем было недосуг, но которая тем не менее с поразительной жизнестойкостью продолжала выпускать все новые и новые листья. Боковую стену украшали две выдержанные в бурых тонах картины Коссака² в золотых рамках и меланхолический пейзаж с дикими утками. Маме Жак, едва она после свадьбы обосновалась в доме с башенкой, было недвусмысленно запрещено прикасаться к этим предметам старины. Дедушка тогда заявил, что лучшим местом для экспонирования произведений познаньского художественного авангарда является спальня молодоженов, и то лишь потому, что находится в глубине квартиры. По этой причине, несмотря на присутствие в доме художницы, облик большой комнаты не изменился, что, следует признать, только пошло ей на пользу. Когда же в доме появился Бобик, гостиная Жаков утратила последние следы былой изысканности. На почетном месте, на сосновой полке, блестел и сверкал ярко-красный металлический трактор, любимая Бобикина игрушка. Под ногами перекатывались кубики и жалобно похрустывали пластмассовые солдатики, которым ежеминутно кто-нибудь каблуком раскалывал головы. В ковер были втоптаны бананы и печенье, на обоях вились шоколадные

² Войцех Юлиуш Коссака (1824–1899) — польский живописец, автор исторических и жанровых картин, крупный анималист.

Войцех Коссака (1856–1942) — сын В. Ю. Коссака, живописец, мастер исторического и батального жанра, портретист.

разводы, а из кушетки торчал клок конского волоса, вырванный маховиком жестяного гоночного автомобиля.

Когда Цеся вошла в комнату, на кушетке сидели представители семейства. Дедушка, седой и взъерошенный, метал из-под черных бровей гневные взоры. По правую руку от него расположился его сын, отец Целестины и Юлии, который старательно изображал грозного тирана, принимая соответствующие позы и хмурия светлые, как пшеничные колосья, брови над добрыми светлыми глазами. Задвинутая в угол кушетки полнотелым Жачеком его сестра, тетя Веся, согнулась в виноватой позе. Зато у ее сыночка Бобика, стоящего перед семейным трибуналом, вид был вполне беззаботный.

Полная, черноволосая, румяная мама Жак и Юлия, ее вполовину уменьшенная копия, сидели рядом на приставленных сбоку стульчиках, поскольку места на кушетке хватало только для троих. Этим отчасти умаялась серьезность судилища, так как художницы не умели, находясь вместе, молчать. То одна, то другая, склоняясь к уху соседки, шепотом поверяла той очередной секрет или сплетню.

Появление Цеси почти не было замечено.

— ...и моя лучшая английская калька! — Цесин отец как раз заканчивал обвинительную речь. — О чем ты, собственно, думал, Бобик?

— Я, собственно, думал, что она здорово горит, — честно ответил мальчик.

— Но почему именно калька?

— Ты сам ее жжешь, — урезонил дядю Бобик.

— Я ведь жгу использованную! Понимаешь?

— Понимаю, — подтвердил Бобик, устремляя на дядю открытый и преданный взгляд.

— А занавески, занавески, того-этого?! — охрипшим голосом вставил дедушка. — От занавесок же всегда начинается...

— ...пожар! — крикнул Бобик, который был ребенком умным и догадливым.

Дедушка терпеть не мог, когда его перебивали или, того хуже, мешали завершить рассказ эффектной концовкой.

— Помолчи, сопляк! С чего это тебе так весело?

— Бобчик, — заговорила мама Жак своим приятным альтом, — неужели ты совсем не боишься?

— Чего?

— Наказания. За то, что устроил пожар.

Бобик глубоко задумался, стараясь постичь самого себя.

— Не очень, — признался он наконец.

— Он над нами издевается! — рывкнул дедушка.

— Хи-хи! — вырвалось у Бобика.

Цеся устало присела возле большого стола:

— А что, собственно, произошло?

— Бобик пытался ночью поджечь дом, — отчеканил отец.

— Ага, — пробормотала Целестина, не выказывая удивления.

Воцарилось неловкое молчание. Взрослые напряженно соображали, что следует предпринять, дабы, во-первых, как можно скорее положить конец этой неприятной сцене, а во-вторых, основательно проучить Бобика и обезопасить себя на будущее от подобных выходов.

— И ко всему прочему ты не закрыл кран! — укорила

ребенка его кузина Юлия, заодно проверив, не поползла ли петля на ее золотистом чулке. — Вода лилась целый час. У Новаковских затопило транзистор и только что выстиранное белье.

— Кстати, а страховой агент был? — поинтересовался отец, именуемый в семье Жачеком.

— Скоро будет.

— У меня ноги болят, — пожаловался Бобик. — Вам-то хорошо, вы сидите.

— Он явно над нами издевается! — загремел дедушка.

Жачек невольно встал. Робкие солнечные блики заиграли на его лысеющей голове. Сунув руки в карманы растянувшейся куртки домашней вязки, он изрек, тщетно сясь принять суровый вид:

— Послушай, мой мальчик. Заменяя некоторым образом твоего отца, который, к сожалению... хм... это...

— Развелся, — услужливо подсказал Бобик.

— Развелся, — смущенно повторил Жачек. — Стало быть, заменяя здесь некоторым образом...

Бобикина мама неожиданно опустила обесцвеченную перекисью голову и всхлипнула в платочек. Этой худенькой, маленькой, вечно озабоченной женщине жизнь дарила исключительно разочарования. Когда такой человек всхлипывает в платочек, картина получается душераздирающая. Не случайно у Жачека был такой вид, будто его сердце рвется на части. Мама Жак и Юлия притихли, скорбно поглядывая на тетю Весю, дедушка вздыхал не меньше двенадцати раз в минуту. Зато Бобик сосредоточенно ковырял в носу.

— Словом, — мучился Жачек, — некоторым образом...

Слушай, Бобик, а может, ты сам скажешь, как тебя наказать?

— Убей меня, — предложил Бобик, проникаясь искренним интересом к столь необычной перспективе.

Солнце совсем вылезло из-за туч, и сверкающие его лучи сквозь закопченные стекла ворвались в комнату. Дедушка встал, потянулся до хруста костей и подошел к окну.

— Распогодилось, того-этого, — заметил он. — Недаром у меня поясицу ломило.

— Обещали сильное похолодание, я слышала прогноз, — вставила мама Жак, массируя свой пухлый подбородок. — Хорошо, что я успела закончить «Орлицу П», можно ставить ее в парке, пока земля не замерзла.

— При чем тут твоя орлица? — спросил Жачек, растерянно моргая светлыми ресницами. — Мы говорим о Бобике и его проступке.

— Звонок, — сказала Целестина.

10

Юлия пошла открывать и минуту спустя ввела в комнату какого-то толстяка в старомодном пальто, обеими руками прижимавшего к себе туго набитую папку. В отличие от страховых агентов, ежегодно являвшихся для сбора взносов, с этим они имели дело впервые. Госстраху приходилось столь часто иметь дело с обывателями желтого дома, что отношения между сотрудниками этого учреждения и жильцами установились почти родственные.

— Вату выбросили! — доверительно сообщил человек с папкой и отогнул уголок. Папка в самом деле была набита

сверточками в характерной бело-зеленой обертке. — По-торопитесь, пани Жак, не то все раскупят.

Он отставил папку, оглядел собравшееся в столовой многолюдное общество и взгляд его задержался на балконной стене, разрисованной полосками сажи и водяными потеками; наверху, над всем этим, развевался недогоревший обрывок занавески.

— Ого! — проговорил он.

Бобик как автор, подошел поближе.

— Пожар, а? — риторически спросил страховой агент. — Ну, у Новаковских потери я уже оценил. С возмещением за залитие проблем не будет. Единственно и исключительно. Зато с этим... — Он подошел к стене и потер ее пальцем. — Кто поджег? — спросил он.

— Я, — сказал Бобик.

— Сколько тебе годков, молодой человек? — спросил толстяк, глядя на Бобика с официальной холодностью.

— Почти шесть, — ответил Бобик. — Единственно и исключительно.

Жачек фыркнул в кулак, тетя Веся прикусила губу, а страховой агент, ничего не сказав, стал обмеривать стену при помощи никелированного складного метра.

— Тысчонку вам за убытки отвалят, — вынес он наконец заключение. — Но только благодаря тому, что ребенок несовершеннолетний. На тысчонку наберется. Единственно и исключительно.

— Слышите?! — закричал Бобик, хватаясь за голову.

— Да, на тысчонку, — подтвердил страховой агент.

— Вы еще на мне заработаете! — взвыл ошастливленный ребенок.

Жачек вскочил как ужаленный:

— Нет, нет, ни в коем случае!

— Как можно! — добавил дедушка.

Страховой агент был возмущен:

— Видите ли, пан Жак, больше вам никак не причитается...

Жачек замахал руками:

— Ах, нет... вы не понимаете! Мы решительно не можем принять эти деньги.

— Да вы что?! — поперхнулся представитель Госстраха.

— Ни за что на свете, — поддержал сына дедушка. — Ни за какие сокровища, того-этого.

— Из воспитательных соображений, — объяснил Жачек.

Толстяка усадили на кушетку и стали горячо и путано растолковывать, почему им никак невозможно принять выплату по страховке.

Тем временем мама и Юлия погрузились в тихую беседу, совершенно забыв о причине собрания. Еще через минуту мама встала и, прикладывая к пышной груди отрез коричневого кашемира, принялась обсуждать со старшей дочерью фасон платья. Юлия, стройная и элегантная, сидела в красивой и непринужденной позе, закинув ногу на ногу, щуря свои испанские глаза и мило надувая губки. Цеся угрюмо посматривала на сестру, изо всех сил стараясь не допустить в душу губительный яд зависти.

— Но послушайте, — ерзал на кушетке агент, — войдите в мое положение... Существуют инструкции, и я обязан их соблюдать...

Тетя Веся, сочтя свою миссию на собрании уже выпол-

ненной, выскользнула в кухню, постаравшись никого при этом не потревожить.

Вскоре из кухни донеслось гроыхание кастрюль и по квартире распространился запах жареного лука. Целестина облегченно вздохнула. Как хорошо, что в доме есть тетя Веся!

Тетя Веся, добрый кухонный гений, возвратилась в родной дом вскоре после развода, который состоялся без малого год назад. Дома она застала давно уже ставшую привычной ситуацию: поскольку ни на Юлию, ни на маму в кухонных делах рассчитывать не приходилось, обеда готовила Целестина. Что касается прочих домашних занятий, то мама Жак уделяла им внимание только по необходимости, Юлия же просто подобными вещами пренебрегала. Был, правда, в жизни семьи длительный период, когда старшую дочь пытались приучить к труду и прививали ей навык к исполнению тех обязанностей, которые, увы, неизбежно уготованы каждой женщине. Впрочем, Юлия быстро смекнула, что, если каждый раз, приступая к мытью посуды, разобьет минимум один стакан, она будет лишена чести помогать мамочке. Так оно и случилось. Зато добросовестная Целестина продолжала трудиться столь же самозабвенно, посуды не била и даже гордилась своей сноровкой. Постепенно все хозяйство легло на ее плечи.

Тетя Веся работала ретушером в цеху глубокой печати, а это означало, что ее не бывает дома с утра до обеда или с обеда до вечера, в зависимости от смены. Поселившись в доме с башенкой, она сразу же по собственному почину взяла на себя часть домашних обязанностей. Однако в силу

обстоятельств ее помощь была несистематической. Так или иначе, Цеся осталась кухонной кариатидой семейства Жак.

Вот и сейчас она поднялась со своего места и направилась к двери. Нужно было помочь тете Весе, на чью долю сегодня, вне всяких сомнений, выпали тяжкие переживания. По дороге Цеся еще услышала, как представитель Госстраха, упорно отказывавшийся нарушить служебный долг, был подвергнут испытанию подкупом. А именно: мама предложила ему взятку в виде керамической настольной скульптуры под названием «Фрина III».

11

По прошествии получаса семейство Жак стало собираться за обеденным столом. Никто уже не помнил о страховом агенте, который ушел побежденным, унося керамическую взятку. Тетя Весе оторвалась от плиты. Бобик, как будущая надежда нации, был удостоен котлетки с морковкой. Остальные члены семьи получили пельмени из пачки и капусту. Блюда эти были встречены с шумным неудовольствием. За столом недоставало только дедушки, который после ухода агента удалился в свою комнату и погрузился в чтение, не внемля сигналам, доносящимся из внешнего мира.

Дедушка вот уже два трудных для него года был на пенсии. До того он, инженер с довоенным дипломом, о чем любил упоминать, вел активный образ жизни. Когда же его вынудили бросить работу и за ничегонеделание брать из государственной казны деньги, он воспринял это очень

болезненно. Одно лишь его несколько утешало: к нему постоянно обращались за профессиональными консультациями. Кроме того, он нашел для себя увлекательнейшее занятие, а именно: решил восполнить пробелы в своем знании литературы, во множестве накопившиеся за его долгую жизнь, поскольку прежде у него никогда не хватало времени для неторопливого, со вкусом, вдумчивого чтения художественных произведений. Будучи человеком обстоятельным и внутренне организованным, дедушка разработал простую систему: записавшись в близлежащую публичную библиотеку, он брал там в алфавитном порядке все книги, которые еще не читал. Из патриотических соображений дедушка начал со стеллажа с польской литературой. В конце второго года пенсионерской жизни в книге одного известного польского автора он и нашел подходящий псевдоним для Целестины.

Телятинка, поминутно спотыкаясь о разбросанные повсюду игрушки Бобика, разносила тарелки с пельменями. Она как раз ставила на стол последнюю, когда в передней раздался звонок.

— Это наш друг из Госстраха. Единственно и исключительно, — сказал Жачек, подмигивая жене. — Рассмотрел «Фрину» и торопится вернуть обратно.

Однако на пороге появилась тетя Веся, ведущая за собой бледную и озябшую Данку Филипяк.

Цесю пригвоздило к месту.

— Здравствуйте, — страдальческим голосом произнесла Данка, — Цеся, я не помешаю? Мне нужно с тобой поговорить...

Больше Данке не дали произнести ни слова. Папа Жак

усадила ее за стол и положил на чистую тарелку изрядную порцию пельменей. Как-никак первая подруга с тех пор, как Телятинка, бедняжка, начала учиться в лицее. Такого гостя надлежало принять достойно.

— Пельмешек? — искушающе спросил Жачек.

Данка охотно согласилась, улыбнувшись через стол Целестине.

«О господи, — молилась Цеся, — лишь бы только родственнички не начали свои штучки!»

— Я не голоден! — возвестил миру Бобик, тараща глазенки и складывая трубочкой розовые губки. — Я поем только немножко морковки, в морковке есть витамин «эм».

— А в котлете витамин «ка», — слукавила тетя Веся. Бобик был помешан на витаминах, и это следовало использовать с умом.

— Тоже мне мания, — издевательски заметил Цесин отец. — Кто-нибудь когда-нибудь видел витамин?

— Я видел! — одернул его Бобик, свирепо хмуря светлые бровки. — Он был зеленый и ползал по тарелке.

— А какого он примерно размера? — поинтересовался Жачек, сохраняя полную серьезность.

— Вот такой, — показал Бобик. — С крапинками. На вид очень здоровый.

— Не может быть.

— Он мне сказал, что если я не съем салат, то никогда не стану пожарником.

— О господи! — сказал Жачек. — Это было бы чревато ужасными последствиями.

— Чревато, — повторил ребенок, наслаждаясь новым словом. — Чревато, черт побери.

— Сыночек!!!

— Чреватая кровавая котлета, — отчетливо произнес Бобик.

Цеся сидела как на иголках. Что подумает Данка об их семейке? Пока что ее родные показали себя не с наилучшей стороны. А ведь еще всякое могло случиться.

Вошел дедушка, уткнувшись носом в книгу. Недавно он приступил к изучению французской литературы, и занятие это целиком его поглотило. Оторвать от чтения старшего Жака мог только пожар. Глава рода машинально сел за стол, на ощупь взял ложку и отведал капусты, не переставая читать.

— Дедушка, — чуть ли не простонала Целестина, — у нас гости.

Дедушка как будто очнулся.

— Ах, да, — рассеянно пробормотал он, едва поглядев в Данкину сторону. — Простите, что я читаю, но этот Барбюс мне смертельно наскучил.

— Чреватый кровавой барбюс, — сказал Бобик, нехотя засовывая в рот ложку тушеной морковки.

Цеся боялась даже взглянуть на свою ослепительную одноклассницу. А тем временем собравшиеся за столом обращались с гостьей запросто, словно она не была обладательницей одухотворенного лица и загадочного взгляда. И, о стыд, отец даже позволил себе отпустить грубоватую шуточку насчет миндалевидных Данкиных глаз: он сказал, что, по всей вероятности, у нее есть еще одна пара миндалин, притом увеличенных...

Ох, как было бы здорово, если б можно было повернуть время вспять!..

Не namного, минут на десять: звонок бы раздался, когда Цеся была в кухне, — она бы сама открыла дверь и увела Данку куда-нибудь в укромный уголок. А так...

В конце концов Цеся отважилась поднять глаза на Данку, ожидая самого плохого. Однако на русалочьем лице гостыи играла снисходительная улыбка: кажется, ей было весело. Она с аппетитом поглощала пельмени и даже как будто стала чуть менее одухотворенной. «Это под влиянием моих милых родственничков, — подумала Цеся. — Они так безнадежно прозаичны».

Наконец можно было встать из-за стола.

— Идите, девочки, — проникновенно сказала тетя Веса. — Я помою посуду. Я все понимаю, сама когда-то была молода. Идите, идите к себе.

«К себе». Легко сказать. У самой двери Цеся сообразила, в каком состоянии оставила утром комнатушку, где жили они с Юлией. Позор. К сожалению, в квартире не было другого уголка, где две полувзрослые особы женского пола могли бы углубиться в интеллектуальную беседу. В кухне все вверх дном. К бабушке в комнату нельзя: надо же ему где-то единоборствовать с Барбюсом, да и вообще такого в заводе не было, бабушкина комната — святыня. У родителей все завалено глиной и гипсом, в углах, словно пугала, торчат обрубки незаконченных скульптур для индивидуальной маминной выставки; исключение составлял уголок за книжным стеллажом, где отец устроил свой кабинет, который со свойственной ему педантичностью содержал в идеальном порядке. Однако там он сам любил вздремнуть после обеда.

Цеся вздохнула. Увы, ничего не поделаешь...

Предупредив Данку, что в комнате немного не прибрано, она с опаской приоткрыла дверь.

О чудо! Юлия убрала комнату!

Это был верный признак того, что сестра работала. Всегда, прежде чем окунуться в стихию творчества, Юлия мыла пол, а иногда, в случае необходимости, даже окна. В комнате все сверкало, воздух был напоен запахом свежести выстиранных занавесок и дождя. Легкий диссонанс в эту симфонию чистоты вносил огромный стол сестры, заваленный изрезанной бумагой, заставленный незакрытыми бутылочками с плакатной тушью и множеством сосудов с грязной водой от кистей. Посреди забрызганного красками и клеем листа картона белел большой прямоугольник — след от произведения искусства, с которым Юлия, очевидно, умчалась на занятия в академию.

Цеся усадила Данку на диван.

— Здорово, что ты наконец зашла, — сказала она, преодолевая робость.

— Я должна была тебя поблагодарить. Такая у меня возникла внутренняя потребность, — ответила Данка. Слова ее прозвучали красиво и многозначительно.

— Не за что, — простодушно ответила Цеся и тут же засомневалась, стоило ли так отвечать.

— Павел поступил отвратительно. Никто не сделал для меня столько, сколько ты. И так бескорыстно, — продолжала Данка, полузакрыв свои подернутые туманом глаза.

— Не о чем говорить. — Цеся погрязла в банальностях.

— Я очень одинока, — сказала Данка печально и посмотрела Цесе прямо в глаза.

Целестина набрала воздуху в легкие. Одинока. О господи!

— Да? — задала она идиотский вопрос.

— Бесконечно одинока, — повторила Данка.

— А... Павел? — отважилась спросить Цеся.

— Павел не считает меня человеком. Моя внутренняя жизнь его абсолютно не интересует.

Цеся сочувственно вздохнула.

— Он только и знает, что спрашивает, почему я от всего прячусь! А как можно это объяснить? Я боюсь жизни. Ты тоже боишься жизни?

— Кто не боится.

— Мир такой чужой и неприветливый...

— Это верно, — согласилась Цеся. — Стоит выйти за порог, и у меня появляется ощущение, будто я прыгнула в ледяную воду... Ой нет, это я глупости говорю...

— Наоборот, это очень интересно, — сказала Данка без всякого интереса. — А мне ничего не хочется... из школы меня, наверно, выгонят... я ведь совсем не занимаюсь. Только целыми часами кручу пластинки. Смотрю в стенку, слушаю музыку, и мне становится спокойно.

— Хандра у тебя, что ли?

— Она у меня всегда, — простила Данка. — Знаешь, я просто не вижу в нашей жизни смысла. Зачем учиться? Зачем мучиться? Все равно умрем.

— Это просто хандра, — заявила Цеся, наконец почувствовав себя уверенно на знакомой почве. — От нее можно избавиться. Я знаю несколько хороших способов. В зависимости от степени нужно...

— Я одинока, — перебила ее Данка, с тоской глядя в потолок.

— Если хочешь, — вырвалось у Цеси из глубины души, — я могу быть твоей подругой. Давай с завтрашнего дня заниматься вместе. Договорились?

— Ты это предлагаешь из жалости, — вздохнула Данка. — А я и того не стою. Я слабая, безвольная курица...

— А ты не будь курицей, — лаконично посоветовала ей Цesia, которой эта волынка постепенно начинала надоедать. — Возьми себя в руки. От депрессии лучшее средство — напряженная работа. Такая, чтобы сразу были заметны результаты.

— Наоборот... когда много работы, я совсем скисаю.

— Лень, — коротко сформулировала Цesia. — Самое

простое — махнуть на все рукой. Моя мама всегда говорит, что работать над собой нужно до конца жизни, так как никогда не поздно еще что-то исправить.

Раздался смехок.

— Я бы этого не сказал, — произнес Целестинин отец. Он стоял, прислонившись к дверному косяку, и преспокойно подслушивал.

Цеся даже вскрикнула от негодования:

— Подслушиваешь?

— Ни в коем разе, — возразил отец. — Я только пришел спросить, не хотите ли компоту. Тетя Веся меня прислала.

— Ты не мог хотя бы кашлянуть? Или постучать! — Цеся едва сдерживалась, чтоб не расплакаться.

Как не стыдно, в самом деле! Подслушивают, вмешиваются в разговор... Нет, это невыносимо!

— Дверь была открыта, — оправдывался Жачек. — Ну, так как насчет компота?

— Мы не хотим! — со злостью отрезала Цеся.

— Я бы выпила... — Данка робко улыбнулась Жачеку.

— Извини меня за папу, — сказала Цеся, как только отец скрылся за дверью кухни.

— Ты что? У тебя ужасно симпатичные родственники! — убежденно воскликнула Данка. — Послушай, а как они относятся к твоему мальчику?

— Никак не относятся, потому что у меня его нет, — мужественно призналась Целестина.

— Шутишь! Как это — нет?

— Очень просто. Никому мало-мальски интересному я не приглянулась.

— Потрясающе! У тебя хватает смелости быть одной!

— Просто я никому не нужна. — Цеся печально усмехнулась.

— Да ведь ты очень красивая! — воскликнула Данка, произвольно перенимая роль утешительницы.

— Какое там, — сказала Цеся еще печальнее.

— Хорошенькая!

— Это ты хорошенькая... — Цеся с завистью поглядела на Данусю.

— Ненавижу свою физиономию, — угрюмо призналась Данка.

— Ты что, с ума сошла?! — изумилась Цеся. — Подойди к зеркалу, посмотри, какое у тебя выразительное лицо, а у меня что? Розовая картофелина. Телятина.

— Да нет, это как раз у тебя выразительное лицо! — из вежливости упорствовала Данка.

— Ничего подобного! У тебя!

— Нет, не у меня! У тебя!

— А я говорю, что у тебя, и не спорь!

— О господи! — простонала вдруг Данка.

Девочки отвернулись от зеркала и, поглядев друг на дружку, бешено расхохотались.

— Приятно такое слушать, а?

— Тщеславные идиотки.

— Нам только об этом и тверди — какие мы хорошенькие.

— Мальчишкам нравятся хорошенькие.

— Вот именно. Ты читала в «Филиппинке»? Девочки больше всего ценят в мальчишках ум и чувство юмора.

— А мальчики?

— Ты еще спрашиваешь! Конечно, им нужно, чтоб была

смазливая и умела вкусно готовить.

— Не может быть.

— Представь себе!

— Вот дураки.

— Не дождется он, чтобы я ему готовила и стирала носки.

— Это еще кто же?

— Хотя бы Павел. Этот человек меня раздражает. Вчера устроил ужасную сцену ревности, а сегодня написал для меня сонет.

— Шутишь.

— Нисколько. Настоящий сонет, по всем правилам. Я была в восторге, пока мама не сказала, что все от начала до конца содрано у Шекспира.

— Наверно, у него самого не получалось, — великодушно сказала Цеся.

— Похоже на то, — пискнула Данка.

И девочки, переглянувшись, в приступе смеха повалились на диван. Смеялись до полного изнеможения.

— С завтрашнего дня, — проговорила наконец Цеся, отсмеявшись и вытирая слезы, — с завтрашнего дня будем заниматься вместе, хорошо?

— Ладно. Ты молоток.

— Я тебе помогу: по математике и вообще по всем предметам. В конце концов, невелика наука.

— Да уж наверно. Если какая-то там Ковальчук может получать четверки и пятерки...

— Вот именно. Будешь приходить каждый день, ладно?

— Ну... не знаю, что скажет Павел...

— Как хочешь, — уже суше произнесла Цеся и пере-менила тему.

Жачек был так напуган, что высунул нос из кухни, только когда услышал, как за Данкой захлопнулась входная дверь.

— В Телятинку при посторонних вселяется дьявол, — заявил он.

— Оставь ее, — попыталась умиротворить его тетя Веса. — Ей ужасно хотелось, чтобы подружке все понравилось.

— Так стараться ради какой-то бледной немочи?! — вспыхнул Жачек.

Именно в эту минуту в комнату вошла Цеся.

— Бледной немочи! — крикнула она. — Данка красотка! А ты, папа, без очков уже вообще ничего не видишь!

— Без очков я только увидел, что у нее постоянно открыт рот, — огрызнулся уязвленный Жачек. — Потому и позволил себе тонкий намек насчет миндалин. А вообще, можете считать меня самонадеянным глупцом, но больше всего мне нравятся собственные дети. — Он с восхищением поглядел на Целестину. — Просто кровь с молоком: мордашка красная, глазки блестят, здоровая, упитанная, аж лоснится. Разве сравнишь с этой подружкой твоей... да она же, с позволения сказать, ни рыба ни мясо.

«Упитанная»! «Мордашка красная»! Знал бы Жачек, как больно задел свою младшую дочь, он бы, наверно, предпочел помалкивать целую неделю.

Глава 2

1

Совершенно неожиданно выпал снег. В этом, правда, не было ничего противоестественного — на дворе стояла зима. Но декабрь в том году больше смахивал на дождливый ноябрь, и никто из жителей Познани даже не мечтал, что на рождество выпадет снег. И тем не менее перед самыми праздниками первые утренние прохожие с изумлением увидели мир преображенным, идиллически тихим, сверкающим невинной белизной.

Ежи Гайдук стоял у открытого окна и жадно вдыхал пахнувший снегом воздух. Улица Сенкевича была еще пуста, кое-какое движение началось только в продовольственном магазине на первом этаже. Было холодно, но на такие мелочи Ежи Гайдук не обращал внимания. Он стоял в пижаме у окна и смотрел поверх крыш домов на макушку желтой башенки, освещенную слабым светом уличного люминесцентного фонаря. Ничего больше увидеть он бы не смог, даже наполовину высунувшись наружу. И все-таки вот уже три месяца по утрам, едва открыв глаза, подходил к окну и смотрел в сторону дома, где жила Целестина.

Ежи Гайдук был человеком одиноким. С раннего детства его воспитывала бабушка, так как родители давно умерли. В маленьком городке, где они жили, не было средней школы, а поскольку бабушка решила дать внуку образование, он был отправлен в лицей в Познань. Ком-

нату сняли у пани Пюрек, которая заслуживала доверия хотя бы по одной причине: она была родом из того же города, что и Гайдуки. Кроме того, что было весьма существенно, сия пожилая дама не требовала за комнату оплаты вперед. Ежи у нее жилось хорошо, завтраками и ужинами она его кормила, а обедать можно было в кафе-молочной.

Ежи Гайдук был неразговорчивый, застенчивый, чертовски способный и начитанный подросток. Два последних свойства в школе пока не были замечены, ибо этому препятствовали два первых. Однако отсутствие общественного признания Ежи не волновало. Он был всецело поглощен изучением университетских учебников физики, а также «Размышлений» Марка Аврелия. Это до такой степени его занимало, что позаботиться о своей внешности времени уже не оставалось, поэтому выглядел он — с точки зрения ровесниц — весьма непрезентабельно. Впрочем, на ровесниц он тоже не обращал внимания. За исключением Целестины.

Но Целестина в самом деле была исключением.

Ему нравилось на нее смотреть. Вот и все.

Ему вообще нравилось все, что имело к ней хоть какое-нибудь отношение. Например, ее дом, ее улица, ее сапожки, ее отец и велькопольский хлеб, который она покупала каждый день, из чего можно было заключить, что этот сорт ей особенно по вкусу. Все, что касалось Целестины, было таинственным и исключительным, окрашенным неизъяснимой прелестью, удивительным и волшебным.

Гайдуку было очень интересно, как там, в этом странном

доме, внутри. Он пытался представить себе его обитателей: симпатичных, уравновешенных — так ему казалось — родителей и утонченную элегантную Цесину сестру, которую однажды видел издалека. И ее саму — всегда надменную, прелестную, загадочную, зеленоглазую Цесю, которая с начала учебного года от силы три раза удостоила его взглядом. Что она теперь делает?

В воображении промелькнула картина: красиво накрытый стол, за которым, негромко переговариваясь, сидят Цесины родные, отщипывая кончиками пальцев крошечные кусочки от каких-то воздушных булочек.

Ежи посмотрел на часы. Нужно торопиться. Чтобы занять свое место в укрытии перед Цесиным домом и ждать. Сегодня она наверняка будет в хорошем настроении. Она наверняка любит снег.

2

Первым проснулся Жачек. Он нехотя вылез из постели и в темноте, стараясь не разбудить жену, набросил на себя какую-то одежду. Потом пошлепал на кухню, чтобы поставить воду для кофе.

В кухне он обнаружил чудовищный беспорядок. Раковина завалена грязной посудой, посреди усыпанного крошками стола — лужа молока.

— Значит, вчера была Юлечкина очередь мыть посуду, — вслух заметил отец. Удивительно, до чего легко догадаться.

Он достал из шкафчика большую кастрюлю и налил в нее холодной воды. Потом с невозмутимым спокойствием

направился в комнату дочек.

Девочки еще спали. В комнате было темно, вследствие чего Жачек счел уместным зажечь лампу под потолком.

Поток яркого света залил комнату. Цеся вскочила немедленно в состоянии, близком к шоковому. Юлия продолжала спать мертвым сном.

— Телятинка, — ласково проговорил отец, — ты не знаешь, в котором часу вчера вернулась твоя сестра?

— Н-не-н-наю, — невразумительно пробормотала Цеся, силясь сообразить, откуда взялся отец, представший перед ней в дамском голубом атласном халатике, с прижатой к животу красной кастрюлей: из мира сновидений или он существует наяву.

— Я спрашиваю, когда вернулась Юлия, — повторил отец тоном, не сулящим ничего доброго.

Какая-то струна в Цесе вдруг оборвалась, и она бесильно упала на подушки.

— Понятия не имею, — слабо пискнула она. — Это все?

— Что касается тебя — да, — великодушно промолвил отец. — Можешь спать спокойно. — И, зачерпнув горсть ледяной воды из кастрюли, тонкой струйкой вылил ее на шею старшей дочери.

Юлия вскочила с пронзительным воплем. Целестина, которая, получив разрешение отца, нырнула было под одеяло и даже успела задремать, пулей вылетела из постели, дрожа, как в лихорадке.

Жачек выглядел, как Чингисхан, несмотря на халатик.

— Вставай, грязнуля, — сурово произнес он. — Кастрюли ждут!

— Ради бога... — плаксиво пролепетала Юлия. — У

меня срочная халтура, я всю ночь работала. Только-только заснула. Кто меня будит и зачем? Это камера пыток?

— К счастью, сегодня я не спешу, — сказал Жачек. — К счастью, у нас сегодня конференция. К счастью, я имею возможность заставить тебя заняться делом. Встаю утром, захожу на кухню, и что же видят мои усталые глаза? — Он замер, устремив на дочку вопрошающий взгляд.

— Что они видят? — упавшим голосом спросила Юлия.

— Они видят плоды твоего лентяйства. Ты вчера должна была вымыть посуду. Неужели мать, посвятившая себя служению искусству, или престарелый дедушка, или школьница-старшеклассница обязаны делать за тебя твою работу лишь потому, что ты неряха?

— А почему бы и нет? — грубо ответила Юлия. — Пусть делают.

— Значит, отказываешься вставать и мыть посуду?

— Выкинь это из головы, — сказала Юлия и зарылась в подушки.

— В таком случае, я тебя оболью, — решительно заявил Жачек, зачерпывая ладонью воду. — Ну, что ты теперь скажешь? — И он плеснул воду дочке на спину.

Очередной вопль сотряс воздух.

— Не люблю, когда у вас конференции, — сказала Юлия, с трудом приходя в себя. — Боже праведный, как трудно жить в сумасшедшем доме!

И встала.

— Вот и умница, — похвалил ее Жачек. — Что мне в тебе нравится, так это твое благоразумие. Вымой кастрюльки, а потом приготовь нам всем завтрак. Если я каждый день буду подымать тебя таким образом, возможно,

ты привыкнешь раньше ложиться спать.

Весьма довольный собой, Жачек отправился в ванную. И тут только осознал глубину своей ошибки. Через двадцать минут он должен был стоять на остановке автобуса-экспресса «Б» — умытый, выбритый, одетый. А тем временем им самим разбуженная дочка мыла посуду, что вследствие устарелой конструкции газовой системы исключало для него возможность пользоваться горячей водой за стенкой, то бишь в ванной.

Жачек понял, что дело плохо лишь в ту минуту, когда на его лице запенился наложенный толстым слоем крем для бритья. Из крана ленивой струйкой текла холодная вода, а умывание холодной водой в ледяной ванной декабрьским ранним утром было, испытанием, превышающим возможности Жачека. Ломая пальцы, он соображал, что бы такое сделать. Потребовать, чтобы Юлия прервала работу? Отпадает. Она немедленно уляжется обратно в постель, а это сведет на нет положительный эффект его нового воспитательного метода. Тогда, может быть, согреть немного воды в кастрюле? Исключается. Это означает, что ему придется торчать на кухне и ждать, а Юлия лопнет от мстительного смеха. Нет, ни за что.

И Жачек решил сделать вид, будто не побрился просто по рассеянности. Сейчас он сотрет с лица крем, оденется, позавтракает и только перед самым уходом, когда Юлия освободит подступы к горячей воде, расправится с двухдневной щетиной и наспех умоется.

Однако, едва начав вытирать щеку, он вспомнил, что минуту назад выдавил последние остатки крема из тюбика. Если стереть тот крем, что на лице, потом не удастся по-

бриться. Скрежеща зубами, Жачек торопливо оделся, по-минутно поглядывая на часы. Спасти его могло только одно: Целестина.

— Цеся! — проникновенно зашептал Жачек, теребя дочку за плечо. — На помощь!

Цеся подскочила, как на пружине, и проснулась с бьющимся сердцем.

— К-какой час?

— Поздний! — шепнул отец. — Помоги, спаси, сбегай в киоск. У меня нет ни капли крема для бритья.

— Хорошо, — простонала Цеся и выползла из постели, попутно взглянув на отца из-под припухших век. — У тебя же есть крем. На лице.

— Да, — охотно согласился Жачек, — но не для бритья.

— А для чего?

— Для маскировки.

Цеся надолго замерла.

— Почему? — спросила она, устремив на отца отсутствующий взгляд.

Жачек застонал. О том, чтобы объяснить все с самого начала, в данной ситуации не приходилось и думать.

— Беги в киоск, только сразу!

Пока полусонная Целестина хваталась за разные детали туалета, Жачек побежал обратно в ванную.

И окаменел, взявшись за ручку.

За время его недолгого отсутствия ванную оккупировал дедушка. Дверь была закрыта на задвижку. Из-за двери доносилось громкое пение.

— «Гей-гей, батька атаман!» — хриплым голосом распевал дедушка печальную думку. Судя по отчетливо

слышному шуму воды, он стоял под душем.

Из груди Жачека вырвался горестный стон. Выходит, он все прозевал. Дедушка принимает душ — стало быть, Юлия кончила мыть посуду. Горячая вода снова доступна. Но, увы, не для Жачека.

Он заглянул на кухню.

Юлии там не было. Три с грехом пополам вымытые тарелки стояли на сушилке. Остальная посуда в нетронutom виде покоилась в раковине. Лужа на столе не уменьшилась ни на миллиметр.

Пение в ванной стало громче.

— «...И ветер уснул на кургане, и заснула вода в Днепре», — меланхолически выводил дедушка.

Жачек пришел в ярость.

Шлепая туфлями, он побежал в комнату дочек. И увидел там Юлию, сладко спящую на мягких подушках. Бледная, нетвердо держащаяся на ногах Цеся ощупью искала туфлю.

— А-а-а-а! — взревел доведенный до крайности отец.

Цеся подпрыгнула и открыла глаза.

— Уже, уже бегу, — испуганно пробормотала она и в чем была выскочила из комнаты.

Вот почему романтически настроенный Ежи Гайдук, прятavшийся за газетным киоском против желтого дома, был в высшей степени удивлен, увидев владевшую его мыслями одноклассницу несущейся через дорогу в войлочных домашних тапочках и красном платье, надетом на пижаму, из одной штанины которой торчал, развеваясь, чулок.

Учитель польского пан Дмухавец жил на улице Рузвельта. Проснулся он рано из-за того, что под находящимся по соседству Театральным мостом с громким ревом пронеслась электричка. Учитель встал, накинул халат и первым делом взглянул на градусник за окном, желая узнать, сколько градусов тот показывает. Убедившись, что столбик ртути съехал до минус двух, Дмухавец зевнул, завязал поясок у халата и закурил сигарету. И тут ему бросилось в глаза, что вокруг все как-то побелело.

Дмухавец любил снег. Больше всего, пожалуй, на экране телевизора. Особенно ему нравились прыжки с трамплина и вообще любые соревнования, участникам которых то и дело приходится идти на риск. Глядя на что-нибудь эдакое, он всякий раз тешил себя мыслью, что ему в свое время не взбрело в голову стать спортсменом. Что же касается осадков в виде снега — без этого он вполне мог бы обойтись. Рано или поздно снег на тротуаре неизбежно превращается в омерзительное месиво, и самая прочная обувь в два счета промокает насквозь.

Дмухавец недовольно посмотрел в окно. С виду бело и красиво. А что толку? Предчувствие скорых перемен лишало всякой прелести зимний пейзаж. Не пройдет и получаса, как невесомый небесный пух превратится в грязную кашу!

В семь пятнадцать, как обычно, Дмухавец отправился в школу. В соответствии с его прогнозом снег уже начал подтаивать. С лязгом и скрежетом проезжали трамваи,

люди толпились на остановках. Дмухавец поежился и побрел в сторону улицы Мицкевича.

Первый урок сегодня в 3-м классе «А». Задиристые ребята. Снова придется поволноваться: классные оппозиционеры, безусловно, попытаются выместить на нем свое ожесточение и будут упрекать за несовершенство этого мира. Неужели они всерьез считают, что ему этот мир нравится? С ними всегда так: позволишь высказываться откровенно, тебя же потом и замучают. Дмухавец вздохнул, но то был вздох удовлетворения: на самом деле он очень любил, когда его мучили подобным образом, а к 3-му классу «А» питал истинную слабость. С некоторой грустью он подумал, что собственный его класс, 1-й «Б», не станет терзать своего классного руководителя: от них не дождешься ни любопытства, ни обвинений, ни требования немедленно дать ответ на миллион ехидных и каверзных вопросов. 1-й класс «Б» состоит из запуганных овечек, которые смотрят учителю в рот и норовят угадать каждое его желание. Ни о каком бунтарстве и речи быть не может.

Дмухавец в последний раз затянулся, бросил окурочку и перешел дорогу, на перекрестке. По улице Мицкевича вереницей тянулись машины, поминутно застревая в заторах. В воздухе пахло выхлопными газами и дымом. Учитель с отвращением месил ногами тающий снег, пока не решил, потеряв терпение, изменить свою обычную трассу и свернуть на улицу Словацкого. Дорога до школы так несколько удлинится, но, по крайней мере, ноги не промокнут.

На улице Словацкого было тихо и бело. По тротуару с левой стороны тянулось всего несколько цепочек черных

следов, окна освещенного газетного киоска отбрасывали на снег желтоватый отблеск. Какая-то легко одетая девочка, не глядя по сторонам, перебежала заснеженную мостовую и скрылась в подъезде дома с башенкой.

В газетном киоске Дмухавец получил краткую информацию о том, что «Голос» уже кончился. Нисколько не удивившись, он отошел от окошечка и увидел, как в тот же момент от боковой стенки киоска отделился долговязый парень и куртке с капюшоном. Верзила налетел на Дмухавца, отдал ему левую ногу, извинился басом и, не подымая глаз, задумчивый, сгорбленный, зашагал по тротуару, размахивая портфелем.

Было что-то знакомое в этой длинной, нескладной фигуре и неторопливых движениях занятого своими мыслями человека. Дмухавец часто попадал впросак, не узнавая собственных учеников. Во-первых, он был близорук, во-вторых, все эти молодые люди издали выглядели совершенно одинаково. Однако в данном случае Дмухавцу явно попался оригинал. У верзилы не было ни дубленого полушубка, ни джинсов, ни курточки до пупа. Он определенно не следил за модой. Кроме того, долговязый был коротко острижен, и лишь по этой детали Дмухавец узнал своего ученика из 1-го класса «В». «Гайдук, — подумал он. — Физик говорит, что парень очень толковый, только некоммуникабельный». На уроках польского Гайдук поражал Дмухавца короткими меткими замечаниями, которые выпаливал скороговоркой, глядя в сторону. Сочинения он писал посредственные, откровенно вымученные, и лишь кое-где в них сверкали оригинальные обороты, вырывавшиеся у автора как бы помимо воли.

Дмухавец с удивлением обнаружил, что вновь оказался на шумной улице Мицкевича. Перед большим домом, на первом этаже которого помещалось Управление по делам печати, учитель в недоумении остановился. На ступеньках у входа в управление сидел Ежи Гайдук и явно чего-то ждал.

Гайдук заметил Дмухавца. Учитель подошел ближе.

— Здравствуй, — сказал он. — Что ты здесь делаешь, дружок?

— Жду, — прозвучал лаконичный ответ.

Гайдук поднялся и стоял перед классным руководителем в позе непринужденной, но не лишенной почтения. Взгляд у него был отсутствующий.

— Опоздаешь в школу.

Гайдук посмотрел на часы.

— Думаю, что нет, — вежливо ответил он.

— Может, пойдем вместе? — неожиданно для себя предложил Дмухавец.

— Я жду одного человека. Большое спасибо, — серьезно ответил мальчик, невольно бросив тоскливый взгляд на угол улицы Словацкого.

Дмухавец почувствовал, что ему лучше поскорее убраться. Он кашлянул, пробормотал невнятно «извини» и быстро зашагал в направлении школы.

4

Нет, нет, Гайдук не был запуганной овечкой.

Дмухавец сидел на своем стуле за кафедрой и незаметно присматривался к долговязому ученику. Было двенадцать

часов дня, и в мрачный класс заглянуло солнце, высу-
нувшееся из-за соседней крыши. Беата Ковальчук в кра-
сивой позе стояла за партой и с чувством декламировала:

— «Плывунья с парусами, дочь островерхой Иды, ладья
из бука...»

Ежи Гайдук что-то читал под партой.

Учитель литературы Дмухавец с трудом подавил в себе
убеждение, что, если человека не интересует Коханов-
ский,³ он не так уж глупо поступает, используя время
урока для чтения. Откашлявшись, Дмухавец собрался
было звучным голосом попросить Гайдука не заниматься
посторонним делом. Однако внезапно его одолело обыч-
нейшее любопытство книжного маньяка. Ему ужасно за-
хотелось узнать, что читает Гайдук.

— Что ты читаешь, Гайдук? — спросил он добродушно.
Мальчик вздрогнул.

— Покажи, — потребовал учитель, надеясь увидеть
авангардистский роман или томик поэзии.

Но увидел «Спортивное обозрение».

На второй парте у двери кто-то презрительно фыркнул.
Дмухавец покосился в ту сторону из-под очков и убедился,
что фыркнула тихая блондиночка по фамилии Жак. Мало
того, она еще и засмеялась иронически.

Ежи Гайдук вдруг покраснел.

³ Ян Кохановский (1530–1584) — крупнейший поэт польского Возрождения.
Цитата взята из его трагедии «Отказ греческим послам». (*Перевод
Вс. Рождественского*).

5

После уроков Цеся подошла к Данке.

— Дануся, — начала она.

Подруга натягивала сапожки. Подняв на Цесю свои затуманенные глаза, она рассеянно спросила:

— Да?

— Может, зайдешь после обеда, позанимаемся немножко?

Данка расхохоталась:

— Ну, знаешь, у меня найдутся дела поинтереснее! Мы с Павлом идем в кино. На «Крестного отца». И тебе советую. Нашла дурочку — заниматься перед праздниками! — И, послав Цесе лучезарную улыбку, снова взялась за «молнию» на своем сапоге.

С другого конца раздевалки шел Гайдук, глядя прямо на Целестину. Похоже было, он намеревался ей что-то сказать. Цеся вспомнила, как презрительно фыркнула на уроке, и вдруг поняла: все, что бы ни сказал сейчас Гайдук, придется ей не по нутру и только испортит настроение. Вид у Гайдука был грозный и отталкивающий, светлые глаза сердито сверкали из-под козырька вязаной шапки.

Цеся подхватила сумку с книгами, повернулась на каблуках и трусливо ретировалась в коридор, а оттуда в туалет.

6

В канун рождества в доме Жаков пахло коврижкой. Теплый аромат волнами плыл из кухни в комнату, подымался к потолку и снова опускался вниз. Еще пахло хвоей,

хотя елка стояла на балконе. Продрогшая Цеся закрыла за собой входную дверь и с наслаждением втянула воздух в легкие. Итак, праздники. Чудесные дни, свободные от школы, от зубрежки, от неверных подруг и кошмарных темных личностей, читающих исключительно «Спортивное обозрение». Вкусные пироги, семейный уют, неповторимое рождественское настроение, елка, коляды и телевизор.

Из кухни пахнуло луком и чесноком.

— Мамуль! — закричала Цеся. — Можно что-нибудь быстренько кинуть на сковородку? Мне нужно уходить!

Мама, растрепанная, раскрасневшаяся, выглянула из кухни:

— Скажи, радость моя, в какие края ты направляешься? Может заодно купишь рыбку?

— Ладно, куплю, — согласилась Цеся. — А направляюсь я за подарками.

— Много-много рыбки, — сказала мама, думая о чем-то другом. — Ты случайно не знаешь, где машинка для мака?

Этого Цеся не знала. Тогда мама пустилась в обход, спрашивая одно и то же у всех по очереди: у Бобика, чистившего миндаль, у тети Веси, занимавшейся уборкой, и у погруженного в чтение дедушки. Безрезультатно. Машинки для мака никто не видел.

Цеся пошла на кухню.

На обед были макароны в миланском соусе — в доме Жаков они появлялись весьма регулярно, примерно два раза в неделю. Главное достоинство этого вегетарианского блюда заключалось в том, что приготовить его не составляло труда. Достаточно было просто сварить макароны и

залить их горячим томат-пюре, куда добавлялось растительное масло и множество отчаянно дерущих горло приправ, среди которых преобладали кэрри и черный перец.

Пока Цеся кашляла над тарелкой с макаронами, из города вернулась припорошенная снегом Юлия. Ее черные глаза сверкали, сверкали снежинки на воротнике и на плечах, блестели волосы под пушистой шапочкой.

— Я купила себе новое пальто, — объявила она сверкая.

— На какие деньги? — удивилась мама.

— Мне заплатили за декорации. Помнишь, мы делали к годовщине Октябрьской революции.

— Да, да, — вспомнила мама. — Ну и как, много ты заработала?

— Достаточно, — скромно призналась Юлия, — Сама погляди, — и, кинув на стул сумку, доверху набитую свертками, закружилась вокруг собственной оси: ни дать ни взять Снежная королева.

— Ничего пальтишко, того-этого. — заметил дедушка, ковыляя по коридору. — По нынешней моде, разумеется. А что там у тебя в сумочке?

— Подарки, — ответила Юлия. — Для всех. Но только один человек получит свой подарок сегодня. Телятинка.

Цеся подавилась макарониной.

— Что ты сказала?

— С сегодняшнего дня плюй в собственную тушь, — заявила Юлия, вручая сестре пакетик в фирменной бумаге «Польской моды».

В пакетике была тушь «Макс Фактор» и зеленоватый карандашик для век.

— Больше тебе некуда выбрасывать деньги? — возмущалась мама. — Такую дорогую косметику для шестнадцатилетней девчонки! Я считаю, это чересчур.

Привлеченные, как магнитом, этим замечанием, немедленно появились остальные домочадцы. И, естественно, не преминули воспользоваться случаем, чтобы затеять семейную дискуссию, которая, по обыкновению, носила все признаки запальчивой перебранки, тогда как на самом деле представляла собой просто дружеский обмен мнениями. К счастью, отец еще не вернулся с работы, иначе Целестину общими усилиями неминуемо довели бы до депрессии. Покричали минут десять, после чего дедушка подвел итог дискуссии, сделав следующее заявление:

— А пускай красится. В конце концов, в школу ей сегодня уже не идти.

Цесе с облегчением отодвинула почти не тронутые макароны и заперлась в ванной, где в течение получаса трудилась над созданием нового облика. Результат ее не удовлетворил. Как ни крути, все равно похожа на дошкольницу, а с размалеванной физиономией — на дошкольницу, собравшуюся на маскарад. Неожиданно Цесе захотелось плакать. Жалость к себе наполнила ее глаза слезами, однако она вспомнила про накрашенные ресницы, и слезы сами собой высохли.

«Хорошая штука косметика, — подумала она. — Иной раз помогает не хуже, чем чувство юмора». — И с мрачным видом вышла из ванной.

Никто не обратил на нее внимания. Никто не издал не только восклицания хотя бы вздоха восхищения. Ну и ладно, не хотят — не надо. Мама, наполовину погрузив-

шись в стенной шкаф, с маниакальным упорством искала машинку для мака. Бобик окунал в сок одно печенье за другим и съедал их без аппетита, но зато с громким чавканьем. Тетя Веся, дымя сигаретой, небрежно и с явной неохотой чистила кресла дико ревущим пылесосом. Дедушка читал, отца не было дома. Юлия, в пурпурном халате, с выражением глубокого уныния на лице, бродила по квартире в поисках чулка.

— Я опоздаю, я опоздаю! — твердила она.

— Ты куда? — поинтересовалась мама, — Для тебя тоже найдется работа.

— Я приглашена к однокурснику. Скромный семейный вечер по случаю рождества. — равнодушно ответила Юлия.

Ее слова произвели неожиданный эффект. Мама с грохотом уронила медный таз и взволнованно подбежала к дочке.

— К Толеку? — спросила она.

Юлия слегка покраснела.

— Да, — ответила она потупясь. — Но ты не думай, не официально... Он просто так меня пригласил... Впрочем, там будет вся наша компания.

— Ах, вот оно как... — разочарованно протянула мама.

— Так, к сожалению... — вздохнула Юлия.

— Ничего не понимаю, — сказал Бобик.

— Не беда. — заметила Юлия.

— И что же вы там будете делать? — спросила мама.

— Коллективно молоть мак. Мама у Толека больна, так что...

— Ого! — возмутилась мама Жак. — А мне кто поможет молоть мак?

Юлия махнула руной:

— Оставь. У тебя же все равно нет машинки.

Бобик выхлебал остатки сока из чашки.

— Я уже не ребенок, — заявил он.

— А кто? — спросила Цеся.

— Мужчина, — ответил Бобик. — Через неделю у меня на груди вырастут волосы.

— Ну да! — изумилась Цеся. — Откуда ты знаешь?

— Они уже начали расти. У меня есть такие точки. Здесь и здесь. Через неделю вылезут рыжие волосы, как у дяди Жачека.

— А почему через неделю? — поинтересовалась Цеся. Нет, решительно этот Бобик оригинальный ребенок.

— Твой папа так говорит. Что, если не будет бриться, у него через неделю вырастет борода.

Тетя Веся выключила пылесос, воцарилась странная тишина.

— У меня пятнышки уже с утра, — закончил Бобик в этой тишине.

Тетя Веся в мгновение ока подскочила к сыну.

— Какие пятнышки! — крикнула она.

Бобик показал. После чего был немедленно раздет до пояса, и всем присутствующим представился случай по-дивиться безошибочному инстинкту тети Веси. Бобик был покрыт отчетливой мелкой сыпью розового цвета.

— Иренка! — простонала тетя Веся. — Что это?

— Понятия не имею, — призналась Цесина мама.

— Наверно, дифтерит, — сказал дедушка.

— О господи! — Тетя Веся разрыдалась.

Бобик пришел в восторг.

— Меня положат в больницу! — радостно заявил он.

— Сыночек! — всхлипывала тетя Веся.

— Или тиф. При тифе тоже бывает сыпь, — продолжал строить догадки дедушка.

— Или корь, — сказала мама.

Цеся вздохнула. Та еще семейка!

— Успокойтесь, — сказала она, ничего опасного у него нет.

— А ты откуда знаешь?

— Я это изучала.

— Где, в школе?

— Нет. У меня есть кое-какие книги по медицине... Это краснуха. Врач вам скажет то же самое.

— Краснуха? Но почему ты так уверена?

— Симптомы. Температуры, нет. Пятнышки мелкие, розовые и не сливаются. Лимфатические узлы за ушами и на затылке увеличены. Если б у него был жар, можно было бы предположить, что это экзантема субитум, хотя, впрочем, экзантема субитум бывает обычно у детей до трех лет.

Родные глядели на Целестину, разинув рот.

— Его даже не надо укладывать в постель, — сказала Целестина, щелкнув Бобика по носу. — Болезнь протекает в легкой форме.

— Цеся, — с уважением произнесла мама, — ты правда собралась в медицинский?

— Я это всегда говорила.

— Все-таки я схожу с ним в поликлинику, — нерешительно сказала тетя Веся.

— Правильно, — поддержала ее Целестина. — Излиш-

няя осторожность не помешает. Хотя краснуха не дает осложнений.

Тетя Веся посмотрела на племянницу с изумлением, смешанным со страхом, и на всякий случай засунула Бобика в постель.

Однако с этой минуты Цесин авторитет в семье несколько возрос.

Даже по Юлии можно было это заметить.

— Ну-ну, — сказала она, глядя на Цесю не без уважения. — Не думала, что ты чем-нибудь серьезно интересуешься.

Цеся в душе вскипела.

— У каждого свои интересы, — ответила она с кажущимся спокойствием. — А ты чем интересуешься, сестрица?

— Я? — запнулась Юлия и растерянно захлопала ресницами.

— Ха-ха-ха! — мстительно засмеялась Цеся и унесла на кухню тарелку с нетронутыми макаронами.

Юлия отыскала пропажу на батарее. К сожалению, чулок оказался с дефектом и к тому же от другой пары. Поэтому взбудораженная художница продолжала циркулировать между ванной и остальной частью квартиры.

— Я серьезно интересуюсь Искусством, — заявила она. Заскрежетал ключ в замке.

— Привет! — сказал радостно сияющий Жачек. — Никогда не угадаете, что произошло!

— Тебе дали премию! — обрадовалась мама.

— Нет. — Отец немного сник. — Моя новость совсем из другой области, снова просиял он. — Осуществлена ус-

тойчивая термоядерная реакция в плазме дейтерия!!!

— О господи! Какое счастье! — обрадованно воскликнула мама Жак.

Она, правда, понятия не имела, о чем идет речь, однако, будучи женщиной мудрой, охотно разделяла мужнины радости. Кроме того, она никогда не забывала, что Жачек в свое время мечтал стать физиком-теоретиком, но, уйдя с третьего курса университета, поступил в политехнический и, собственно, до сих пор не простил себе этой измены.

— Кто знает, — удовлетворенно вздохнул Жачек, плюхнувшись на стул, — какие перспективы теперь откроются перед человечеством! Управляемая реакция синтеза! Представляете? Интересно, что скажет по этому поводу Фейнман. Знаешь, Иренка, тот, который занимается квантами и кварками.

— Ага, — убежденно поддакнула мама. Биографии великих физиков она знала назубок.

— А мне интересно, — сказала Юлия, зловеще качая головой, — каковы будут последствия. Из этого можно сделать новый вид оружия?

— Ну, знаешь! — возмутился Жачек.

— Когда Склодовская открыла радар, тоже все радовались.

— Боже! Радар! — простонал Жачек, — Чему ты училась в школе?

— Ничему, — честно ответила Юлия. — Я считала, что с моими внешними данными это не обязательно.

— То был не радар, а радий.

— Все равно кончилось плохо, — пробормотала.

Юлия. — Могли бы уже перестать заниматься такими делами. В особенности если учесть, что половина земного шара голодает.

— Ха! — рявкнул Жачек. — А может быть, именно это открытие позволит решить проблему голода.

— Как раз! — презрительно бросила Юлия.

— Когда в девятнадцатом веке было доказано существование электрона, никто не предполагал, что благодаря этому открытию человек полетит на Луну. Да, моя милая, электрификация деревни, техническая революция, развитие электроники, путешествия в космос... — распалился Жачек.

— Дорогой, — деликатно перебила его мама, — ты случайно не видел машинки для мака?

— Для чего? — вернулся на землю Жачек.

— Для мака.

— Как будто видел. Кажется, она в кладовке, в коробке.

— Я ухожу, — объявила Цеся.

— Не пообедав? — огорчилась мама. — Такие вкусные макарончики, ты даже не дотронулась!

— Сегодня на обед вкусные макарончики? — с тоской спросил отец.

— Да. — ответила мама. — В миланском соусе.

— Я люблю тебя, жена моя, — торжественно воскликнул Жачек. — но за миланский соус благодарю, сыт по горло. Решительно требую яичницу.

Цеся задумчиво приглядывалась к старому Юлиному пальто, небрежно брошенному в угол. Практически это было совсем новое пальто. Совсем новое и довольно-таки красивое. Хотя и чересчур экстравагантное. Длинное,

черное, в обтяжку, с огромным лохматым воротником из черной овчины.

— Юлия, что ты собираешься делать с этим пальто? — спросила она.

Юлия посмотрела на сестру снисходительно.

— Отдать тебе, — заявила она. — Оно уже вышло из моды. И шарфик возьми и шапку. К моему новому они не подходят.

7

Ежи Гайдук тоже отправился в город. И тоже за подарками. Впрочем, в своих намерениях он не был оригинален — половина жителей Познани в эту минуту осаждала магазины, покупая рождественские сувениры, вторая половина пекла пироги с маком и коврижки. Отдельные представители обеих групп стояли в очередях за разными продовольственными продуктами, главным образом за карпом.

Как обычно, выйдя из дому, Ежи Гайдук завернул на улицу Словацкого. Он немного постоял возле киоска, но Цеся не появилась. Окна ее квартиры были освещены ярко и весело. Ежи пришел к заключению, что, вероятно, сегодня Цеся принадлежит к числу пекущих коврижки, и двинулся по направлению к центру. Ему предстояло купить бабушке какой-нибудь красивый подарок. Денег у него было порядком, поскольку все вокруг надумали к рождеству привести свои телевизоры в исправность, а починка телевизоров многочисленным знакомым пани Пюрек стала главным источником доходов Ежи Гайдукa, с

тех пор как он поселился в Познани.

Времени у него было немного. Поезд уходил в семь вечера: ужинать Ежи собирался у бабушки. Он шел вдоль освещенных витрин, где над грудами сумок и зонтов висели на ниточках шары и деды-морозы из пенопласта. И вдруг остановился, словно перед ним внезапно опустился шлагбаум.

Цеся!

Она стояла внутри магазина, склонившись над прилавком с зонтами. Потом выпрямилась и замерла в задумчивости, загадочно улыбаясь своим мыслям. Вокруг толпились люди, ее толкали, протискивались сбоку и сзади к прилавку, а она преспокойно стояла в этой суете и выглядела изумительно, но как-то совсем иначе, чем и школе.

Одета она была во что-то черное. На макушке — маленькая яркая шапочка.

Светловолосая головка в этой шапочке была похожа на весенний цветок на длинном черном стебле. Ежи не мог отвести от нее глаз.

8

В магазине было жарко и душно. Целестина оторвала взгляд от зонтов и увидала в стекле свое восхитительное отражение. Двух мнений быть не может: одежда красит человека. В старом Юлином пальто и вязаной шапочке в стиле «ретро» Телятинка себе понравилась. Правда, благодаря косметике она выглядела на добрых несколько лет старше, но в этом не было ничего дурного, совсем даже наоборот. Минут пять Целестина Жак простояла, любуясь

своим элегантным силуэтом, однако в конце концов суровая действительность напомнила о себе: карпы потекли. То ли целлофановый мешочек порвался, то ли еще что случилось короче говоря, из сетки Цесе накапало прямо в сапог, и она поняла, что надо поскорей купить для мамы зонтик и поспешить домой, чтобы там прикончить непокорных рыбок.

Цеся выбрала первый попавшийся зонт, получила у продавщицы чек, заплатила деньги и наконец вышла из магазина. Карпы продолжали течь, сетку трясло от резких конвульсий. Цеся решила, что разумнее всего преодолеть небольшое расстояние до дому бегом. А о дальнейшей судьбе карпов пускай заботятся другие.

И побежала.

Снова пошел снег, в воздухе стало совсем бело. Холодные хлопья кружились над землей, подгоняемые ветром. Тот же ветер, как на крыльях, нес Цесю и ее рыб и вдруг на углу кинул все эти сокровища в объятия идущего навстречу человека.

— Ого! — услышала она приятный баритон, и кто-то крепко обхватил ее за талию.

Цеся подняла глаза и почувствовала, что ей дурно. Ее обнимал бородатый брюнет студенческого возраста. Свет, падавший из книжного магазина, озарял его строгие, мужественные черты и зажигал золотые искорки в бездонных глазах. Бородач, не ослабляя объятий, разглядывал Цесю с интересом, какового достойны лучшие представительницы прекрасного пола. От него исходил интенсивный запах одеколона «Ярдли». Цеся в одну секунду потеряла голову.

— Пустите меня! — холодно сказала она, хмуря брови.

Голову потерять она могла, но ни за что не могла позволить, чтобы он об этом догадался.

Бородач засмеялся, как Мефистофель.

— Почему? — спросил он глубоким голосом, заставившим Цесю затрепетать.

— Потому что у меня карпы текут, — собравшись с духом, ответила она.

Удивление, появившееся на лице бородача, было наградой за ее непреклонность. Он мгновенно разжал объятия и отпустил Целестину на свободу. Цеся была уверена, что, едва это произойдет, она немедленно удалится, всем своим видом демонстрируя возмущение. Но почему-то, к собственному изумлению, продолжала стоять на месте, с нарочитой неторопливостью помахивая сеткой с рыбами.

Бородач перевел взгляд на карпов.

— Вон оно что... — сказал он с сочувствием. — Обстоятельства против нас. Но мы еще встретимся, надеюсь. Например, послезавтра, в парке Монюшко, у памятника. В четыре.

— Вот еще, — ответила Цеся, с трудом скрывая восторг. Впервые в жизни ей назначили свидание!

— Значит, в четыре, — повторил бородач тоном человека, не сомневающегося в победе. — Ждать буду пять минут, — и, окинув Цесю пламенным взглядом, ушел, нарочито пружиня шаг.

А Цесю мгновенно охватило черное отчаяние. Красавец, конечно, понял, что ошибся. Небось идет теперь и думает: ну и дура. Карпы! О подлая судьба! Ну что ей стоило помолчать — всегда лучше загадочно молчать, чем городить всякую ерунду, какая только взбредет в голову. И почему

она не позволила удержать себя в объятиях, что, кстати, было чрезвычайно приятно!

На свидание бородач не придет. Это ясно. Впрочем, может, оно и к лучшему. Он решительно чересчур красив. Такие, как правило, избалованы успехом у женщин.

Если б он увидел Целестину Жак при свете дня, его бы постигло жестокое разочарование.

Да, но ведь пока что он ее видел при вечернем освещении. Кроме того, встретиться предложил уже после того, как она брякнула насчет карпов. Значит, карпы его не остановили.

Может быть, он все-таки придет на свидание?

Пусть приходит. Целестины у памятника он не застанет. Если она ему понравилась, пусть остается в его памяти прекрасным воспоминанием. Она избавит его от разочарования, а себя — от позора.

— Я не пойду на свидание, — громко сказала Целестина Жак и энергично зашагала вперед.

9

Семья Жаков в некотором роде находилась в особом положении: жила в доме так называемой старой постройки. В этом были свои преимущества и недостатки. К недостаткам относились: прогнивший потолок в ванной, с которого в дождливые дни лила вода, а также полчища короедов, подтачивающих все деревянные части здания. Преимуществ насчитывалось больше. В странной квартире Жаков, нетипичной даже для дома старой постройки, хотя и соответствующей по метражу государственным

нормам, было множество прелестных закутков, которые даже самый придирчивый управдом не решился бы причислить к жилой площади.

Посреди квартиры тянулся длинный узкий коридор без окон, от которого отходили многочисленные запутанные ответвления; в конце каждого были разные диковинные помещения: две комнаты, две комнатухи, кухня, ванная, несколько тайников неизвестного предназначения, кладовка и прачечная. В одном из тайников находилась дверка, за которой начиналась чертовски крутая лестница, ведущая на чердак, а с чердака — на башенку, увенчанную жестяным петушком.

Сейчас мама Жак последовательно обшаривала все эти помещения, но нигде не могла найти машинку для мака. Положение становилось угрожающим: мак она замочила уже двадцать четыре часа назад. Было просто необходимо повернуть его через машинку, чтобы на праздничном столе появился пирог с маком. А какой же праздничный стол без макового пирога!

В повседневной жизни семейство готово было терпеть немалые неудобства, чтобы создать своей кормилице условия для творческой работы. Однако по мере приближения рождества в умах членов семьи начинали происходить неожиданные перемены. Дедушка превращался в придирчивого, брюзгливого свекра, только и норовящего отругать невестку за бесхозяйственность. Дети, то есть Целестина, Юлия и Бобик, требовали вкусных вещей и праздничного настроения. Жачек приводил примеры счастливых семей, в которых неработающие матери создают уют и кормят домочадцев пирогами с капустой. Словом, на

бедную служительницу муз оказывалось такое давление, что она вынуждена была, преодолевая самое себя, занять место у плиты. Тем паче, что во Дворце культуры, где она руководила мастерской скульптуры и керамики, в это время года по случаю праздников как раз был перерыв в занятиях, так что сослаться на недостаток времени не имело смысла.

Обыскав чердак, мама полезла на башенку. Шансы найти там машинку были ничтожно малы, поскольку в башенку никто не заглядывав с того дня, когда Целестине исполнилось десять лет и разгуливающаяся именинница чуть не вывалилась из окошка башни на улицу. Однако мама не хотела пренебрегать ни единой возможностью: открыв низенькую дверку, она внимательно оглядела башенку изнутри.

Небольшое квадратное помещение было почти пусто, если не считать лежащей в углу кипы старых газет. Машинки, разумеется, не было и в помине. Мама выглянула из окна и... забыла и про мак, и про пофыркивающий на плите бигос. За окном стояли сине-голубые сумерки, ветер бесшумно гонял сухие снежные хлопья. В доме напротив загоралась и гасла гирлянда елочных лампочек.

У подъезда желтого дома стояли и болтали две девочки. В одной из них мама узнала Цесю.

— Эй! — крикнула она.

— Алло, алло! — завопила снизу Цеся. — Погляди, Данка, моя мама на башне! Ну-ка, спусти нам свои косы!

Карпы в сетке вроде бы угомонились. Возможно, потому, что Цеся положила их на снег. Ей пришлось это сделать: иначе невозможно было образно описать подруге

сегодняшнее приключение. Но тут она подхватила авоську и распрощалась с Данкой.

— Послушай, Цеська, мне ужасно хочется слазить на эту башенку, — сказала Данка, глядя вверх. — Это же просто фантастика. Можно там посидеть?

— Приходи послезавтра утром, — сказала Цеся, которая, правда, не допускала и мысли о том, чтобы пойти на свидание с бородачом, однако на всякий случай вторую половину дня предпочла не занимать. — Там правда здорово, только холодно.

10

Цеся вошла в переднюю, где на этот раз пахло бигосом. Из комнаты девочек доносился многоголосый шум.

— Мои ребята пришли, хотят помочь тебе молоть мак, — сказала Юлия маме. — У Толека мы уже всё смолотили.

— Да что вы все заладили мак, мак! — рассердилась мама. — Я пока никак машинку не найду. — И вдруг замолчала, испытующе глядя на дочку, у которой на щеках пылал румянец, волосы рассыпались и глаза сияли, как черные звезды. — Тoleк тоже пришел? — спросила она тоном скорее утвердительным, нежели вопросительным.

— Да, — шепнула Юлия и закрыла глаза. — Мама, он чудо. Чудо! Я в него безнадежно влюблена.

Цеся отложила свои покупки и подошла поближе. Ничего нет интереснее сердечных дел.

— Тoleк — это какой? — шепотом спросила она.

Юлия бросила на нее недовольный взгляд:

— А, это ты. Слушай, Телятинка, когда мы тебя допустим в свое общество, изволь быть на высоте, понятно? Изобрази из себя милую, благовоспитанную девочку. И без того дрожишь от страха, как бы кто из родственников чего не выкинул.

— Ну, знаешь, доченька!..

— Ты не представляешь, — зашептала Юлия, — какая у него семья. Мать настоящая графиня. Красивая, элегантная, благоухающая.

— Что ты говоришь? — растерялась мама Жак и украдкой покосилась на свои стоптанные туфли.

— Мы мололи мак, а она пекла коврижку, — трагическим шепотом продолжала Юлия, — и при этом была в бархатном платье с воротничком из настоящих кружев!

— О господи! — сказала мама.

— А отец — прямо лорд, клянусь. Все время сидел в кресле в стиле Людовика Шестнадцатого и читал Руссо.

— Почему ты считаешь, что лорды читают Руссо, сидя в креслах в стиле Людовика Шестнадцатого? — спросила мама, пытаясь скрыть, какое впечатление произвели на нее слова дочки.

— Наш дедушка тоже читает Руссо, — вмешалась Цеся в порыве местного патриотизма.

— Дедушка! — фыркнула Юлия. — Дедушка читает Вольтера. Кроме того, он читает ради пополнения своего образования, а тот, представь себе, просто наслаждается.

— Юлька! — хором закричали из комнаты.

— Иду! — сладким голосом откликнулась Юлия. — Так что помните, прошипела она, адресуясь главным образом к Цесе, — все должно быть на уровне. Цеська,

прибери кухню, чтобы мне не пришлось краснеть. Мама, извини, конечно, но... ты бы не могла надеть свое красивое платье...

Мама язвительно усмехнулась, и ее черные глаза весело блеснули.

— С воротничком вот беда, — сказала она. — К этому бы платью да брабантские кружева, n'est pas?⁴

— Юлька! Юль-ка! — скандировали в комнате.

Юлька повернулась, грозно сверкнула смоляными глазами и исчезла. Маму вдруг осенило.

— Знаю! — прошептала она. — Знаю! Я знаю, где машинка!

— И где же? — поинтересовалась Цеся.

— Это я по ассоциации с графией и коврижкой... Сама же осенью спрятала ее в старую форму для коврижки и поставила на полку под лестницей.

И мать с дочерью, не сговариваясь, одновременно устремились к двери, ведущей на чердак. И действительно, в нише под лестницей лежала завернутая в бумагу пропaja.

— Но это же мясорубка! — заметила Цеся.

— Мясорубка для мака, — популярно объяснила мама. — Беги к Юле, скажи, что через две минуты можно начинать. Кстати, не понимаю, почему они из этого уstraивают целое представление?

Прибранная кухня выглядела вполне прилично. Мама положила мясорубку на стол и побежала в дальнюю комнату за горшочком с многоножкой, который должен был придать скромному интерьеру более торжественный вид.

⁴ Не так ли? (*франц.*)

Однако, возвращаясь, она услышала голоса Юлиных друзей, доносящиеся уже из кухонных недр, вследствие чего отставила многоножку за ненадобностью и на цыпочках подкралась к двери, чтобы поглядеть на этого замечательного Толека.

Она увидела кудлатого лупоглазого блондинчика с большими розовыми ушами, и ее материнское сердце сжалось от разочарования. Как ее прелестная дочка — и этот смешной гномик? Несчастливая Юлия, где у нее глаза? Ну нет! Лучше уж второй, бородатый, хотя тоже, пожалуй, мелковат...

Впрочем, какой он ни есть с виду, этот блондинчик, а личность явно незаурядная. Мама Жак убедилась в этом, едва он заговорил. Голос у Толека был мощный и звучный, хотя и совсем не громкий. И все сразу умолкали, глядя на него с уважением.

— Ну так что, начнем? — сказал он. — Мне скоро уходить, мама ждет.

— Да, да, начнем, — поддержала его Юлия с притворным оживлением. — А завтра я всех приглашаю на пирог с маком! — Ее пламенный взор, устремленный на Толека, говорил: «Тебя приглашаю», и у мамы Жак опять сжалось сердце. И она решила полюбить Толека, невзирая на розовые уши.

Юлия, не отрывая глаз от своего белобрысого, прикрутила мясорубку к столу.

— Готово, — объявила она и взялась за решето с маком.

В эту минуту мама Жак сообразила, что не успела помыть мясорубку.

«В конце концов, — подумала она, — немного пыли в

пироге с маком...» Однако в душе у нее шевельнулось недоброе предчувствие.

Симпатичная рыжеволосая Кристина накладывала мак в мясорубку. Толек крутил ручку. Первые обороты дались ему с трудом.

— Погоди, погоди, — сказала Кристина, глядя на решетку мясорубки, — там что-то застряло...

Если б Юлия обладала даром предвидения, она бы немедленно придумала для своих друзей другое развлечение. Мама Жак замерла под дверью. Рыжеволосая Кристина разобрала мясорубку, и вдруг кухня огласилась всеобщим воплем отвращения.

— Что это! — перекрыл всех страшный голос Юлии.

— Дохлая мышь, — ответил Толек, исследуя останки с холодным любопытством ученого. — Совершенно высохшая. Юль, откуда ты взяла такую мумию?

— Приятного аппетита, — сказал бородач и загоготал.

Воцарилась неловкая тишина. Бородач, внезапно смутившись, кашлянул и начал забавляться вилкой.

Сильное напряжение, владевшее Юлией уже несколько часов, неминуемо должно было разрядиться каким-нибудь взрывом. Позорная находка в мясорубке послужила последним толчком: Юлия истерически расхохоталась, но смех быстро сменился не менее истерическим плачем. Гости повернулись еще минутку на кухне и после нескольких безуспешных попыток успокоить ее или рассмешить удалились, разводя руками.

Рыдающая Юлия осталась одна, если не считать покойницы мышки в мясорубке и притаившейся за дверью мамы.

Рождественский вечер получился невеселый. После вчерашнего происшествия Юлия погрузилась в состояние глубочайшего уныния, и ощущение безысходности передалось остальным членам семьи. Один Бобик был в прекрасном настроении — он сам зажег все свечки на елке и ухитрился закапать ковер стеарином.

Праздничный ужин, как всегда вкусный, был съеден без энтузиазма, хотя мак в меню практически отсутствовал: только клецки были чуть-чуть посыпаны им сверху. Мясорубка, освобожденная от своего ужасного содержимого, мокла в растворе соды и стирального порошка, хотя было ясно, что в любом случае никто никогда не рискнет ею воспользоваться. И все-таки на следующий день настроение в доме Жаков несколько изменилось к лучшему. Встало чудесное солнце, небо было изумительно синее, и снег заманчиво искрился на белых улицах. Этого было достаточно, чтобы всем стало немного повеселее, а тут еще позвонил Толек и осведомился у Юлии, разумеется «от имени всех наших», как там самочувствие...

— «От имени всех наших», — вздохнула Юлия, вешая трубку по окончании разговора. — Он всегда выступает как представитель коллектива. — И снова вздохнула, хотя лицо ее слегка просветлело.

— Он непременно в тебя влюбится, увидишь, — поспешила утешить дочку мама. С момента злополучной истории в кухне ее мучили угрызения совести: ведь вымой она мясорубку, на пути ее ребенка к счастью не возникло бы никаких препятствий.

Юлия опять помрачнела.

— Толек никогда в меня не влюбится, — сказала она пророческим тоном. — У него всегда будет возникать в памяти дохлая мышка в мясорубке.

Цеся собрала со стола посуду, оставшуюся от обеда. Уставляя тарелки на поднос, она напряженно думала о своем. С утра ее просто разрывали сомнения: идти или не идти на свидание с бородачом? Многое было против встречи с незнакомым донжуаном. Однако Целестина опасалась, что упустит первый и, возможно, единственный в жизни случай пойти на свидание.

Отнеся поднос на кухню, Цеся заперлась в ванной и, стоя там перед зеркалом, предалась печальным размышлениям. Если она явится на свидание, бородач будет разочарован, поскольку без косметики Целестина выглядела тем, кем была: шестнадцатилетней закомплексованной школьницей. Отсюда вывод — надо прибегнуть к помощи косметики. Но как раз этого Цеся не собиралась делать, ибо, если бородач и есть Тот Единственный, Суженый, Тот, что Навсегда, он должен увидеть ее, так сказать, «в натуральном виде», во всей ее скромной сути. Она поступит честно — обойдется без косметических ухищрений, и, если он влюбится в нее такую, какая она есть, это и будет та самая настоящая, чистая любовь. Единственно и исключительно.

Так как же быть: идти или не идти?

«Разумеется, идти», — подумала Цеся, после чего ею снова овладели сомнения.

А собственно, почему бы не посоветоваться с родными? Пусть подскажут. В результате Цеся, как всегда, все рас-

сказала домашним, а домашние, как всегда, приняли ее заботы близко к сердцу.

— Может так случиться, что ты в него влюбишься? — испытующе спросила мама.

Цеся вопреки своему убеждению заявила, что, пожалуй, наверняка не влюбится.

— «Пожалуй» или «наверняка»? — потребовал уточнения отец.

— Наверняка.

— Тогда зачем идти на свидание?

Цеся задумалась.

— Ну, если он захочет со мной встречаться... будет наконец с кем гулять и ходить в кино...

— Для прогулок могу купить тебе собаку, — мрачно сказал отец.

— А в кино можешь ходить со мной, — самоотверженно предложил дедушка.

— И вообще, нечего договариваться с первым встречным только потому, что тебе надоело быть одной, — решительно заявила Юлия.

— Ну, а если больше никто никогда на меня не посмотрит? — высказала Цеся свои тайные опасения.

— Посмотрит, к сожалению. Спорю на миллион, — заверил ее отец.

— Так что же, идти или не идти?

— Как бы ты ни поступила, потом будешь жалеть, — пригрозил дедушка, начитавшийся Верлена.

— Стало быть, идешь? Да? — допытывалась Юлия. — Возьми мое черное пальто.

— Это еще зачем?! — возмутилась мама. — Стиль ро-

ковой женщины не для нее. Я считаю, нужно одеться как можно скромнее.

— Лучше всего надень школьную форму с эмблемой на рукаве, — съязвил из своего угла дедушка. — Единственно и исключительно, того-этого.

— Цеся, ну зачем тебе все это? — горестно вздохнул отец. — Господи, почему ты мне дал аж двух дочерей? Свидания, романы... платья им покупай, женихов ищи. За что мне такое наказание, за какие грехи? Телятинка, не ходи, умоляю тебя.

— Стоп! — прикрикнула Юлия. — Оставьте ее в покое.

— Вот именно, — добавила Цеся. — Я себя чувствую так, как будто мне предстоит операция на сердце, а не обыкновенное свидание.

Дедушка перебрался из одного угла в другой, держась за поясницу — у него болели нервные корешки.

— Ох, тоже мне проблемы, того-этого! — простонал он, усаживаясь в кресло. — А почему, собственно, никто не волнуется, когда Юлия бежит с одного свидания на другое?

— Я? Я? — возмутилась Юлия.

— Юлька не пропадет, — убежденно сказал Жачек. — Могу поспорить, что в нашей помощи она не нуждается. В случае чего сама врежет нахалу в поддых. А потом еще и по физиономии съездит.

Под общий хохот Цеся приняла окончательное решение.

— Я пошла, — вскочила она. — Уже без пяти четыре.

Смех немедленно оборвался: все как будто осознали его неуместность в столь серьезный момент. Цеся надела свое старое пальто и выбежала из дома, провожаемая внимательными взглядами. На улице она оглянулась. Ну ко-

нечно, один только дедушка сумел сохранить достоинство. Впрочем, скорее всего из-за своих корешков. Остальные высыпали на балкон и печально смотрели на нее виноватыми глазами. Так в наш цивилизованный век смотрят на корову, которую за веревку волокут на бойню.

Все это не особенно окрыляло.

Цеся дошла до Оперы, и тут ноги отказались ей повиноваться. В конце улицы уже виднелись припорошенные снегом деревья парка имени Монюшко. Ох, неужели он там, среди этих деревьев? Неужели уже ждет — или не ждет?

Цеся стояла, переминаясь с ноги на ногу, и колебалась.

В конце концов она решила, что в парк пойдет, но только не к памятнику. Она зайдет бородачу со спины, с той стороны, откуда он ее ждать никак не может. Просто проверит, там ли он. Если пришел на свидание, значит, Целестина Жак все-таки представляет собой некую ценность как женщина. Объективно.

И она пошла вниз по улице. На снег ложились голубые тени, солнце уже клонилось к закату. Оранжевые лучики, прорываясь сквозь заснеженные кроны деревьев, слепили глаза. Парк был уже совсем близко и Цеся, спохватившись, остановилась.

Она стояла на перекрестке, против которого плавно закруглялась ограда парка. Отсюда был отчетливо виден стоящий на высоком постаменте бронзовый бюст Монюшко, окруженный буйно разросшимися туями и кустарником. Затаив дыхание, Цеся спряталась за столбик со светофором и из этого укрытия бросила взгляд на другую сторону.

Возле памятника никого не было.

Никого...

Так, значит. Объективной ценности как женщина она не представляет. Это она знала давно, но почему-то сейчас особенно остро ощутила разочарование.

А может быть, она просто-напросто опоздала? Может, он уже был и оставил какую-нибудь весточку?

Не хватает только, чтобы он увидел, как лихорадочно она его высматривает.

Нужно где-нибудь спрятаться. О, можно там, за кустиками позади памятника. Если бородач придет, она позволит ему немного подождать и, когда он начнет проявлять беспокойство, осторожно выберется обратно на дорожку и с независимым видом выйдет на лужайку перед памятником.

Цеся перебежала мостовую в недозволенном месте, перескочила через низкую ограду, продралась сквозь живую изгородь и скользнула за кусты, сзади подступавшие к памятнику.

Влетела она туда столь стремительно, что сбила с ног какого-то типа в дубленке: он повалился лицом в снег и теперь, цепляясь одной рукой за ближайший кустик, силится подняться.

Цеся почувствовала себя страшно неловко. Бедняга. Но откуда она, с другой стороны, могла знать, что за этими туями кто-то прячется?

— Извините, — пробормотала она, протягивая лежащему руку помощи.

Пострадавший, вероятно сторож или садовник, совершенно ошеломленный, ухватился за нее и стал подниматься.

— Черт подери! — с яростью произнес он, вставая на ноги. — Что это за манеры?! — И, смахнув с лица мокрый снег, протер глаза. — Ну, знаешь, малявка! — презрительно добавил он, поглядев на Цесю.

И тут у Цеси захватило дух. Перед ней, на расстоянии вытянутой руки, стоял во всей своей красе бородач! Стоял, глядя на нее своими бездонными глазами, и не узнавал!

«Мое пальто», — мелькнуло у Цеси в голове. Да, синее пальто со школьной эмблемой на рукаве и серым кроличьим воротником, старая шапка, надвинутая на неподведенные глаза, бледные губы до неузнаваемости изменили ее, превратив в совершенно другого человека.

— Мне правда очень жалко, — сказала она. — Надеюсь,

с вами ничего не случилось. — Подождала минутку и, не получив ответа, сочла, что может отойти. — До свидания.

После чего перелезла через сугроб и выскочила на лужайку перед бюстом Монюшко.

Постепенно она начала осознавать весь комизм ситуации. «Только со мной такое могло случиться, — подумала Цеся. — Ну и прекрасно. Моральная проблема разрешилась сама собой». Неудержимый смех подступил к горлу, и Целестина громко прыснула.

— Минуточку! — крикнул ей вслед бородач. Он выбежал из-за кустов и торопливо ее догонял. — Куда идешь, малышка?

Цеся посчитала, что вовсе не обязана отвечать.

— А у тебя ничего ножки, — одобрительно заметил бородач. — Послушай, кроха, хочешь пойти в кино?

В Целестине разыгралось чувство юмора, искавшее выхода, как бушующее в плите пламя.

— Нет, знаете, — ответила она, — не хочу. Вы не слишком-то любезны.

— У меня есть лишний билет, — сообщил бородач.

— Что, девушка подвела?

— Скажешь тоже! — воскликнул он крайне самоуверенно. — Я ни с кем не договаривался.

— Тогда зачем было прятаться в кустах?

Бородач растерялся:

— Ну ладно. Я ее оттуда высматривал. А она не пришла.

Цесе давно не было так весело.

— И что же, во мне вы нашли достойную замену? — спросила она, всеми силами стараясь сдержать смех.

— Ну и ехидна же ты, — смутился бородач. — Ладно,

пошли в кино. Я тебя прошу.

Целестинино сердце растаяло, как мороженое на батарее. «О несравненный, восхитительный бородач!»

— К сожалению, никак не могу, — надменно ответила она. — Я условилась встретиться с одним мальчиком.

Бородач вдруг разозлился:

— Чего я с тобой разговариваю? Не хочешь — не надо, у меня таких, как ты, навалом.

— Ну и прекрасно, — ответила Цеся, немного обидевшись. — Я пойду, а то у меня ноги мерзнут.

Бородач пробормотал себе под нос что-то нелестное и сердито зашагал в сторону улицы Шопена. Цеся пошла своей дорогой. В общем-то, она была довольна. Правда, бородача она безвозвратно утратила, однако в результате все-таки оказалось, что ее объективная ценность как женщины не столь уж мала — вопреки предположениям.

Худо-бедно, одного мужчину она уже отвергла.

Как это здорово подымает дух.

И сейчас... ох, что же он ей сказал?

О небо!

Он сказал... он сказал: «У тебя ничего ножки»!!!

12

— Хуже нет, чем после праздников идти в школу, — мрачно сказала Целестина, встретившись с Данкой у школьных ворот.

— Точно, — печально подтвердила Данка. — Интересно, что нас сегодня ждет? Я за все праздники ни разу книжки не открыла.

— Просто как будто тебя заново заковывают в кандалы, — продолжала Цеся, уныло шлепая по тротуару, посыпанному солью. — Одно из двух: либо не должно быть школы, либо перерывов в занятиях.

Данка нерешительно толкнула тяжелую дверь.

— У тебя хандра? — догадалась она.

— Просто я не люблю школу, — вздохнула Цеся.

— Кто любит!

— Я бы любила, если б на уроках не спрашивали. Мне даже нравится заниматься. Ненавижу только, когда меня начинают проверять, — заявила Целестина, направляясь к раздевалке.

В гудевший на разные голоса класс девочки вошли уже в окончательно испорченном настроении. Павелек, с которым Данка опять успела поссориться, бросил на нее косой взгляд. Он сидел на крышке парты и изучал «Спортивное обозрение», явно позаимствованное у Гайдука. Гайдук, как всегда мрачный, читал какую-то толстую книгу. Книга стояла перед ним вертикально, так что можно было разобрать заглавие на оранжевой обложке. «Лекции Фейнмана по физике», — невольно прочла Цеся. Ага, выходит все-таки, он не только бульварную прессу читает. Фамилия «Фейнман» была Цесе откуда-то знакома, но она не стала вспоминать, откуда. В классе, стоял галдеж, все вертелись, болтали, переходили от парты к парте, шумно здоровались. Цеся села на свое место, повесила сумку с книжками и совершенно невольно поглядела налево.

Она вовсе не собиралась смотреть на Гайдука — с какой стати? — но взгляд как-то сам собой за него зацепился.

И самое ужасное, что он тоже посмотрел на нее — в ту

же секунду. Глянул мельком, будто для того только, чтобы увидеть, какое у нее выражение лица.

Оба подскочили и стремительно отвели глаза.

Цеся от досады покраснела. Ах, до чего глупо получилось! Еще этот Гайдук подумает, что она специально на него посмотрела.

А, ну конечно, все понятно: ему захотелось убедиться, заметила ли Цеся, какую умную книжку он читает. Дешевый трюк. Отдал Павелеку свою бульварную газетенку и перекинулся на научную литературу. Фейнман — это же тот самый физик, о котором недавно упоминал отец. Навивный Гайдук считает, что на нее произведет впечатление эта показуха. Кому охота читать ученые труды перед первым уроком? И книжку так поставил, чтобы название было видно. Вот дурак!

— Ха-ха-ха! — тоненьким голосом иронически рассмеялась Цеся, а поскольку губ при этом она не разжимала, то получилось злобное «Хм-хм-хм!»

Гайдук покосился на нее сбоку и, заметив ее усмешку, покраснел как рак. Книгу он положил на парту и даже перестал делать вид, что читает.

Так ему и надо. Жалкая личность.

Один только есть, один-единственный, не похожий на них на всех мужчина. Красивый, черноволосый, одетый по последней моде. Цеся закрыла глаза, и перед ее внутренним взором возник образ бородача, держащего ее в объятиях и бархатным голосом спрашивающего: «Почему? Почему?!»

О, если б это могло повториться еще раз! Она бы уж не ляпнула насчет карпов, о нет! Она бы откинула голову

назад и шепнула обольстительно: «Поцелуй меня»...

Целиком поглощенная воображаемой беседой с бородачом, Цеся не заметила, что в классе уже целых десять минут находится Дмухавец. Только какое-то особенно громкое восклицание учителя, который, раскачиваясь на стуле, рассказывал о «Псалмах Давида», вырвало ее из мира грез. Но ненадолго. Оглядев класс, Цеся убедилась, что все, как один, раскрыв тетради, с бешеной скоростью записывают лекцию, что Дмухавец весьма поощрял. Он ввел в классе университетскую систему занятий и не любил, когда кто-нибудь ее нарушал. Так что Цеся схватила ручку и для отвода глаз тоже склонилась над партой. Но в тетради ее вместо конспекта лекции появился демонический профиль бородача с горящим глазом и пышными волосами, обрамляющими прекрасное чело.

А как его, собственно, зовут?

Аллан.

Роберт.

Франческо.

Время шло. Дмухавец красочно развивал тему, урок приближался к концу. Цесина тетрадь была густо исчерчена. Ее страницы украсили пятнадцать профилей и три портрета анфас волоокого bruneta, а также множество вариантов его предполагаемого имени — все это было окружено цветочными гирляндами и кровоточащими сердцами. Цеся как раз заштриховывала последнее, когда, словно сквозь туман, услышала, что Дмухавец, успевший закончить лекцию, терзает Данусю.

Она ахнуть не успела, как ее подруга была избличена в невежестве.

— Зрелище, достойное сожаления, — язвительно объявил Дмухавец, пренебрежительно махнув в Данкину сторону рукой. — Остается предположить, что проблеск ума в твоих глазах — обманчивая видимость. Я бы на твоём месте, Филипьяк, постарался хоть немножко расширить свои познания. Выражение тупого невежества никак не украшает твою хорошенькую мордашку. У меня ты сегодня получаешь «неудовлетворительно». Дело дошло до того, что нужно принимать решительные меры. По математике ты безнадежно отстала, английский заваляла, химия и физика — твои, так сказать, ахиллесовы пяты. Интересно, что ты собираешься сделать, дабы выкарабкаться из этой трясины?

Данка стояла молча. Лицо ее не выражало ничего, кроме враждебного упрямства. Учитель присел на крышку соседней парты.

— Почему ты не занимаешься? — мягко спросил он, глядя на Данку из-под очков добрыми близорукими глазами.

Данка упрямо молчала.

— Ну, скажи, — уговаривал ее Дмухавец. — И не стой такая надутая, а то можно подумать, что у тебя двойной подбородок.

Данка немедленно подняла голову.

— Вот это уже лучше, — одобрил Дмухавец. — Ну, а как насчет учебы? Тебе что, просто не хочется заниматься?

Данка недоверчиво посмотрела на учителя, но, подумав, подтвердила:

— Не хочется.

— И что же? Бросаем школу? — Дмухавец, скрестив

руки, невозмутимо сидел на парте, покачивая ногой. — А дальше как? Замуж или работа, — разумеется, физическая? Но учти: если замуж, то за какого-нибудь балбеса. Более или менее приличные экземпляры в наше время совсем избаловались, им подавай невест с образованием.

Воцарилась тишина.

— Хм!.. — сказал Дмухавец. — А знаешь, что мне пришло в голову? Не проще ли подогнать хвосты?.. А? Сговориться с какой-нибудь старательной подружкой, чуть-чуть позаниматься, и все дела. Что ты говоришь?

— Но, собственно... — пробормотала Данка.

— Не такая уж это глупая идея, а? Что бы ты сказала, например, насчет нашей симпатичной и трудолюбивой Целестины Жак? Весьма положительная особа, хотя как раз сегодня полностью меня игнорировала. Весь урок рисовала в тетради... Минутку, что же она там нарисовала?

Склонившись над помертвевшей Цесей, Дмухавец заглянул в ее тетрадь. Увидев там в бесчисленном количестве портреты и инициалы, он осекся, улыбнулся и сообщил:

— Ан нет, кое-что она все-таки записала... Ну конечно, я же говорю: Целестина у нас — трудолюбивая пчелка. — И обратился к Цесе: — Тебе бы не хотелось помочь Дануте? Занятие, скажем прямо, неблагодарное: сия юная особа шевелить мозгами не приучена. Ну, что ты на это скажешь?

Цеся, у которой ноги стали ватными от волнения — еще немного, и все бы узнали!.. — кивнула, не в силах выдать ни единого звука. Свернутую трубкой тетрадь она судорожно сжимала обеими руками.

— Вот и хорошо, — сказал Дмухавец и потрепал ее по

плечу, как старого товарища по оружию. — Попалась наша Цеся. С сегодняшнего дня на нее ложится серьезная ответственность. Филипьяк, будь добра, постарайся не очень отравлять подруге жизнь... А вот и звонок. — Учитель подошел к кафедре и собрал свои вещи. — Прощайте, молодые люди. До завтра. — И вышел.

А за ним выбежала Целестина, решившая на время перемены куда-нибудь спрятаться, чтобы этот противный Гайдук не вздумал ненароком с ней заговорить. Это ей сейчас, когда ее мыслями и сердцем завладел несравненный бородач, было совсем ни к чему.

13

В тот же день Цеся и Данка принялись за учебу. Они расположились было в комнате девочек, но оттуда их выкурили две Юлины подружки, с громким смехом объявившие, что пришли обмывать зачет по станковой графике. Это вынудило Цесю и Данку перебраться в столовую, однако там как раз накрывали к обеду и Веся вежливо, но решительно их выпроводила. На кухне мама разогревала рождественский бигос. В комнате родителей отец готовил доклад к какому-то важному симпозиуму. Дедушка в своем закутке разыгрывал в одиночку шахматную партию, избрав вариант Спасского, а в перерывах позволял себе капельку вздремнуть.

— У тебя негде заниматься, — с удовлетворением отметил Данка. — Я пошла домой.

— Ни в коем случае, — горячо запротестовала Цеся. — Я обещала Дмухавцу...

— Да брось ты, — просительно сказала Данка. — Не обязательно так уж сразу...

— Обязательно, — уперлась Целестина. — Пошли со мной, — и, потянув подружку за руку, открыла дверь, ведущую на чердак.

На лестнице, по которой девочки поднимались на башенку, пахло мышами. В самой башне было ужасно холодно, неуютно и уныло. Тем не менее Цеся не пала духом.

— Тут можно устроить милую комнатку, — заявила она. — Ты не представляешь, на что была похожа старая кладовка, в которой у нас с Юлькой теперь спальня. Гляди. Берется система удлинителей — в тайнике под нами есть розетка, — сюда ставится электрический камин, и вот пожалуйста, отличный уголок для занятий.

Данка несколько оживилась:

— Так сюда и проигрыватель можно принести?

— Конечно, ясное дело, — соблазняла ее Цеся. — И плитку — чай будем пить. Полный комфорт.

Довольные собой, девочки спустились вниз, в квартиру, где в нос им резко ударил запах пригоревшего бигоса. В связи с этим Данка, сочтя, что пищей духовной она уже насытилась, полетела домой обедать, предварительно поклявшись Цесе, что сегодня в виде исключения приготовит уроки самостоятельно.

Цеся же отправилась на кухню, где, руководимая инстинктом, выработанным давним опытом, быстро изжарила на большой сковороде яичницу с луком. И с этой сковородой и горкой тарелок поспешила в комнату.

Семейство уже сидело за столом. В воздухе ощущалась некоторая напряженность.

— Я, правда, ничего не имею против эмансипации женщин, — как раз говорил отец, с отвращением взирая на тарелку с обугленным бигосом, которую держал в руке, — твори, дорогая Иренка, работай, но только пощади мой желудок.

— Что ты, Жачек! — Мама была чрезвычайно удивлена. — Ты всегда так любил бигос!

— При одном виде такого бигоса у меня начинаются нервные судороги, — с горечью сообщил отец и отставил тарелку. — Ничего не поделаешь, поем сухого хлеба.

— Почему сухого? — спросила мама с раскаянием.

— Чтобы вам больно было на меня смотреть! — прорычал Жачек.

Цесина яичница подавила нарастающий конфликт в зачатке. Обед был съеден в атмосфере относительного благодушия. Одна Юлия сидела с отсутствующим лицом, задумчивая и грустная. Дедушка, ни на что не обращая внимания, читал за едой «Кандида» Вольтера.

Бобик, уже пятый день ожидавший появления рыжих волос на груди, пользуясь привилегиями больного, не проявлял аппетита.

А Цеся подумала, что ее аппетита хватило бы на троих.

Что-то здесь не сходилось. Ведь она была влюблена! Бородач с его пылким взглядом не шел у нее из головы. О ком же, как не о нем, она думала весь урок польского? И потом на математике? И по дороге домой? Юлия, которая влюблена в Толека, не прикоснулась к яичнице, а Цеся поела с удовольствием... Вторым тревожным симптомом было то, что при воспоминании о бородаче, сбитом с ног и барахтающемся в снегу, Целестине неудержимо хотелось

смеяться. Тем паче, что с той минуты, когда она, вернувшись со свидания, все рассказала домашним, этот случай стал излюбленной темой дурацких шуточек и язвительных острот, так что в конце концов ее приключение из романтического воспоминания превратилось в юмореску.

Но так или иначе, бородач был неотразим.

Неотразим — двух мнений быть не могло.

Фантастически прекрасен.

Цеся уплела три толстых куска хлеба и яичницу и, к своему изумлению, обнаружила, что по-прежнему голодна и могла бы поесть этого самого пригоревшего бигоса.

И поела.

Ее несколько беспокоило, что скажут родные по поводу такого необычного аппетита, однако никто на нее не обращал внимания, поскольку мама в это время демонстрировала сидящим за столом маленькую бесформенную керамическую фигурку.

— Нет, ты только посмотри, Веся. И вы все посмотрите. Правда прелесть?

— Очень миленькая, — рассеянно подтвердила тетя Веся, ковыряя вилкой бигос.

— Пять лет ребенку, а какой способный! — восхищалась мама. Работа с детьми во Дворце культуры была ее страстью. Примерно каждые две недели она открывала среди своих подопечных новый талант.

— А что это должно изображать? — спросила Цеся.

— Как, ты не видишь? — единодушно возмутились обе художницы. — Это же кролик. В прыжке.

— По-моему, он больше смахивает на змею, — про-

бормотал дедушка, разглядывая фигурку через очки. — В прыжке.

— А почему оно зеленое? — без обиняков спросил отец.

— Нет, вы безнадежны! — со вздохом сказала мама. — Никакая это не змея. Это кролик. В прыжке.

— Ты что, зеленого кролика не видал? — поддержала маму Юлия. — Впрочем, возможно, малыш хотел цветом что-то выразить. Например, что кролик неотделим от красок луга.

Мама вздохнула.

— Боюсь, что нет, — робко призналась она. — Просто у нас другой глазури не было. Только зеленая.

Отец умилился.

— Честная моя Иренка! — сказал он и поцеловал жену в лоб. — Золотце мое!

— Ты, наверно, хочешь, чтобы я заварила чай, — догадалась мама.

— Верно, а откуда ты знаешь?

— Откуда знаю, оттуда знаю. Но бежать на кухню не собираюсь. Вы забываете про мои расширенные вены. Сегодня у меня были две группы четырехлеток, а с них глаз нельзя спускать ни на секунду. Я битых два часа простояла на ногах.

— Заваривает чай самый благородный, — провозгласила Юлия. — Что же никто не встает?

— У меня подагра, — пробормотал дедушка, не отрываясь от Вольтера. — И я сед как лунь.

— Цеська, поди завари чай.

— А кто жарил яичницу?

— Ты, — признали присутствующие. — Пускай Юлия заваривает.

— Чего это вы дурака валяете? — поинтересовался из своего уголка Бобик.

Малолетка дружно одернули. Решительно он слишком много стал себе позволять.

Впрочем, вряд ли Бобик в состоянии был понять, какого напряжения воли требует путешествие из столовой в кухню, в особенности когда на дворе бушует такой вихрь, что аж крыша ходуном ходит. В комнате тепло и уютно, а в кухне холодно, противно, к тому же почти всегда полно грязных тарелок, кастрюль и всяких ненужных вещей непонятного назначения. Кому захочется туда идти?

— Так уж и быть, я пойду, — сказала, неохотно вставая, Цеся.

— Звонят, — оживился Бобик. — Может, это Новаковский!

— Цеся, поди открой, — сказал дедушка.

14

Судьба стучится в двери по-разному. Порой громко, поистине драматически, а иногда тихо и коварно. В данном случае Судьба объявила о себе робким звонком.

— Привет, здрасте. Юля дома? — хором сказали стоящие за дверью художники.

— Привет, здрасте. Юля дома, — ответила Цеся.

Гости переступили порог. Их было трое. Толек и кудрявый Войтек почтительно поддерживали под руки рыжеволосую Кристину, бледную и заплаканную.

— Зови быстрее Юлю, детка, — нетерпеливо сказал Толек, после чего без лишних церемоний смело распахнул

дверь в комнату девочек и втолкнул туда своих спутников.

Цеся с удивлением посмотрела им вслед: краем глаза она успела заметить, что на Кристине надето пальто, которое ей, мягко говоря, широковато, а кудрявый волочит набитый чемодан и чайник.

Сей предмет домашнего обихода напомнил Цесе о чае — коли уж мерзнуть в этой передней, так хоть не зря. И, позвав сестру, она поспешила на кухню, чтобы домочадцы могли получить причитающуюся им послеобеденную порцию теина.

Управившись со своей задачей, Цеся потащила поднос в столовую; когда, нажав локтем дверную ручку, она вошла в комнату, ей почудилось, будто она попала в самый центр циклона.

Юлия, стоя перед

сплоченным фронтом прочих членов семейства, убедительно им втолковывала:

— Для вас наступила минута испытания. Сейчас мы узнаем, окончательно вы превратились в жалких мещан или кое-какие человеческие чувства еще сохранили.

— Почему она нас оскорбляет? — обращаясь к Жачеку, с упреком крикнула мама.

— Юлия, почему ты нас оскорбляешь? — спросил отец, возводя глаза к небу.

— Сейчас поймете, — заявила Юлия, грозно хмуря черные брови. — У меня в комнате находится человек, который попал в беду. Он должен некоторое время пожить у нас.

— Какой еще человек? — вскинулся Жачек.

— С моего курса. Без крыши над головой, — пояснила Юлия. — Отец — малоземельный крестьянин в Жешувском воеводстве. Ну, что?

— Какого пола этот человек? — сурово спросил Жачек.

— Женского, разумеется. Какого же еще?

Отец вздохнул:

— Существует еще другая возможность. Но раз девушка, пусть поживет.

— Да ведь Юля сначала говорила о какой-то молодой паре! — с тревогой напомнила мама.

— Ну конечно, ведь они муж и жена. Кристина и Войтек, — разъяснила Юлия. — Положение трагическое, жить негде.

— Тоже мне невидаль! — буркнул дедушка. — Сколько их таких, молодых пар, которым негде жить, того-этого. Неужели мы каждую должны опекать?

— Не каждую, а только эту! — рявкнула Юлия. — Нам под мастерскую выделили дополнительный метраж. Вам не стыдно, что у вас излишки площади, а другим даже негде спать? Кристина ждет ребенка, и ведьма, у которой они снимали комнату, их выставила, как только это заметила.

— Положение в самом деле трагическое, — выступил Жачек в защиту гонимых. — Я считаю, надо бы им как-то помочь.

— Могут они у нас жить или нет?! — угрожающе крикнула Юлия.

Сразу почему-то стало тихо.

— Оба? — спросила мама слабым голосом.

— Ну, хотя бы только Кристина, — уступила Юлия. — Войтек может с кем-нибудь спать валетом в общежитии. Или у Толека. Ведь это не надолго, от силы на два-три месяца. А там как-нибудь утрясется.

— А когда этот ребенок должен родиться? — поинтересовалась мама.

Юлия замаялась.

— Ну, скоро... собственно, еще много времени... — сказала она с деланной беззаботностью.

— А точнее? — спросила мама, охваченная наихудшими предчувствиями.

— Точнее... не знаю, — солгала Юлия, ломая от волнения пальцы. — Мама, прошу тебя, не преувеличивай трудности.

— Я ничего не преувеличиваю, — вскипела мама. — Мне только хотелось бы знать, кто будет спать на раскладушке.

— Я буду спать на раскладушке, — твердо заявила Юлия.

После этого заверения Цеся решила, что ей пора выступить в роли миротворца.

— А вот и чаек!.. — радостно воскликнула она.

Появление чая всегда действовало на семейство Жак успокаивающе. В полном согласии все уселись за стол, с наслаждением созерцая ароматную золотисто-красную жидкость и время от времени обмениваясь вежливыми просьбами передать сахарницу.

Тетя Веся извлекла из ящика буфета песочное печенье и предложила угостить пребывающих в соседней комнате художников. Юлия, перестав тревожиться о судьбе подруги, понесла гостям тарелку с печеньем, а остальные продолжали не торопясь прихлебывать чай. Было тихо и спокойно, как после грозы. Все мирно сидели вокруг стола в золотом ореоле света, отбрасываемого лампой Целестининой бабушки. Бобик сладко посапывал в постели, падающие с крыши капли мерно стучали по жестяному карнизу.

И, разумеется, никому не пришло в голову, что в жизни семьи начинается новая эра.

Глава 3

1

В сопровождении буйных ветров и внезапных ливней незаметно подоспел февраль. Желтый дом с башенкой стойко выдерживал превратности погоды и, хотя крыша кое-где протекала, обеспечивал надежный приют всем своим обитателям. День ото дня все ярче светившее солнце заглядывало сквозь запыленные окна в запыленную квартиру Жаков, где в дружном симбиозе проживало уже восемь человек. Кристина оказалась малообременительным постояльцем. Она упорно питалась хлебом и плавлеными сырками, обедала в столовке, а в ванную прокрадывалась, когда все остальные спали. Они с Юлей целые дни проводили на лекциях или на занятиях либо где-то развлекались. А поскольку творческой работой обе художницы занимались до глубокой ночи, единственным человеком, ощущавшим присутствие Кристины в доме, оказалась Цеся. Как она и предполагала, ей пришлось перебраться из своей комнаты в большую, на раскладушку. Но в большой комнате жили тетя Веся с Бобиком; кроме того, она служила столовой, гостиной, где смотрели телевизор, мастерской, где Бобик занимался рисованием, и складом Бобикиных игрушек, которых развелось видимо-невидимо. Короче говоря, своего угла у Целестины не было.

— Мы бы не могли заниматься у тебя? — спросила она однажды, когда Данка с особенно страдальческим выра-

жением лица трудилась над сочинением среди раскиданных по столу кубиков Бобика.

— У меня нет условий, — торопливо ответила Данка, решительно предпочитавшая омерзительной роскоши своей комнаты спартанскую обстановку, ибо, как известно, бытовые трудности в случае неудачи могут послужить неплохой отговоркой.

Все говорило за то, что надо осваивать башню. В один прекрасный день, заручившись согласием мамы, подружки втащили на башню электрический камин, надувной матрас, одеяла, лампу, проигрыватель, кипу пластинок, кастрюльку, кипятильник, пачку чая, сахар, чайные ложечки, кружки — ну и, конечно, тетради и книги.

Оборудование башенки оказалось увлекательнейшим занятием, которое поглотило Цесю с Данкой до такой степени, что они только на второй день вспомнили, с какой, собственно, целью отгораживаются от мира. А вспомнив, торжественно отметили начало совместных занятий: протянув удлинитель от штепселя в кладовке, прослушали от начала до конца долгоиграющую пластинку Марыли Родович.

— Она изумительна, — произнесла Данка мечтательно.

— Изумительна, — согласилась Цеся. — Приступим к математике?

— Сейчас. Минуточку. — Данка растянулась на надувном матрасе и укрылась одеялом. — Поставь-ка теперь Немена.

Цеся, как человек обязательный и крайне добросовестный, заколебалась.

— Я дала слово Дмухавцу, что вытащу тебя из

отстающих, — напомнила она.

— Да, да, — рассеянно проговорила Данка. — Обожаю этот момент, когда он прямо, понимаешь, рыдает. Немен, разумеется.

— Потрясающе, — поддакнула Цеся. — Правда, потрясающе. Послушай, пора начинать.

— Чайку бы попить, — оживилась Данка.

— А больше ничего не хочешь? — рассердилась Цеся. — Данка, неужели ты не понимаешь: у тебя сплошные двойки.

— Честно говоря, меня это не особенно беспокоит, — любезно объяснила Данка. — Но ты не волнуйся, я обязательно начну заниматься, дай мне только немного времени, чтобы преодолеть внутреннее сопротивление. Математику я просто ненавижу.

— Данка! — простонала Цеся. — У меня больше нет сил. Ты же знаешь, что это необходимо!..

— Ко всему еще, — продолжала Данка, закрывая свои загадочные глаза и забавляясь длинной прядью волос, упавшей на плечо, — ко всему еще Павел на меня обиделся.

— Это же ты на него обиделась! — взревела Цеся.

— А, в самом деле. Эти вечные ссоры... я совсем запуталась. Так или иначе, я себя чувствую ужасно одинокой. Трагически одинокой. Все вокруг лишено смысла. Часто мне кажется, что единственный выход, — смерть! — И Данка, тяжело вздохнув, упала навзничь, словно не выдержав груза тягостного и бессмысленного существования.

Цеся даже испугалась:

— Не говори чепухи. Жизнь прекрасна.

— Глупая ты, — лениво пробормотала Данка и укрылась за надежной стеной многозначительного молчания.

— Правда прекрасна, — не сдавалась Цеся, — Просто... э-э... ну замечательна!

Данка легким движением приподнялась и, опершись на локоть, одарила подругу долгим снисходительно-ироническим взглядом.

— Таким несложным существам, как ты, — сказала она, — все кажется замечательным.

— Я несложное существо?! — Цеся даже вздрогнула от обиды.

Данка украдкой зевнула.

— Ах, не будем об этом, — сказала она. — Хочешь, я тебе прочту стихотворение?

— Стихотворение?

— Да, послушай, — сказала Данка и, вскочив с матраса, с неожиданным пылом продекламировала:

По сухим стебелькам иллюзорных растений,
Шелестящих под тяжестью грустных шагов,
Я миную руины желаний и теней
По развалинам снов и угасших цветов.
Безуспешно истлевшие запахи чувствую
Безвозвратно минувших цветений и лет.
Жизни время, прощай, твои краски безвкусные
Слишком много мне дней обвели в черный цвет.

Воцарилась тишина. Данка продолжала стоять с протянутой вперед рукой, и в прекрасных ее глазах горел

огонь вдохновения. Цесю брала дрожь.

— Ты потрясающе декламируешь, — сказала она.

Данка очнулась.

— Декламирую?.. Ах да, верно, я ведь тебе не говорила, кто автор этого стихотворения.

— Ну, кто?

— Я, — просто сказала Данка.

— Господи! — вырвалось у Цеси. — Ты?!

— Я.

— Но ведь... это... потрясающе!.. Ты гений! Ты... ты... — заикалась Цеся, не находя слов от восхищения.

— Да, — скромно подтвердила Данка.

— Мне даже в голову не приходило...

— Вот именно.

— Ты станешь великой поэтессой, увидишь!

— Не исключено, — вздохнула Данка.

— Не думала, что ты такая... выдающаяся... Я бы в жизни ничего подобного не написала...

— Да, пожалуй, — согласилась Данка. — Ты, правда, вроде еще не доросла. Что ни говори, поэзия такого рода требует зрелости и внутренней чистоты.

— Безусловно, — печально сказала Цеся.

— А ведь это не лучшее из моих произведений, — скромно добавила Дануся.

— У тебя еще есть?!

— Естественно. Теперь ты понимаешь, почему у меня нет времени учить уроки?

Цеся пришла в себя:

— Минуточку. Может быть, я и в состоянии это понять... отчасти... но ведь учиться все равно нужно.

Данка вздохнула:

— Только поэтому я и согласилась с тобой заниматься. — И она снова уселась на матрас, изящно подогнув длинные, стройные ноги.

Цеся смотрела на нее с восхищением.

— Ты чудо! — вырвалось у нее от всей души.

Данка снисходительно усмехнулась:

— Не преувеличивай... Знаешь что? Поставь Немена. Он меня здорово вдохновляет.

Когда Цеся поспешно бросилась к проигрывателю, Данка добавила:

— И свари кофе. Здесь чертовски холодно. Выпьем по чашечке, и я тебе прочту еще несколько стихотворений.

2

Мама Жак находилась на кухне, где мыла посуду, одновременно читая научно-фантастический роман под названием «День трифидов». Она не в силах была оторваться от чтения и поэтому пристроила книжку на верхушке возведенного на краю раковины сложного сооружения из стаканов и банок. Читая, она время от времени нехотя брала тарелку или вилку и исключительно из чувства долга подставляла под струю горячей воды; так она ее держала, пока вода не начинала жечь пальцы. Тогда мама Жак откладывала вилку (или тарелку) и со спокойной совестью на пять минут погружалась в чтение, после чего повторяла операцию. Она уже дошла до середины книжки (а именно до того места, где несколько слепцов, преследуемые смертоносными трифидами, бредут по опустевшему го-

роду), как вдруг этот удивительный мир подвергся бесцеремонному нападению извне. На пороге кухни возникла Юлия в сопровождении Толека и бородача и, мило улыбаясь, попросила чего-нибудь перекусить.

— Прочь! — рассеянно сказала мама и вернулась к прерванному чтению.

— Мама... — прошептала Юлия, смущенно покосившись на Толека. — Хотя бы парочку бутербродов...

— Я сказала: исчезни, — пробормотала мама, в ужасе следя за трифидом сверхъестественной величины, который хлестал слепцов своим ядовитым жгутиком.

— Но мама... по крайней мере скажи, где масло, я сама сделаю...

— Масла нет, — в ярости прорычала мама Жак, не отрывая от книжки взгляда, полного панического страха. — Ничего нет, вообще ничего, я же сказала: исчезни.

Юлия покачала головой. Подойдя к матери, она развязала ее передник, закрутила кран над раковиной и нежно проворковала:

— Иди, мамочка, в комнату и почитай в спокойной обстановке. Я всё помою.

— Ты? — бестактно удивилась мама. — А что случилось? — Она еще не до конца осознала, что на пороге кухни стоит вожденный Толечек.

Юлия улыбнулась сладко и неискренне:

— Просто мне захотелось помыть посуду. Обычное дело.

— Обычное дело? — Маминому изумлению не было границ. — Насколько я помню... — Тут ее взгляд упал на знакомую белокурую шевелюру и оттопыренные розовые

уши. — Ах да! — наконец сообразила она. — Ну конечно! Конечно! Как я могла забыть! Чего еще можно ждать от хорошей дочки и прекрасной хозяйки! — Пожалуй, у нее это вышло даже чересчур убедительно.

Юлия закусила губу и деликатно отстранила мать от раковины.

— Приветствую вас, друзья, — обратилась мама к молодым людям, особенно любезно улыбаясь Толеку. — Простите меня за мою рассеянность, но я читаю потрясающую книжку...

Толек посмотрел на обложку:

— А, книжка действительно потрясающая! Сам только что прочел.

Мама подарила ему взгляд, исполненный непроизвольной симпатии.

— Кошмар, верно?

Юлия, подойдя к раковине, принялась мыть посуду, стараясь, чтобы это у нее получалось профессионально и в то же время изящно. Мама и Толек, неожиданно нашедшие общий язык, с увлечением громко обменивались мнениями о научной фантастике вообще и авторе книги в частности, как вдруг мама Жак случайно опустила глаза и окаменела.

— Тс-с! — прошипела она таким голосом, словно увидела возле своей туфли миниатюрного трифида.

— Что случилось? — едва слышно спросил Толек.

Мама медленно поднесла палец к губам, а затем этим же пальцем торопливо ткнула вниз, украдкой указывая на нечто находящееся на полу. Толек, которому передалось ее волнение, испуганно вытаращил глаза и, не меняя положения головы, покосился туда, куда она показывала. И увидел ма-

ленькое белое существо, безмятежно дремлющее у стены.

— О! — сказал он.

— Вот именно! — прошептала мама Жак.

— Мышь, право слово, мышь! — обрадовался бородач.

— Тс-с! — подпрыгнула мама.

— Почему «тс-с»? — удивился бородач.

— Она может услышать, что мы о ней говорим.

— Но, — заикаясь, пробормотал бородач, — она, наверно, мало что понимает...

— А, в самом деле, — опомнилась мама Жак.

— Мы ведь все время разговаривали громко и тем не менее ее не спугнули, — отважился заметить Толек.

В эту секунду занятая посудой Юлия уловила, о чем идет речь. Недолго думая, она отставила тарелку, которую мыла, вытерла руки, подошла к Толеку и, увидев мышку собственными глазами...

грациозно упала в обморок, избрав объятия Толека в качестве последнего оплота.

3

— Что-то с этими мышами нечисто, — изрек дедушка за ужином.

— С чего ты взял! — сказал Бобик, ковыряясь в булке ложечкой.

— В этом доме никогда не водилось мышей, — продолжал патриарх рода. — Никогда, повторяю, того-этого! Махонькой серой мышки не видели, не говоря уж о белых!

— Но теперь-то они есть! — вскричала Юлия, грохнув кулаком по тарелке.

— Юлия, только без истерик, — одернул ее отец. — Передай мне, пожалуйста, горчицу.

— Все кончено, все кончено, все кончено! — твердила Юлия.

— Что кончено? — поинтересовался дедушка.

— Теперь я всегда для него буду ассоциироваться с мышами!

Отец улыбнулся уголком рта:

— А почему бы ему не называть тебя своей маленькой серой мышкой?

— Белой, — уточнил дедушка.

— Я люблю тебя, Мышка, — прикинула Цеся. — Мышка, будь моей навсегда.

— Заткнись! — взорвалась Юлия.

— Девочки, перестаньте, — попыталась разрядить обстановку мама.

— Нет, решительно что-то с этими мышами нечисто, — повторил дедушка, ловко нарезая колбасу.

— С чего ты взял? — неуверенно проговорил Бобик.

— Почему-то они всегда появляются в районе кухни.

— Это понятно, — вмешалась мама, — их тянет к пище.

— При жизни и после смерти, — сострила Цеся.

— Из этого я делаю вывод, что где-то поблизости у них норка, — сказал отец.

— Наверно, в старой кладовке, — догадалась мама. — Или на чердаке.

— С чего ты взяла! — с отчаянием произнес Бобик.

Тетя Веся внимательно посмотрела на сына.

— Бобик, — сказала она, — ты имеешь отношение к этим мышам?

— Я? — крикнул Бобик со слезами в голосе. — С чего ты взяла?!

— Молодец, Веся, у тебя прекрасная интуиция, — одобрительно заметил дедушка. И, нацелив на внука вилку, рыкнул: — А ну, отвечай немедленно, где мыши!

— Не скажу! — мужественно крикнул Бобик, выпячивая грудь, на глаза у него навернулись слезы, губы дрожали.

— Вот, пожалуйста, — сквозь зубы процедила Юлия. — Все ясно.

— Бобик, ты, кажется, сейчас получишь, того-этого, — пригрозил дедушка. — Немедленно говори, где мыши!

Бобик стиснул зубы, словно опасаясь, как бы жестокий старец не вырвал у него признание вместе с языком, и с такой энергией затряс головой, что едва не свернул себе шею.

— Он не скажет, — убежденно произнесла тетя Веся. — Пропавшее дело.

Мама задумчиво помешивала ложечкой в стакане.

— Бобик, а кто тебе дал мышек?

— Новаковский, — непроизвольно вырвалось у Бобика.

— Парочку, верно?

— Да, — доверчиво сказал мальчик и всхлипнул. — Самца и самочку.

— Проклятый Новаковский! — простонала Юлия.

— Приятно иметь мышек, да? — ласково продолжала расспросы мама.

— Да! — горячо подтвердил Бобик. — У них уже два раза рождались дети! Такие крошечные, лысенькие, как червяки.

— У-у-у! — вырвался у Юлии вопль омерзения.

— Они растут очень быстро, — с нежностью сказал Бобик.

Жачек посмотрел на него и сказал раздумчиво:

— Наш дорогой сосед, младший Новаковский, а?

— Верно! — обрадовался дедушка. — Чем ближе, тем лучше: не будет хлопот с возвратом инвентаря, того-этого. В крайнем случае можно подбросить эту пакость ему под дверь.

— Да, сынок, — решительно сказала тетя Веся, — завтра ты разыщешь всех мышек и отдашь их Новаковскому.

У Бобика ручьем хлынули слезы отчаяния.

— Так я и знал! Так и знал! Вы мне никогда ничего не разрешаете. Собаку не захотели покупать, а теперь даже этих несчастных мышек нельзя оставить, хоть они и бесплатные!..

Взрослые в растерянности переглянулись.

— Дурацкая история, — промолвил Жачек.

— Ребенок прав, — сказала мама Жак. — Не плачь, Бобик, одну мышку тебе, вероятно, позволят оставить, да, Веся? Скажем, самца. А остальных ты отнесешь Новаковскому. Его родители, думаю, ошалеют от радости.

— Ху-ху! — засмеялась Юлия.

— Мышке будет немного скучновато одной, но зато ты

сможешь держать ее в комнате, — поспешила добавить тетя Веся. — Я куплю тебе специальную клеточку, хорошо?

— Хорошо, — утешился Бобик.

— А где ты их до сих пор прятал? — любопытствовал дедушка.

— В кладовке, — признался Бобик. — В старом шкафу.

— Вот и все дела, — сказал отец, обращаясь к Юлии. — Теперь ты снова сможешь пробуждать в своем избраннике романтические порывы. Разумеется, если в доме не появятся тараканы.

4

Классное собрание. Дмухавец, по своему обыкновению, плюхнулся на стул за кафедрой так, будто в его суставах разом разболтались какие-то важные винтики.

— Нет, это все не для моего здоровья, честное слово, — произнес он в пространство простуженным голосом. — Все в сборе? Прекрасно, обойдемся без переклички. В нашей многотрудной жизни надо, по возможности, избегать занятий ненужных и бессмысленных. М-да. В силу обстоятельств я вынужден сегодня вернуться к анкете, на которую вы отвечали на прошлой неделе.

Класс вздохнул. Снова-здорово! Дались ему эти анкеты...

— Не вздыхать, не вздыхать, — погрозил пальцем учитель. — Мои анкеты только кажутся скучной выдумкой старого чудака; собственно, правильнее было бы сказать, что таковы они лишь с вашей точки зрения. Для меня эти

измятые клочки бумаги — подлинный кладезь знаний о вас, — Дмухавец встал, высморкался, спрятал платок и прошелся по классу. — Плохо дело, — сообщил он.

Класс проявил некоторое беспокойство.

— Ваш обобщенный образ вызывает у меня тревогу, — признался классный руководитель. — Судя по анкетам, все вы просто паиньки. А по-моему, молодые люди такими быть не должны.

Легкий шум удивления.

— Знаете, какими, по-моему, должны быть молодые люди? — спросил Дмухавец.

Минутная тишина.

— Знаем, знаем, — голос с одной из последних парт.

— Кто там знает? — поинтересовался Дмухавец.

Молчание.

— Вот именно, — разочарованно проговорил Дмухавец. — Ведь не встанет и не скажет, что думает. Боится. Чего? Угадать трудно. Никому ведь не грозит двойка за плохой ответ. Да и я не стану выгонять своего ученика из школы лишь потому, что он открыто заявит: «Пан Дмухавец — зануда». Правда, вы меня недостаточно хорошо знаете. Возможно, вам кажется, что я сторонник полицейских мер. Взять хотя бы такой факт: большинство из вас заполняет анкеты измененным почерком либо сообщает о себе неполные данные из опасения, как бы я не распознал автора по такому, например, признаку, что у него два брата и один велосипед.

Смешок в аудитории. Легкая разрядка.

— Какова же была тема анкеты? — насмешливо продолжал Дмухавец. — Что за мучительный вопрос был вам

задан? «Кто я? Чего я хочу достичь в жизни?» И какие же интимные и тайные признания, какой поток волнующих откровений хлынул на эти страницы? — Поднеся стопку листков к глазам, учитель саркастическим тоном прочитал: — «Я — ученик первого класса общеобразовательного лицея. Мое хобби — игра на гитаре и коллекционирование фотографий Кшиштофа Кравчика. Еще у меня есть собака, потому что я очень люблю животных. У собаки смешная кличка: Бегония. В будущем я хотел бы посвятить себя Искусству». — Дмухавец посмотрел на класс. — Ковальчук, будь добра, объясни, почему ты сочла необходимым изменить почерк и выдать себя за представителя сильного пола? Ведь всего неделю назад я встретил тебя в парке вместе с твоей собакой Бегонией, и для меня не секрет, что ты коллекционируешь фотографии Кшиштофа Кравчика, поскольку сама мне об этом сказала. Откуда же эта боязнь быть узнанной? Неужели ты никогда так и не осмелишься поставить подпись под своими признаниями? А что будет во взрослой жизни, когда потребуется четко определить свою позицию, выступить в защиту угнетаемых или включиться в борьбу со злом?

Беата Ковальчук смущенно закусила губу и втянула голову в плечи. Дмухавец велел ей сесть.

— Половина из вас, — сказал он, — заявляет, что в будущем намерены заниматься искусством. Ни один не пожелал стать политиком. Две барышни честно признались, что после окончания школы собираются выйти замуж и быть образцовыми матерями. Одна хочет стать врачом. Некий предприимчивый юноша строит далеко идущие планы: он откроет маленькую мастерскую по ремонту ав-

томобилей и со временем превратит ее в небольшой заводик. Писал он на всякий случай левой рукой, должно быть опасаясь, как бы я не перебежал ему дорогу.

Смех в аудитории, перемигивания.

— А теперь, — произнес Дмухавец, откладывая все листочки, кроме одного, займемся единственным ответом, под которым стоит подпись, хотя анкета, насколько вы помните, была анонимной. Послушайте. «Кто я? Я — конгломерат огромного количества атомов, обладающий неисчислимыми возможностями. Однако писать я о них не буду, так как считаю анкеты бюрократическим изобретением психологов. К тому же тема сегодняшней анкеты на редкость неудачна. С уважением Ежи Гайдук».

Всеобщее ошеломление. В классе сразу стало тихо. Ежи Гайдук, решительно не замечая устремленных на него взглядов, сидел неподвижно, с каменным лицом индейского воина.

— Ну, и что вы об этом скажете? — любопытствовал классный руководитель, обводя взглядом своих учеников. Никто ему не ответил. — Послушай, Ежи, — Дмухавец приблизился к парте, за которой сидел Гайдук, — твои товарищи молчат. Ты случайно не знаешь, почему?

Гайдук неторопливо пожал плечами.

— В свое время, — не отступал учитель, — я довольно внимательно штудировал учебники по психологии развития. В них настойчиво утверждалось, что молодежь охотно занимает крайние позиции и не признает компромиссов, полна идеалистических представлений и склонна к агрессивной поверхностной критике и опрометчивым суждениям. Однако к вам я никак не могу этого отнести. Никак, хоть тут тресни.

Гайдук иронически усмехнулся.

— Он усмехается, — во всеуслышание объявил учитель. — Нет, нет, я серьезно, Ежи, дружок, ну скажи что-нибудь! Даю слово, такие явления, как юношеский идеализм и склонность к агрессивной критике, существуют. За примерами недалеко ходить: возьмите третий «А». Почему в твоём классе один осторожнее другого?

Дмухавец явно ждал ответа. Ежи Гайдук, насупившись, встал. Вид у него был решительный.

— Третий класс вы дольше знаете, — пробормотал он. — А что касается нашего класса — я не могу говорить от имени своих одноклассников. Я их не знаю. От своего имени — пожалуйста, скажу. Да, я осторожничаю, я конформист, потому что хочу как можно скорее поступить в институт. Для этого требуется аттестат без троек и положительная характеристика. Ежели я займу крайнюю позицию и буду с юношеским задором подвергать все агрессивной критике, такой характеристики мне не видать.

— Думаешь? — засопел Дмухавец.

— Уверен, — холодно ответил Гайдук. — Однажды я уже оставался на второй год за неконформизм.

В классе вдруг поднялся шум.

— Он прав! — подал голос от двери Павелек и встал с извиняющейся улыбкой. — Вы нас призываете быть искренними и тому подобное... но разве можно быть по-настоящему откровенным с учителями? Мне кажется, нельзя.

— Точно! — поддержал его ломающийся баритон с последней парты.

— Школа по своей сути всегда казенна, — заявил Па-

велек. — Тут нет ничего удивительного, ведь в школе устанавливаются отношения властелин — подданный. Извините, но странно, что вы этого не видите, пан учитель.

— Мы должны только учиться и сидеть тихо! — Баритончик на последней парте явно осмелел.

— Пока не получим аттестата и права на самостоятельность, — добавил Павелек.

— А вот и нет! — крикнул Дмухавец и схватился за сердце. — Вы никогда не получите права на такую самостоятельность, которая избавит вас от необходимости участвовать в жизни общества! Когда-нибудь вам придется сказать «да» или «нет», выступить в поддержку слабых против сильных — можете не сомневаться, жизнь поставит вас перед такой проблемой. А вы к тому времени уже не в состоянии будете ни бороться, ни рисковать, так как привыкнете к мысли, что самое безопасное — сидеть и не рыпаться. — Дмухавец остановился перед Гайдуком, тыча ему пальцем в грудь.

— От меня вы никаких деклараций не услышите, — обозлился Гайдук. — Думаете, ребята из третьего «А» искренни?

— Безусловно.

— А я в их болтовню не верю. Они просто знают, чего вы от них ждете.

Гайдук хватил через край. Дмухавец покраснел, засопел и сорвал с носа очки:

— Ну, знаешь!.. Мальчишка! За кого ты меня принимаешь?!

— Вот, пожалуйста, — пробормотал Гайдук.

С места вскочила черноволосая Кася. Она была старос-

той класса и действовала из лучших побуждений.

— Нет, пан учитель... он совсем так не думает, как говорит... то есть... мы очень извиняемся... ну, Гайдук, извинись перед паном учителем...

— За что? — огрызнулся Гайдук. На него просто страшно было смотреть: фанатический блеск в глазах, насупленные брови, нижняя челюсть выпячена вперед. — За откровенность?

Дмухавец едва заметно усмехнулся и надел очки.

— Ну, а ты что об этом думаешь? — спросил он.

Вопрос был адресован Павелеку, но угодил в Целестину. Она нерешительно поднялась, краснея от волнения.

— Я... я думаю... — начала Цеся, ощущая пустоту в голове. Одного ее быстрого взгляда было достаточно, чтобы оценить выражение лица учителя: Дмухавец не казался таким добряком, как обычно. — Я думаю, вы правы, пан учитель, — на всякий случай выпалила она.

— Ах, так? — буркнул Дмухавец.

А Гайдук вскинул голову, будто его ударили.

— Да, да, безусловно, — добавила Целестина, чувствуя, что проваливается в какую-то страшную бездну.

— А в чем конкретно я прав? — вежливо поинтересовался классный руководитель.

— Ну... во всем... — брякнула Цеся, едва сдерживая слезы.

Она понимала, что поступает подло и отвратительно. К несчастью, в голове у нее был полный хаос, и, даже если б она собралась с духом и попыталась сказать, что думает на самом деле, получился бы глупый и жалкий лепет.

— Цеся трусиха, — коротко резюмировал Дмухавец. —

А Гайдук дал мне по носу, хотя знаете, что? Пожалуй, он прав...

В эту секунду Ежи Гайдук как укушенный сорвался с места, сгреб с парты тетради и книги, сунул портфель под мышку и, не сказав ни слова, покинул класс, захлопнув за собою дверь.

5

Часом позже он все еще стоял на мосту, устремив невидящий взгляд в мутные воды Варты.

Значит, так оно. Значит, так.

Значит, она такая.

Напрасно он позволил втянуть себя в этот разговор. Старому хитрецу и без того все известно.

А Целестина его предала, подло предала. Струсила. Трудно, впрочем, требовать от девчонки, чтоб она была смелой, как парень.

Ах, нет, неправда, не обманывай себя, болван. Она должна быть смелой и сильной и всегда иметь собственное мнение по любому вопросу. Должна верить в тебя и всегда быть рядом...

Хотя, собственно, почему? Кем ей приходится Ежи Гайдук?

Никем.

Ладно, но тогда и она будет никем для Ежи Гайдуга.

Никогда больше, никогда — даже если не знаю, что...

Никогда в жизни.

Конец.

— Я хотел спросить, — сказал Бобик, выглядывая из-за ровного строя солдатиков, — есть такой дом — ковыряльня?

— Что? — остоленела тетя Веся.

— Ковыряльня. Купаются в купальне, а ковыряются в ковыряльне.

— Ковыряются? — Тетя Веся даже выронила ложку.

— В носу, — пояснил Бобик. — А где еще можно? В трамвае нельзя, дома нельзя, на улице нельзя... Нигде нельзя. Значит, должна быть ковыряльня.

Жачек так и покатился со смеху.

— Ой, правда, истинная правда! — выговорил он наконец срывающимся голосом. — Куда бы обратиться с предложением?

Цеся неодобрительно посмотрела на развеселившихся родственников. До чего ж они заурядны! Какие там тонкие чувства, возвышенность — ужасные, примитивные люди, прозаичные, без полета. С Данкой разговаривают, как с себе подобной, даже не подозревая, какой могучий у нее ум. Данка ведет себя вежливо, разве что улыбнется в сторону, может, чуточку высокомерно... Но, в конце концов, трудно ей удивляться. Не всякий выдержит общение с командой присяжных остряков, тем более человек с такой утонченной психикой. Сама Цеся, после того как открыла в Данке поэтессу, постоянно пребывала в состоянии робкого восхищения. Подчас у нее даже не хватало духу заставлять свою необыкновенную подругу делать уроки.

Кроме того, теперь она на все смотрела как бы Данкиными глазами — по крайней мере, так ей казалось — и неизменно приходила к убеждению, что этому талантливому и незащищенному существу судьба уготовила сплошные невзгоды и вообще все окружающее оскорбляет ее легко ранимую душу. В преданном сердце обуреваемой дружескими чувствами Телятинки горело желание убрать с Данусинового пути все шипы и тернии.

— Перестаньте! — резко сказала она. — Вы даже не знаете, что Данка пишет стихи!

— О-о-о-о! — как сговорившись, хором вскричали родственники.

— Я тоже когда-то писала стихи, — объявила тетя Веся.

— Ну да! — поразились Целестина.

— И как будто неплохие, — призналась тетка, эта, казалось бы, воплощенная посредственность. — Даже получила награду на конкурсе «Белая гвоздика».

— Веся у нас всегда была чертовски поэтична, — захихикал Жачек, видно вспомнив что-то очень веселое.

— А о чем было то стихотворение? — полюбопытствовала Цеся.

Тут Данка не выдержала и вмешалась. Снисходительно улыбнувшись, она сказала:

— Какая же ты, Цеся, наивная. Разве вообще можно ответить на вопрос, о чем это стихотворение?

— Я могу ответить, — сказала тетя Веся. — Вероятно, потому, что мне уже тридцать пять лет. Так вот, в том стихотворении речь, разумеется, шла о любви, а также, естественно, о непонимании.

— Чего кем? — спросил Жачек.

— Кого чем, — буркнула Веся. — Ясное дело, что меня не понимал мир. Передайте кто-нибудь еще кусочек пирога.

— И мне тоже, — оживился Жачек. — Пирог — объедение, пальчики оближешь.

— Почему вы все время едите? — с отчаянием воскликнула Цеся.

— Так уж мы сконструированы, — любезно объяснил Жачек. — Впрочем, это относится к большинству здесь присутствующих. Даже ты и твоя подруга, хоть вы и существа высшего ряда, должны время от времени снабжать горючим свою пищеварительно-выделительную систему. Тебе, дитя мое, как будущему врачу это лучше знать. Даже Словацкий⁵ имел обыкновение обедать.

— Кажется, он был большой сластена, — лукаво заметила тетя Веся.

— Ха-ха! — загрохотал Жачек. — Что касается меня, то я, когда ем такой пирог, заметно облагораживаюсь.

Больше Цеся не могла выдержать.

— Дануся, — сказала она умоляюще-извиняющимся тоном, — может, пойдем в башню?

— Ну ладно, — вздохнула Данка. — Пора в самом деле браться за учебу.

— Святые слова, милостивая государыня, — ехидно произнес Жачек. — Учение свет. А о поэзии мы поговорим лет через пять.

Подруги вышли в коридор.

— Не знаю, какая муха их сегодня укусила, — смущенно сказала Цеся. — Отец просто невыносим.

⁵ Юлиуш Словацкий (1809–1849) — крупнейший польский поэт-романтик.

— Ну почему? — снисходительно улыбнулась Данка. — Он у тебя симпатяга...

Из-за дверей бывшей комнаты девочек, которая теперь служила приютом Юлии и Кристине, доносились голоса художников. Когда Юлины друзья появлялись в доме, Цеся обычно убегала куда подальше, однако на сей раз вынуждена была изменить своему правилу, так как оставила в комнате портфель с книгами и тетрадами. Если б не Данка, Целестина предпочла бы отправиться в школу с невыученными уроками — она готова была сделать что угодно, лишь бы не входить в комнату, полную людей. Но рядом стояла Данка, и по ее лицу разливалось выражение блаженной лени. Цеся напрягла всю свою волю и, приняв светский вид, постучала в дверь.

В комнате плотной завесой висел дым. Везде — на стульях, на диване, на полу — расположились художники; в их пестром обществе царила Юлия в пурпурном халате с черным зигзагом на спине. Цеся, не отрывая взгляда от кончиков своих туфель, протиснулась за спинами ярких девиц к столу, на котором лежал портфель.

Судорожно, как за спасательный круг, ухватившись за ручку портфеля, она выпустила из легких воздух и шмыгнула обратно к двери, преследуемая мучительным ощущением, будто кто-то все время за ней наблюдает.

У порога Цеся все же осмелилась поднять глаза и... захлебнулась дымом. Она кашляла и плакала, а в голове стучала одна-единственная мысль: «Бородач, бородач, бородач...»

Бородач сидел на полу возле дивана и в упор смотрел на Цесю.

— Эй, Юлька, — сказал он наконец, хлопнув по коленке старшей из сестер Жак, — глянь-ка, это кто ж такой?

— Это? Это моя сестра, — рассеянно ответила Юлия, прислушиваясь к тому, что в это время рассказывал ее драгоценный Толек.

Бородач встал и, перескакивая через тела коллег, настиг Цесю.

— Подумать только! Вот так встреча! — сказал он и вышел следом за перепуганной Целестиной в коридор. — Ну что, — спросил он, пошли в кино?

Стало быть, это всего-навсего Юлькин однокурсник! Цеся испытала некоторое разочарование. Подсознательно бородач представлялся ей чуть ли не полубогом — ну, скажем, киноактером или лыжником европейского класса. То обстоятельство, что черноокий красавец оказался обыкновенным студентом Академии художеств, сыграло против него: неотразимое очарование незнакомца сильно померкло.

— Здравствуйте, — подчеркнуто громко произнесла Данка, задетая тем, что бородач до сих пор не обратил на нее внимания, хотя она стояла рядом, грациозно прислонясь к вешалке для верхней одежды.

Цеся с легкой опаской подумала, что ее подруга очень хороша собой.

Бородач окинул Данку рассеянным взглядом.

— Мое почтение, — произнес он и немедленно повернулся к Цесе: — Нам просто суждено пойти в кино.

Цеся отличалась застенчивостью и скромностью. Но при этом она была представительницей своего пола, и вдобавок шестнадцатилетней его представительницей. Эти два фактора и определили ее ответ.

— Если для вас это имеет такое значение... — сказала она, наслаждаясь своей новой ролью и искоса поглядывая на Данку. — Что ж, можно пойти. Но только на хороший фильм.

— Пошли сегодня! — нетерпеливо воскликнул бородач.

— Сегодня мы занимаемся, — твердо ответила Целестина.

— Тогда завтра!

— Если для вас это имеет такое значение... — упивалась Цеся, — пожалуй, мне было бы удобно завтра на двадцать. Днем я опять буду занята.

— Можем завтра отменить занятия, — не без ехидства предложила Данка. — Такой случай...

— О нет! — возразила Цеся. — У нас еще физика. Да и польский. Дмухавец с тебя три шкуры сдерет.

Одного взгляда на решительно выдвинутой вперед Цесин подбородок было достаточно: Данка поняла, что спорить бесполезно. И, вздохнув, покорно открыла дверь, ведущую на башенку.

7

Вечером следующего дня Цеся с подкрашенными ресницами, в Юлином пальто и Юлиной шапочке подходила к кинотеатру «Балтика», источая тонкий аромат французских духов сестры и чувствуя себя красивой и соблазнительной. Ей казалось, помани она пальцем — весь мир будет у ее ног.

Появился элегантно одетый бородач, издали помахивая билетами. Цеся подошла к нему, улыбаясь, как Джиокон-

да. Ох, ну и забавный у него был вид! Увидев ее, бедняга остановился как вкопанный, хлопая глазами и пытаясь понять, кто же она в самом деле и почему так изменилась.

— Это ты? — на всякий случай спросил он, чем доставил Целестине несказанное удовольствие.

— Я, — ответила она, взмахнув ресницами.

— Значит, тогда, с рыбами, которые текли...

— Тогда тоже была я.

— Но в парке у памятника...

Цеся взяла его под руку, восхищаясь своей непринужденностью.

— Все очень просто, — объяснила она. — Метаморфозы со мной происходят в зависимости от того, дает мне сестра свое пальто или нет. Сегодня дала.

Бородач недоверчиво поглядел на нее и коротко засмеялся:

— Нет, знаешь... ты в самом деле... Ты мне в самом деле нравишься.

— Угум... — проворковала Цеся.

Бородач был ну, может, не столь неземной и восхитительный, как ей показалось вначале, но, безусловно, ужасно симпатичный. Кроме того, он был такой красивый, такой яркий и вообще артистичный, что притягивал все женские взоры в радиусе десяти метров. Целестина всерьез недоумевала, почему в обществе этого красавца чувствует себя легко, свободно и уверенно. Не заикается, не краснеет, не потупляет глаз. Наоборот, Телятинка с удивлением отметила, что она находчива и остроумна, просто-таки чертовски остроумна. Разговор завязался непринужденный и веселый, оба от души смеялись, поддразнивали друг друга. Бородач взял Цесю под руку и повел, ле-

гонько прижимая к себе. Очень приятно было так шагать, сознавая себя эдаким маленьким беззащитным эфемерным созданием, нуждающимся в заботе и ласке, неспособном пройти и пяти метров без поддержки сильной мужской руки.

Цеся упивалась этим новым, неведомым прежде чувством, как вдруг увидела Гайдука. Он стоял, подпирая стенку, в ярко освещенном вестибюле кинотеатра. Лицо у

него было бледное и осунувшееся, под глазами круги. Стоял сгорбившись, глубоко засунув руки в карманы, неподвижным взглядом уткнувшись в пол.

— Пожалуйста, говори мне «ты», — трещал бородач, лавируя в толпе, заполнявшей вестибюль.

Они приближались к Гайдуку, и Цеся совершенно произвольно высвободила свою руку из руки бородача.

— Привет! — крикнула она. — Ты почему сегодня не был в школе? — и помахала Гайдуку рукой.

В ответ она была удостоена взгляда, после которого ей вдруг показалось, что из вестибюля исчезли все, кто там находились. Воцарилась мертвая тишина, всякое движение прекратилось, одна Цеся стояла перед Гайдуком в необъятной пустоте, понимая, что в чем-то виновата, что совершила какую-то страшную, непростительную ошибку. В неподвижных чистых глазах Гайдука было презрение, отвращение и горькая насмешка. Когда же он посмотрел на бородача, взгляд его стал издевательским. Потом Гайдук опустил глаза и замер, снова уставившись в пол.

— Меня зовут Зигмунд, — сказал бородач и потащил Цесю дальше.

Она пошла за ним, а голова у нее звенела, как пустой жбан. Чего этому Гайдуку надо? Что случилось? В чем она виновата?!

Впрочем, ей-то что. Не станет она из-за него переживать. Даже не подумает. Нахал. А она, дурочка, еще ему помахала. Интересно, зачем? Нет, ну какой нахал! Ладно, с сегодняшнего дня она тоже перестанет его замечать. Какое ей, собственно, до него дело?

Бородатый Зигмунд, который ровным счетом ничего не

заметил, обнял Цесю за плечи и весело чмокнул в щеку. Прекрасно. Пусть Гайдук видит. Цеся гордо вскинула голову и в объятиях бородача всплыла в зал.

8

— Я целовалась, — сказала Цеся и в упоении закрыла глаза.

— Шутишь! — тихо воскликнула Данка. — С этим художником?

— А то с кем же!

— В кино? — допытывалась Данка, забыв о ватрушке, которую держала в руке.

— Нет, после кино, — ответила Цеся, не открывая глаз.

Девочки стояли под пальмой в конце коридора. Большая перемена только что началась, и из всех дверей в коридор хлынули ревущие потоки одолеваемых голодом и жаждой учеников общеобразовательного лицея. Все они либо уже что-то жевали, либо разворачивали пакеты с завтраками.

Возле стенгазеты двое ребят серьезно обсуждали актуальные проблемы спорта. Неподалеку от них три выпускника громко разглагольствовали о Кьеркегоре.⁶ Целестина открыла глаза и подумала, что мужчины в самом деле смешной народ. Столько страстей из-за какого-то там футболиста или философа, а заглянешь им в душу — непаханая целина.

— Думаю, он в меня влюбился, — сказала она, горячо желая, чтобы так оно и было на самом деле.

⁶ Серен Обю Кьеркегор (1813–1855) — датский писатель и философ.

— А ты? Скажи, что ты почувствовала, когда он тебя поцеловал? — спросила Данка с набитым ртом.

— Знаешь... — Цеся немного подумала, после чего ответила честно: — Целоваться, конечно, приятно, но, пожалуй, вокруг этого слишком много шума... Я имею в виду всякие фильмы и тому подобное, понимаешь? Честно говоря, меня ужасно разбирал смех, но, может, это только я такая дурочка...

— Смех разбирал? — Данка была просто возмущена. — Ну слушай, ты действительно какая-то недоразвитая!

— Да понимаешь... от него пахло одеколоном «Ярдли», и я представила себе, как он стоит перед зеркалом и одеколонит свои усики... — пискнула Цеся и захихикала.

Данка посмотрела на нее соболезнающе:

— Ну ты даешь! А чем от него должно было пахнуть, луком? Нет, у тебя в самом деле мозги набекрень.

— Да нет же, нет, правда было очень здорово, — поспешила заверить подругу Цеся, поняв задним числом, что в таких признаниях излишняя откровенность неуместна. — Я пошутила, он потрясающий, серьезно.

— Ну видишь, — успокоилась Данка.

— А как там Павелек? — спросила Цеся, чтоб не оставаться в долгу и развернула свой завтрак. Ей опять чертовски хотелось есть.

— Павелек? — переспросила Данка и выбросила, в корзинку пустой пакет от завтрака. — Мы снова поссорились.

— Похоже, у вас это хроническое. Из-за чего теперь?

— Из-за Гайдука, — беззаботно ответила Данка. — Павел пошел к нему домой. Узнать, почему он не ходит в

школу. Гайдук велел ему убираться и заявил, что в школу больше не вернется. Можно сказать, вышвырнул дурачка за дверь, а тот еще его защищает. А меня заодно Павелек обозвал глупой гусыней, вот я и обозлилась.

Пронзительный звонок перекрыл шум в коридоре, Цеся завернула в бумагу нетронутый завтрак. Пора было возвращаться в класс. Впрочем, у нее все равно почему-то начисто пропал аппетит.

9

Дома никого не было. Холодные пустые комнаты; тишина, подчеркнутая тиканьем будильника; разбросанные по полу в столовой машинки Бобика и клоун с оторванными ногами — от всего этого дурное настроение Целестины могло только ухудшиться. Честно говоря, это было даже не дурное настроение. У Цеси началась тяжелейшая хандра. По причинам, ей не известным.

Намыливая руки, Телятинка воспользовалась случаем и поглядела на себя в зеркало. Она пришла к заключению, что выглядит отвратительно: нос как картошка, глаза — щелки, волосы тусклые, сама сгорбленная, поникшая, на лице выражение тупой тоски, предвестницы черной меланхолии.

Мир ужасен. Атмосфера отравлена, в воде фенол и прочая пакость, озонная оболочка вокруг Земли насквозь продырявлена, еще немного — и космическое излучение уничтожит всю жизнь на планете. Ни дня без войны, постоянно на земном шаре кто-то кого-то убивает. Дожди кислотные и радиоактивные, и во всех овощах пестициды,

у маленьких детей в костях стронций 90, число больных лейкозием увеличивается с каждым годом. Кроме того, люди неискренни и непостижимо лицемерны, и вообще — почему нельзя ни с кем найти общий язык?

Кошмар. Кошмар.

Цеся уныло побрела на кухню. Может, если поест, настроение исправится. Она поставила на плиту кастрюлю с фасолью по-бретонски и попутно локтем столкнула бутылку с молоком. Пока вытирала линолеум, фасоль пригорела. Ужасный смрад распространился по всему дому, Целестина села на кухонную табуретку и расплакалась.

Разумеется, именно в эту минуту угораздило явиться отца. Он открыл дверь своим ключом и, почувствовав запах горелого, направился прямо на кухню.

— Что случилось? — испуганно спросил он при виде утопающей в слезах дочки.

— Ничего, просто у меня хандра, — объяснила Цеся, безудержно рыдая.

— Ой-ой-ой! — сочувственно вздохнул отец. — Не завидуешь. — И, взяв с тарелки кусочек огурца, съел его с аппетитом, хрустя и чавкая.

— Не чавкай! — сквозь слезы крикнула дочка.

— Почему?

— Меня это ужасно раздражает!

— Ах, бедняжка. Послушай, а отчего, собственно, у тебя хандра?

Цеся рассказала — в общих чертах. Она выложила ему все, хотя вряд ли он, бедняга, был повинен в том, что озонная оболочка похожа на решето.

— Это неприятно, — согласился Жачек. — Подумать только, а я и не знал, что она продырявлена.

— Вы все слепые и близорукие! А мир на грани катастрофы!

— Мы не можем быть одновременно слепыми и близорукими, — внес поправку инженер Жак.

— Можете! — бушевала Цеся. — Вы холодные эгоисты! Вам плевать, что рядом мучается человек.

— Какой человек? — немедленно спросил отец.

— Я вообще говорю! — тонким голосом крикнула Цеся. — Человек, одинокое существо, а вас это нисколько не волнует! Одиночество и бесчувственность — вот болезни двадцатого века!

— Ага... — сказал отец понимающе. — Бесчувственность. Кажется, я начинаю кое-что соображать...

— Ничего ты не соображаешь!!!

— Опять ревом, — констатировал Жачек, вытирая дочкино лицо кухонной тряпкой. — Ничего страшного, гормональная перестройка организма, других веских причин не вижу. Знаешь, дочка, я тебя утешу.

— Не хочу.

— А, это другое дело. Если тебе нравится хныкать, тогда в самом деле лезть с утешениями в высшей степени тактно.

— Ну, а как ты меня можешь утешить, как?

— Я могу, например, тебе сказать, что с миром ничего плохого не случится. Человек, как таковой, — создание, не лишенное разума. Я верю в человека.

— Ну и верь на здоровье, — ответила Цеся и громко высморкалась. — Меня этим не утетишь.

— Однако реветь ты уже перестала. Скажи на милость, а откуда у тебя эти устрашающие сведения?

— Из газет, — сердито ответила Цеся.

— Сие означает, что, кроме тебя, еще кое-кому известно об этих ужасах?

— Ну, наверно.

— Тогда не стоит огорчаться. У людей, как правило, есть общественное чутье и инстинкт самосохранения. Кроме того, нельзя сказать, что человечество состоит исключительно из преступников, тупиц и невежд. Я сам лично знаю нескольких благородных и разумных индивидов. Надо только, чтобы их становилось все больше. И чтобы они объединили свои усилия.

— Это ты здорово завернул, — признала Цеся.

— Лет через десять и ты сможешь к ним присоединиться. Например, в качестве эксперта ООН по борьбе с белокровием.

— Не смейся.

— А что? У тебя есть все возможности.

— Нет, а если серьезно — ты правда считаешь, что я могла бы в какой-то степени на все это повлиять?

— Все мы можем в какой-то степени на это влиять, — ответил Жачек на удивление серьезно. — Из крупниц складывается целое, силы суммируются: одна порошинка пустяк, а много — взрывчатый материал. Ты моими делами никогда особенно не интересовалась, но представь себе, что и я в меру своих скромных возможностей оказываю кое-какое влияние на судьбы мира, хотя всего-навсего проектирую судовые двигатели. И неважно, что мне хотелось бы заниматься совсем другим. То, что я де-

лаю сейчас, очень нужно, и я считаю, ты должна мной гордиться.

— Ты у меня молодчага, — сказала Цеся, окончательно осушив слезы. — Хорошо, что именно ты мне достался в папочки.

— Хорошо, что ты мне досталась в дочки. На редкость удачный ребенок.

— Ну уж... — усомнилась Цеся.

— А я говорю, удачный. Как хандра?

Телятинка вслушалась в себя.

— Вроде чуть-чуть полегчало.

— Ты сегодня прелестно выглядишь. Жизнь, она свое берет как говорится. И глазки как-то по-особенному блестят.

— Неужели? — обрадовалась Цеся.

— Единственно и исключительно, — сказал Жачек. — Послушай, откуда столько дыму?

— Фа-фасоль! — завопила Цеся, вскакивая. — Я забыла выключить газ!

— Так выключи, — посоветовал отец, торопливо отступая к порогу. — Проветри кухню и приготовь обед или что-нибудь в этом роде. Похоже, способность превращать каждое блюдо в уголь у нас в семье передается по наследству.

10

Холодильник зиял пустотой. Цеся, изо всех сил стараясь не поддаваться панике, обшарила кухню и нашла яйца и морковь. Это уже было кое-что.

Подойдя к открытому окну, она бессмысленно уставилась на дом на противоположной стороне улицы.

Что-то неотвязно ее мучило. Телятинка закрыла глаза и занялась самоанализом.

Гайдук. Да, именно.

Почему он не хочет вернуться в школу?

Цесе начинало казаться, что это каким-то боком связано с ее постыдным выступлением на классном собрании. Да, верно, отсюда это ощущение вины и подавленность. Она поступила отвратительно. Отвратительно. Но неужели его это так задело?

Ну конечно же, конечно. Ведь он был абсолютно прав. И нуждался в поддержке. Павелек вот отважился. А она...

Ох, какая мука! Ну почему она непременно должна ляпнуть какую-нибудь глупость и почему, коли уж ляпнет, не может об этом забыть и страдает, и стыд ее гложет? Цесе со свистом втянула воздух. Ах, идиотка, идиотка, идиотка!

— Идиотка, — сказала она вслух и застонала.

— Кто идиотка? — спросил отец из ванной.

— Мария Каллас, — со злостью ответила Целестина. Черт возьми, в этом доме нельзя ни минуты побыть одной!

Хлопнула дверь ванной. На пороге появился отец, розовый и бодренький.

— Что, что? — спросил он. — А почему ты плачешь, когда вспоминаешь Марию Каллас?

— Потому что хочу стать оперной певицей, — с отчаянием ответила Телятинка. — И меня точит профессиональная зависть.

— Хе-хе! — угрюмо хмыкнул отец, не зная, что обо

всем этом думать. — Пожалуй, все-таки гормональная перестройка. Обед будет или мне самому встать к плите?

— Будет.

— А что, позволь узнать?

— Глазунья и морковка, — задумчиво ответила Цеся. — Я спешу... — и вдруг, оборвав на полуслове, замерла, в озарении уставясь на отцовские шлепанцы.

Ни с того ни с сего она в мгновение ока вдруг поняла, что ее долг — да, да, товарищеский долг — навестить Гайдука. Нужно позвонить Павелеку и узнать адрес. Кто-то, в конце концов, должен проявить к человеку участие. И не кто-то, а именно она, это ясно.

Отец беспокойно переступил с ноги на ногу.

— Ну ладно уж, ладно. Куплю себе новые тапочки, — покаянно пообещал он. — Честное слово, прямо сейчас пойду и куплю. Только не смотри на меня таким испепеляющим взглядом. Очень прошу, единственно и исключительно.

11

Спустя полчаса морковка тушилась на слабом огне, очищенная картошка дожидалась своей очереди, а Целестина приводила в порядок кухню. Нетрудно догадаться, что это занятие меньше всего отвечало ее душевному состоянию. Кухню должна была убрать Юлия, причем еще накануне вечером, однако она уклонялась от подобных обязанностей с такой последовательностью, что это уже никого не удивляло. Целестина подвязала передник, с отворачиванием вздохнула и открыла кран с горячей водой.

Застывший жир, кусочки макарон и ошметки капусты. Мерзость. Когда Цеся отскребла первую тарелку, в кухню впорхнула Юлия. В новом платье, сшитом из двух больших турецких платков, она была просто ослепительна.

Ее чудесные черные волосы блестели заманчивым блеском, мерцали обрамленные пушистыми ресницами глаза, когда же она присела на табуретку, чтобы покрыть лаком ногти, от нее повеяло тонким ароматом духов «Масуми». Сев, Юлия закинула ногу на ногу, не сознавая ни того, сколь изумительно красива линия ее икр, ни того, что младшая сестра с завистью смотрит на нее поверх раковины, заваленной грязной посудой.

— Что ты делаешь? — спросила она, не глядя в Цесину сторону. — Моешь посуду?

— Нет, — неожиданно ответила Цеся и закрутила кран. — Нет, не мою.

— Ты что, спятила? Так эта грязь и будет стоять? — встревожилась Юлия.

— Не будет. Ты вымоешь.

— Я?!

— Ты! — рявкнула Целестина.

— Я не могу, — снисходительно бросила Юлия. — У меня ногти намазаны.

Тогда Целестина выхватила у сестры пузырек с лаком и, скрипя зубами, проехала кисточкой по всем ногтям сразу.

— У меня тоже! — крикнула она.

— Что с тобой происходит? — Юлия оторопела от изумления.

— Ничего! Только с меня хватит! Довольно на мне ез-

дить! Все вы на мне ездите! Никто меня не любит!

На крик стали собираться домочадцы.

— Что она говорит?

— Я говорю, что с сегодняшнего дня прекращаю мыть горшки! Пускай Юлька этим занимается!

— Правильно, — поддержал Цесю отец.

— И я так считаю, — пробормотал дедушка, защелкивая портсигар. — Юлия должна набираться опыта, того-этого. Цесе приходится много заниматься, а вы там у себя в академии...

— Что мы у себя в академии, а? — вежливо спросила Юлия.

— Лодыря гоняете, — пояснил дедушка. — А Цесе уже сейчас пора думать об аттестате зрелости и экзаменах в институт.

— Юлия все колотит, — заметила мама.

— Не имеет значения, — изрек дедушка. — Это она нарочно.

— Ну, знаешь!.. — возмутилась Юлия.

— Не убоимся взглянуть правде в глаза, — отважно провозгласил отец. — В этом доме существует угнетаемое меньшинство. Я имею в виду Целестину и Весю.

— А некая художница бьет баклуши, — прошипела Целестина.

— Я не узнаю Телятинку, — задумчиво проговорила мама.

— Она стала многоречива, — признал Жачек. — И тем не менее наша младшая дочь права. Мы на ней ездим.

— Да, — с жаром произнесла Цеся. — И вдобавок мне нечего носить.

Все так и вытаращили глаза.

— Что происходит? — поразился дедушка. — Телятинка, ты же всегда считала, того-этого, что в женщине самое важное — внутреннее содержание...

— Я изменила мнение. Человека с внутренним содержанием платье тоже украшает.

— Да ведь у тебя масса платьев, — сказала удивленная мама.

— Все Юлькины. Они мне в груди широки! — со слезами в голосе воскликнула Цеся; на это никто ничего не мог возразить. — И то, в чем хорошо брюнетке, мне совершенно не идет. Каждый сразу поймет, что я таскаю обноски старшей сестры, и невесть чего подумает! Кроме, конечно, одного, что я женственна и элегантна!

— Кто подумает? — Жачек потерял нить Цесиных рассуждений.

— Ну... никто! Никто не подумает!.. То есть подумает, вернее... Целестина густо покраснела. Слезы навернулись ей на глаза и закапали с ресниц. — Господи, какая я несчастная! — вдруг вырвалось у нее. — Никто меня не понимает, никто не любит!

Домочадцы, задетые за живое, переглянулись.

— Ну что ты, Цеся... — выступил от общего лица дедушка. — Мы тебя очень любим, того-этого, поверь...

Но на Цесю это признание не произвело никакого впечатления, закрыв лицо руками, она разрыдалась и стукнулась лбом о кухонный стол.

— Плохо дело, — сказала Юлия. И, отставив лак, вышла.

Минуту спустя она вернулась вместе с Кристиной, ко-

торая несла на вытянутых руках свою прелестную белую блузку. Блузка была вся в оборочках, в рюшечках и расшита несметным количеством причудливых закорючек.

Долгих два месяца трудилась Кристина над этим шедевром, целые часы проводя за рукоделием и теша себя мыслью о грядущих днях, когда она снова станет стройной и элегантной.

— Получай на время это чудо, — торжественно произнесла Юлия, а Кристина вручила Цесе блузку, радостно кивая рыжей головой.

— Но... я не могу... — пробормотала Цеся без особой убежденности.

— Бери, бери, — сказала Кристина. — К твоей цветастой юбке очень подойдет.

— Наверняка понравится, — заявила Юлия.

— Кому? — спросил отец немножко громче, чем следовало бы.

— Ну... каждому. Что, нет, Цеська?

Цеся уже не плакала. Она взяла блузку, просияла и убежала переодеваться.

— В самом деле, — вполголоса заметила Юлия, — она права. Пора покупать дочке наряды, дорогие родители.

— Что ты говоришь! — отмахнулся отец. — Цеся еще ребенок.

— Ребенка тоже нужно одевать. К тому же Цеся как раз вышла из детского возраста, — сказала мама. — Я так считаю, Жачек: нужно пересмотреть бюджет и выкроить немного денег.

Отец помрачнел: он ужасно не любил говорить о деньгах. У него, как правило, не хватало средств для удовле-

творения всех безумных потребностей своих домочадцев.

— Снова прикажешь залезать в долги?

Жачек явно намеревался подавить мамину инициативу.

— Мне скоро заплатят за «Орлицу», — робко напомнила она. — Можно было бы купить Цесе дубленку и красивые сапожки. И платье.

— Сколько тебе заплатят? — спросил отец сурово.

— А, не знаю.

— Почему не знаешь?

— Ну, не знаю, почему не знаю.

— Не знаешь, а уже покупаешь дубленку.

— Я другое знаю, Жачек. У меня иногда складывается впечатление, что ты скуп.

— А у меня складывается впечатление, что ты безрассудно расточительна.

— Не ссорьтесь из-за денег! — сказала Юлия. — Ссоры из-за денег убивают настоящую любовь.

Родители переглянулись и вдруг расхохотались.

— Жаченька, — сказала мама, падая в объятия мужа, — я считаю, пора кончать этот спор.

— Верно. Если наша любовь под угрозой...

— Давай просто условимся, что...

— ...что мы пойдем на компромисс. Дубленку покупать не станем, а купим платье.

— И сапожки.

— И сапожки.

Скрипнула дверь ванной, и появилась Целестина.

Родители умолкли и уставились на младшую дочь. Цеся выглядела прелестно. Ее лицо выражало глубокую решимость, глаза были подернуты загадочной пеленой. Она

окинула своих родственников невидящим взглядом и, не проронив ни слова, шагом сомнамбулы направилась к двери.

— Куда ты идешь? — спросила мама, испытывая странное чувство — нечто среднее между жалостью и тревогой.

Цеся вздрогнула.

— К одно... — сказала она. — К одной девочке. Скоро вернусь.

12

Собственно говоря, почему она солгала?

Ведь всем было ясно, что ради подружки она бы не стала так наряжаться.

Проклиная в душе свою беспредельную глупость, Цеся выбежала из подъезда и торопливо зашагала по направлению к улице Сенкевича. Павелек не помнил номера дома, в котором жил Гайдук, Цеся узнала только, что в этом доме внизу продовольственный магазин.

Итак, на Сенкевича. Смелее.

Было солнечно и холодно. Сильный ветер без труда пронизывал тонкое Юлино пальто и Кристинину блузку. Он дул прямо в лицо, и Цеся почувствовала, как в уголках глаз у нее скапливаются слезы. Она сама толком не знала, от ветра это или из-за хандры.

Цеся перешла мостовую, чудом избежав смерти под колесами мчавшегося с огромной скоростью грузовика. И, поглощенная своими мыслями, даже этого не заметила.

Родителям она соврала, потому что испугалась, как бы

ее не подняли на смех. Но испугалась-то почему? Ее вышучивали столько раз, что она давно должна была приобрести стойкий иммунитет. Да и шутки всегда были беззлобные и никому вреда не приносили.

И тем не менее на этот раз ей почему-то не захотелось, чтобы объектом шуток стал Гайдук. Бородач — пожалуй-ста, сколько угодно. Когда бы Зигмунд ни появлялся, отец буквально засыпал его колкостями и насмешками; кстати, бородач выдерживал натиск, не моргнув и глазом. Но Гайдук?

Очень уж Гайдук к ним ко всем не подходил.

Цеся ойкнула, вспомнив его злобный взгляд, и остановилась. Отвага окончательно ее покинула.

— Привет! — крикнул с противоположной стороны улицы бородач и бросился через дорогу к Целестине.

Видно было, что он немало потруился над своей внешностью: из-под дубленки выглядывал воротничок шикарной клетчатой рубашки и узел модного вязаного галстука. Явно гордясь достигнутыми результатами, он остановился перед Цесей, скаля в улыбке зубы:

— А я как раз к тебе. У меня есть билеты на «Рим» Феллини, на четыре часа. Правда до восемнадцати не пускают, но ты сегодня как-то так выглядишь... тебя пустят.

Цеся едва обратила внимание на комплимент. Предложение пришлось совсем некстати.

— Боюсь, я не успею. Мне еще нужно зайти к одно... к одной девочке.

— Я пойду с тобой.

— Ой, нет! — крикнула Цеся.

— Если ты меня стесняешься, я могу подождать и у подъезда, — обиженно сказал бородач. — Где живет твоя подруга? — И, обняв Цесю потянул за собой.

— На Сенкевича, — нехотя ответила Цеся и сняла со своей талии руку бородача. — Знаешь, мне что-то неохота идти в кино.

— Не валяй дурака! — возмутился бородач. — Билетам, что ли, пропадать!

Цеся со вздохом подумала, что пылкие брюнеты нужны не во всякую минуту жизни. Они подходили к большому дому на улице Сенкевича. Цеся оставила бородача возле продовольственного магазина и вошла в ближайший подъезд.

В списке жильцов Гайдук не значился, но Павелек сказал, что Ежи живет у некоей пани Пюрек. Цеся стала подниматься по ступенькам, пытаясь утихомирить нороящее выпрыгнуть из груди сердце.

Она остановилась перед дверью квартиры номер восемь. Стало быть, это здесь. Совершенно не думая о том, что делает, Цеся вынула зеркальце и внимательно на себя посмотрела. Ну конечно, никаких перемен, к сожалению.

Еще минуты три прошло в колебаниях и топтании на месте, и наконец, внезапно набравшись решимости, Цеся нажала кнопку звонка, чувствуя, как ее сердце проваливается в желудок и там странным образом продолжает громко стучать. Звук неторопливых шагов за дверью едва не заставил ее убежать сломя голову.

Дверь открылась; на пороге стояла старушка в темном домашнем халате.

Цеся заставила себя заговорить:

— Здравствуйте. А Ежи дома?

Старушка окинула Цесю испытующим взглядом.

— Он у себя, — сказала она тихим голосочком. Но и не подумала сдвинуться с места. Лишь внимательно оглядев Цесю, она решилась: — Заходи, пожалуйста.

В коридоре напротив входа висела картинка, изображающая юную деву с кошечкой. Картинка была овальная, девица, изображенная на ней, — пухленькая и сияющая. Слева была узкая дверь, застекленная матовым стеклом. В ту минуту, когда Цеся оторвала взгляд от улыбающейся красотки, эта дверь приоткрылась, и мгновенно стало ясно, что картинка сулила обманчивые перспективы: Гайдук стоял на пороге мрачный и злой, хмурая брови и глядя исподлобья.

— Привет, — сдержанно сказал он. — Входи.

Цеся послушно вошла. Сердце у нее колотилось, щеки горели, назойливый шум в ушах заглушал все остальные звуки. Она с ужасом обнаружила, что не в силах выдать ни единого слова. Гайдук медленно закрыл дверь и обернулся. Он тоже молчал. Все это было похоже на какой-то страшный сон. Минуты шли, оба продолжали молчать, и это молчание становилось все более нестерпимым. По коридору прошаркала пани Пюрек, зажурчала струя воды, загремел чайник. Во дворе кричали мальчишки и кто-то с грохотом захлопнул мусорный ящик. В соседней квартире разливалось радио: передавали арию из «Искателей жемчуга».

Только Цеся подумала, что еще секунда — и она или грохнется в обморок, или разревется, как Гайдук наконец заговорил:

— Садись. — И пододвинул ей стул.

Цеся села и стала оглядывать комнату в надежде, что так будет легче овладеть собой. Рука Гайдукa, лежавшая на спинке стула позади нее, отдернулась как ошпаренная, когда Целестина прикоснулась к ней плечом.

— Хорошо у тебя, — сказала Цеся не очень уверенно, обводя взглядом аскетически пустую комнату.

В ней не было ничего, кроме дивана, стола и полки с книгами. На стене висел вырезанный из газеты портрет улыбающегося мужчины на фоне исписанной мелом доски.

Гайдук враждебно молчал.

— Я пришла спросить, — выдавила из себя Цеся, — не нужно ли тебе помочь... ты совсем перестал ходить в школу...

— Перестал, — противным голосом подтвердил Гайдук. — А в помощи я не нуждаюсь. Привык справляться сам. Во всех случаях.

Они взглянули друг на друга и, смутившись, одновременно отвели глаза.

— Ты... обиделся? — прошептала Цеся. — За то, что я тогда...

Гайдук с усилием рассмеялся:

— С чего бы это мне на тебя обижаться?

— Потому что я тебя не поддержала.

— А зачем тебе было это делать? — спросил Гайдук деревянным голосом. — Каждый поступает так, как считает нужным. — И вдруг все его самообладание куда-то испарилось. — Разве я могу на тебя обижаться за то, что ты не такая, как я думал! — быстро проговорил он. И тут же, спохватившись, нахмурился и сунул руки в карманы. —

Ну, а теперь иди. Не то этот тип, который тебя ждет внизу, помрет с тоски.

— Там... никого нет!.. — горячо воскликнула Цеся. Она сама не знала, почему ей так важно, чтобы Гайдук в это поверил.

Но он не поверил.

— Я говорю о том типе, что с тобой пришел. Я вас видел из окна. Тот самый, с которым ты ходишь в кино и в парк. — Гайдук изобразил на лице нечто вроде улыбки: — От меня можешь не скрывать, я никому не скажу.

Цеся пристыженно молчала.

— Теперь небось тоже в кино собрались? — осведомился Гайдук с прежней неприятной ухмылкой. — Потопись, начало, наверно, в четыре... — И, когда смертельно обиженная Цеся встала, добавил: — Да и я должен уходить. У меня свидание.

Цеся бросила на него быстрый взгляд.

— Ну, иди же наконец! — крикнул Ежи и зажмурился.

Целестина, гордо выпрямившись, торопливо вышла, задыхаясь от сдерживаемого плача. Выбежав из дома, она опрометью бросилась через улицу. Бородач, о котором она совершенно забыла, посмотрел на нее с удивлением, а потом, убедившись, что это не шутки, подхватился и кинулся следом.

— Стой, голубушка, — сказал он, обнимая ее сзади за плечи. — Что происходит?

Цеся посмотрела на него невидящим взглядом:

— Ничего, ничего. Пошли. Пошли в кино.

— Но что все-таки случилось? Эта идиотка тебя обидела? Говорил — не ходи.

— И был прав, — сказала Цеся безжизненным голосом. — Был прав, был прав, был прав.

— Ну что с тобой? — Бородач взъерошил Цесину челку. — Не расстраивайся!

Цеся как будто внезапно его заметила.

— Зигмунд! — сказала она с удивлением. И вдруг горько зарыдала. Слезы хлынули у нее из глаз, как из водопроводного крана, целыми потоками. Открытым ртом она судорожно хватала воздух, в носу громко забулькало.

Проходящая мимо полная дама, нагруженная авоськами с картошкой и морковью, остановилась, привлеченная любопытной сценой. Бородачу, кажется, это не понравилось.

— Люди смотрят, — буркнул он. — Успокойся.

Цеся отчаянно редела, обеими руками вцепившись в его рубашку. Правда, она пыталась сдержать рыдания и что-то произнести; в конце концов ей это удалось.

— Я... ничего... не... понимаю! Я... ничего... не... понимаю! — вырвалось у нее.

Со стороны Звезжинецкой улицы приближалась другая дама. Из ее авоськи уныло торчали две бледные куриные ноги.

— Что случилось? — громко спросила она у дамы с морковкой.

— Не знаю, милочка. Похоже, он ее бросить хочет. Плачет, бедняжка, и плачет.

Бородачу несколько не улыбалась перспектива оказаться в центре общественного внимания. Вдобавок его новенькая рубашка промокла от слез и измялась. А пренебрежительное отношение, к своему гардеробу он не каждому мог простить.

— Идем же наконец! — прошипел он. — Или я пойду один!

— До чего ж нетерпеливый, обманщик! — Дама с цыпленком подошла поближе, готовая из женской солидарности активно включиться в действие.

Бородач схватил Цесю за руку и поволок в безопасную сень подворотни. Цеся покорно последовала за ним, пряча свое отчаяние в носовой платок.

— Чего не терплю, так это истеричек и уличные сцены! — сердито сказал бородач, когда они укрылись в темноте подворотни. — Если ты немедленно не успокоишься, я пойду в кино один.

— Я... ничего... не... пони... — рыдала Цеся, и вид у нее был такой, будто она вот-вот начнет биться головой о стену, вследствие чего бородач, который в самом деле больше всего на свете не терпел истеричек и уличные сцены, откашлялся, поправил галстук и смело вышел из подворотни.

Он бы удивился, если б узнал, что Цеся этого даже не заметила.

13

Впервые в жизни случилось так, что Телятинке не от кого было ждать вразумительного совета, и уж меньше всего — от домашних. Родные бы просто ничего не поняли, в этом она была твердо уверена, и поэтому не только не рассказала дома о случившемся днем, а наоборот, изложила фальшивую версию происшествия, которое довело ее до столь прискорбного состояния. Она сообщила, что

была у одноклассницы, на обратном пути упала с лестницы, расшибла колено и исключительно по этой причине вернулась вся в слезах. Потом последним усилием воли сняла с себя восхитительную Кристинину кофточку, повалилась на диван и до вечера плакала, не снисходя до беседы ни с одним из своих родственников.

Разумеется, никто в эту версию не поверил. Цесю оставили в покое, лишь за дверью время от времени слышались голоса, в которых звучало беспокойство и скрытое любопытство. Цеся поплакала, поплакала и встала. Она пошла на кухню, где в угрюмом молчании поглотила шесть консервированных огурчиков и полбаночки маринованных грибов. Затем, несколько воспрянув духом,

энергично взялась за посуду, вымыла ее, натерла пастой линолеум в кухне, кое-что простирнула и почувствовала себя еще лучше.

За окном внезапно потемнело, поднялся сильный ветер. Цеся закончила стирку, вымыла руки и помазала их кремом. Подглядывавшая сквозь щели в дверях ванной тетя Веся услышала, как Цеся, обращаясь к своему отражению в зеркале, говорит вполголоса:

— Ну и хорошо. Оч-ч-чень хорошо. О чем речь, идиотка? Ты больше никогда в жизни не скажешь ему ни слова. Побольше гордости, побольше гордости. Единственно и исключительно.

Тетя Веся на цыпочках отошла от двери и доложила семейству, что Телятинка как будто пришла в себя.

И в самом деле, Цеся, сохраняя горькую усмешку и слегка меланхолическое выражение лица, свойственное человеку, получившему от жизни суровый урок, поправила нос и под аккомпанемент бури села ужинать вместе с остальными. Дождь хлестал в окна, стены старого дома сотрясались от ураганных порывов ветра.

— Опять не купили ветчины, того-этого, — сетовал дедушка, не одобрявший беспорядочного ведения домашнего хозяйства.

— Что ж ты хочешь, папа, ведь завтра выходной, — машинально ответила мама Жак, украдкой наблюдая за младшей дочерью.

— Меня надо было попросить, я бы купил без очереди, — заметил отец. — Могу очаровать любую продавщицу. Единственно и исключительно. — А сам подумал, с грустью поглядывая на Цесю: «Может, ее кто-нибудь

обидел? Что произошло сегодня днем?»

— Из всей нашей семейки люблю одну корейку, — процитировал дедушка свою излюбленную шутку.

За столом вежливо рассмеялись. С улицы доносился свист ветра и грохот падающих черепиц.

— А вы что больше всего любите? — обратился он к молчащей Кристине.

На тротуар со звоном посыпались стекла.

— Шампанское, — странным голосом ответила Кристина.

— Моя мышка тоже любит шампанское, — заявил Бобик.

Жачека это сообщение заинтересовало.

— Откуда ты знаешь? Давал ей пробовать?

— Нет. Она мне вчера сказала, — серьезно ответил Бобик.

— О, — проговорил Жачек и с интересом посмотрел на племянника.

— Я-то сам больше всего люблю мясо, — разоткровенничался Бобик. — Кроме курочки. Курочка мне надоела. Смешно, что у нее с птицей одинаковое название. Или вот рыба. Называется в точности так же, как то, что плавает.

— А это и есть одно и то же, — безжалостно объяснила Юлия.

Тетя Веся подпрыгнула, отчаянными жестами пытаюсь внушить племяннице, чтобы та не лишала ребенка иллюзий. Однако Бобика уже поглотило другое занятие: он наблюдал за Кристиной, которая попеременно то бледнела, то краснела, пока наконец не выронила со стуком вилку.

— Мама, что с тетей? — спросил Бобик.

— Боюсь, что, к сожалению... — грубовым голосом произнесла Цесина мама.

— Да, уже! — жалобно простонала Кристина.

— Что такое? Что — уже? — потребовал объяснений Бобик.

Инженер Жак сорвался с места.

— Такси!!!

— Где такси? Зачем такси? — чуть не плакал Бобик, любивший получать полную информацию.

— Что за шутки? — вскипела Юлия. — Ведь еще не пришло время!

Но время как раз пришло. Новому обитателю планеты не терпелось взглянуть на нее собственными глазами. Как известно, на земном шаре ежеминутно рождается двести тридцать пять детей. И всякий раз это одинаково прекрасно.

В квартире Жаков мгновенно вспыхнула паника. Ибо выяснилось, что телефон не работает. Правда, роддом был недалеко — в каких-нибудь двух кварталах от дома, — но ведь на дворе бушевала буря. Никто не осмеливался предложить Кристине, чтобы она отправилась в больницу пешком.

— Спокойно, у нас еще масса времени, — повторяла мама Жак, ни секунды не веря, что говорит правду.

— Господи, что же будет? — рыдала Кристина.

— А что должно быть, того-этого? — неловко утешал ее преисполненный сочувствия дедушка. — Все будет хорошо. Кто сказал, что нужно бояться того, что естественно?

— Мама, я хочу есть, — заявил Бобик, чувствуя себя заброшенным.

Цеся собралась с мыслями: «Минуточку. Кто здесь намерен стать врачом? От врача требуется умение, самоотверженность и здравый смысл. Первого у меня нет. Второе, может, и есть, но без первого не в счет. Третьим вроде бы я обладаю. Так воспользуемся же этим».

— Я ухожу, папа, — сказала она.

— Куда? — испугался Жачек. — Уже половина девятого.

— К Новаковским. У них же есть телефон.

— Я с тобой.

Они спустились вниз. Дверь открыл младший Новаковский. На нем была пижамка из ситца, расписанного красными уточками.

— Предки пошли в кино, — сообщил он, нахально хрупая леденец. — А в чем дело?

— Можно нам воспользоваться телефоном? — вежливо спросил Жачек, который до сих пор не имел случая близко познакомиться с восьмилетним Новаковским и не знал, что это за фрукт.

— Нет, — ответил Новаковский. — Папа не велел никого впускать, потому что вокруг полно разных жуликов и маньяков.

— Не думаю, что он имел в виду соседей, ха-ха! — подлизывался Жачек.

— Прочь с дороги, Новаковский, — сказала Цеся и, не вдаваясь в объяснения, втокнула отца в прихожую. Затем она порекомендовала потомку дантиста выплюнуть конфету, почистить зубы и снова лечь в кровать.

— А я еще и не ложился, — заметил малолетний сосед. — Я смотрю по телевизору детектив.

— Ты меня, Новаковский, лучше не зли! — предостерегла его Цеся. — Я еще с тобой не расквиталась за мышей! Марш в постель! Телевизор я выключаю, этот фильм не для тебя.

Новаковский посмотрел на нее иронически и больше не произнес ни слова, даже когда незваные гости вторглись в кабинет, где стоял телефон.

Тут Жачек простонал, что не помнит номера неотложки.

Но Цеся знала все. С покровительственной усмешкой она взяла у отца из рук телефонную трубку, набрала номер, назвала адрес и попросила прислать машину.

— Ну и ну! — пробормотал Жачек, все больше и больше преисполняясь уважением к Цесе, по мере того как его собственные спокойствие и самообладание испарялись, казалось, безвозвратно.

— С вас один злотый, — раздался голос от двери.

Шустрый вундеркинд преспокойно стоял на пороге и, громко грызя леденец, холодно глядел на Целестину. Из соседней комнаты доносилось гудение вновь включенного телевизора. Юный Новаковский явно был из тех людей, которые твердо знают, чего хотят.

— Ух, попался бы ты в мои руки, — пробормотала Цеся, направляясь к двери, — ты б у меня попрыгал! Скажи отцу, что я зайду утром, отдам злотый! — крикнула она уже с лестницы, куда не спеша вышла вслед за Жачеком. — От таких типчиков, как ты, деньги лучше держать подальше! — Ей просто противно было смотреть на Новаковского, который, ухмыляясь из-под рыжей челки, стоял на

пороге в своей тонкой пижамке и демонстративно пома- хивал пакетиком с монпансье.

Дома отец и Цеся застали напряженную ситуацию, хотя напряжение распределялось неравномерно. Мама, дро- жащая и бледная, находилась в комнате у Кристины. Она только выглянула из-за двери и, не скрывая разочарования, тотчас скрылась. По коридору пробежала тетя Веся с пы- лающим лицом и кружкой горячего молока в руке. В большой комнате было поспокойнее: дедушка, потягивая липовый чай, читал Гюго, а Бобик, стоя на коленках, с крайне сосредоточенным видом обучал свою мышь сложному искусству хождения по канату, то бишь по нитке, протянутой между фикусом и ножкой стула. Для страховки он подставлял под мышку свой беретик: поте- ряй бедняжка равновесие, она бы прямо в него и свалилась. Несчастное животное висело на передних лапках, дрожа от страха, и возмущенная Цеся велела Бобику немедленно прекратить эти домашние пытки.

«Скорая помощь» все не приезжала.

Жачек, бледный как полотно, почувствовал себя вконец обессиленным. Открыв трясущимися руками дверцы ду- бового буфета и стараясь не слушать доносящиеся из со- седней комнаты вскрикивания, он достал бутылку гру- зинского коньяка, налил золотистую жидкость в стакан от чая, отчаянно хлебнул и... поперхнулся.

Бобику только это и нужно было. Бросив свою жертву, он подошел к дяде и пронзил его голубым взором инквизитора.

— Почему ты пьешь спиртные напитки? Сам всегда говоришь, что в спиртных напитках ищут утешения только слабаки и слюнтяи!

Ошарашенный Жачек сокрушенно заморгал светлыми ресницами.

— Ну да, — согласился он. — Но, дорогой Бобик, ты должен понять, что обстоятельства сильнее меня. Я никогда не умел мужественно переносить чужие страдания.

— Почему ты говоришь, что обстоятельства сильнее тебя? — продолжал допрос Бобик своим ясным, чистым голосочком. — Сам же говорил, что у слюнтяев это главное оправдание.

Жачек закашлялся.

— Я не слюнтяй, — заявил он.

— А почему пьешь спиртные напитки? Сам же говорил...

— Бобик! Спать! — не выдержал Жачек.

— Мне еще не хочется, — сказал Бобик.

— Нет, ты пойдешь спать! Причем немедленно! Сдается мне, этот Новаковский оказывает на тебя очень дурное влияние!

— Иду, иду, причем немедленно, — мгновенно согласился Бобик.

Новаковский был его любимым другом и единственным непререкаемым авторитетом.

В эту минуту раздался звонок в дверь. Цеся бросилась открывать.

— «Скорая помощь»!

Врач оказался молоденьким толстячком; на его круглом лице отражались одновременно чувство собственного достоинства и раздражительность. Зубы у него росли вкривь и вкось, отчего дикция доктора отличалась большим своеобразием.

— Где ложенисла? — спросил он, взглядом одергивая Цесю и прерывая на полуслове ее объяснения.

Но тут в коридор высыпало все семейство в полном составе.

— Наконец-то! Почему так долго?!.

— Я сплываю, где ложенисла?!

Доктора пустили к Кристине. Остальные столпились возле двери, взволнованно перешептываясь. В коридоре стояли два человека с носилками. Казалось, тяжесть этой минуты ощущается просто физически.

Скрипнула дверь, и появился врач во всем своем великолепии.

— Забилаем ложенислу, — распорядился он.

Пока двое дюжих молодцов выносили Кри-

стину на носилках, доктор устремил возмущенный взгляд на папу Жака.

— Стланно, — заявил он, — весьма легкомысленно.

Бобик глядел на него как замороженный.

— Вы мумми-тролль? — робко спросил он, осторожно дотрагиваясь до толстячка пальцем.

— Вы должны были отплавить дочь в больнислу еще час назад!

— Но мои дочери... — Жачек от волнения совсем потерял голову. — Скажите, доктор, Кристине что-нибудь угрожает?

— Я спрашиваю, потому что вы говорите, как Тофсла и Вифсла, — сказал Бобик с величайшим почтением.

— Нет, не тлевожтесль, ей ничегло не угложает... Все идет как положено, — ответил доктор Жачеку.

— Ну надо же! — в ярости воскликнула Юлия. — Зачем тогда пугаете!

— Я не пугаю, я пледостелеглаю, — обиделся маленький доктор. — До свидания. Ложенисла будет в клинике на Польной, сплавки можно навести по телефослу, — и исчез.

Десять минут спустя Жачек помчался в телефонную будку на углу улицы Кохановского, чтобы навести справки. Потом он наводил справки каждые пятнадцать минут, пока около полуночи не услышал сногшибательную новость. Когда Жачек ворвался в дом, на его лице можно было увидеть выражение безоблачного счастья.

— Девочка! — крикнул он. — Господи, какая радость! Три с половиной кило, представьте себе, и голубые глазки!

Глава 4

1

Через неделю Кристина с дочуркой вернулись из род-дома. Новоявленная гражданка ПНР пока представляла собой белый сверток, из которого торчала мордашка величиной с апельсин. С первой минуты она проявила энергию, решительность и своеволие и вообще в глазах семейства Жак была законченным чудом. Собственная семья младенца состояла из одной Кристины, ибо ее супруг, отец новорожденной, в результате рокового стечения обстоятельств в это время находился в Бельско-Подлясском воеводстве, где ему подвернулась халтура, и никто не знал, каким способом его отыскать.

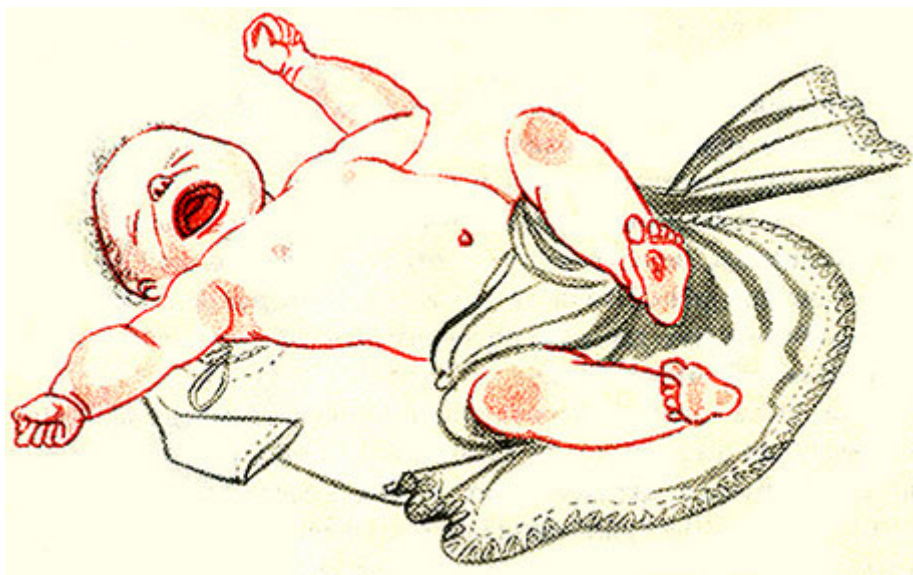
Кристина была настолько переполнена счастьем, что не ощущала никаких неудобств в своем новом положении. Дочку она назвала Иренкой, в честь мамы Жак, а других забот у нее, собственно, не было. Пока не наступил вечер... Вечером ожидалось появление специалиста, то бишь медсестры, которая по существующим правилам должна была приходить ежедневно и купать новорожденную.

Когда до восьми часов никто не явился, Кристину охватила паника.

— Я боюсь! Я боюсь до нее дотронуться! — жалобно восклицала она, отвергая предложения, которыми засыпали ее мама, Юлия и Веса.

Она требовала, чтобы ей немедленно доставили квалифицированного специалиста, и никак не хотела понять, что

Юлию булуют лучшие намерения, что маме Жак в жизни довелось купать двоих детишек, а тете Весе, правда, на одного меньше, но зато недавно. Положение с минуты на минуту обострялось: приближался священный час кормления, и маленькая Иренка принялась демонстрировать силу своих ненатруженных легких. Это, в свою очередь, по принципу обратной связи довело молодую мамашу до слез: от волнения она не в состоянии была справиться с самым простым делом.

— Да это ж истерия, того-этого, — бормотал дедушка, который тоже обладал кое-каким опытом по уходу за грудными младенцами, но которому тем не менее не позволили даже выставить свою кандидатуру.

Семейство пререкалось у постели Кристины, маленькая Иренка ревела, как тур, Бобик, слегка завидуя ее успеху в

обществе, пытался перещегоолять малютку и тоже выл, хотя, в отличие от нее, весело.

Поистине можно было потерять голову.

Однако Целестина, как всегда в ситуациях, требующих решительных действий, проявила спокойствие и хладнокровие. Не поддаваясь панике, она отыскала книжку под названием «Маленький ребенок». Книжечка эта до недавнего времени была для Кристины чем-то вроде Корана, но теперь оказалась бесполезной: Кристина не могла прочесть ни строчки.

Цеся спокойно раскрыла «Маленького ребенка», прочла соответствующий раздел и прокралась в ванную, чтобы подготовить там все к церемонии купания. Задача была не из легких. Цеся трижды примеривалась, пока наконец не убедилась, что готова приступить к делу и что все необходимые принадлежности разложены по местам в соответствии с предписаниями Института матери и ребенка. Только тогда она пошла за Иренкой. Малышка тем временем перестала кричать и, открыв припухшие глазки, казалось, прислушивалась к бурным дебатам, которые велись в противоположном конце комнаты. Цеся осторожно вынула младенца из кровати и, по всем правилам поддерживая головку, понесла в ванную.

Извлеченное из пеленок существо было таким крошечным, трогательным и беззащитным, что Цесиное сердце растаяло. Маленькая красная ручка с неожиданной силой ухватила Цесю за палец своими пальчиками толщиной со спичку, а тоненькие ножки, высвободившись из пут, несколько раз энергично ее лягнули. То и дело заглядывая в книжку, Цеся на удивление ловко помыла Иренку, смазала

пупок зеленой, сменила наклейку и дрожащими руками надела на хрупкое тельце свежую распашонку. Зато с пленкой пришлось повозиться — Цесе все время казалось, что она не расправила какие-то складки и у бедного ребенка немедленно появятся пролежни. Однако крошка была чрезвычайно довольна: стихла, закрыла глазки и начала блаженно посапывать. Целестина пригладила рыжеватые Иренкины волосики и, принаряженную, снова завернутую в одеяльце, отнесла обратно в кроватку. Осталось только покормить ребенка. Цесе в голову не пришло, что она поступила в высшей степени неосмотрительно и что отныне честь купать Иренку будет принадлежать преимущественно ей, поскольку у нее это лучше всего получается.

2

Ночь была тяжелая. Младенец спал до двух часов, после чего проснулся и кричал до пяти утра. Цеся и Кристина, ужасно взволнованные, до рассвета не сомкнули глаз, теряясь в догадках, что могло послужить причиной этой отчаянной демонстрации. Кристина склонялась к мысли, что ее дочка просто-напросто чертовски голодна. Несмотря на Цесины советы, а также вопреки строжайшим запретам медицины она пыталась доказать, что, если малышка плачет от голода, нужно ее накормить пренебрегая чьими-то дурацкими выдумками насчет ночного перерыва.

Юлия, которая пыталась спать в той же комнате на диване, в три часа утра сдалась.

— Цеся, ведь твоя кровать пропадает зря, — пробормотала она не открывая глаз. — Пожалуй, я туда переберусь, пусть хоть кто-нибудь в этом доме выплится. — И, сунув под мышку свою любимую думку, пошла в большую комнату в надежде урвать хотя бы несколько часов сна на раскладушке, по соседству с Бобиком и его мышкой.

В шесть утра Иренка внезапно утихла и, вероятно для восстановление сил, задремала. Истрадавшаяся Кристина и едва живая от усталости Цеся немедленно свалились каждая на свой диван и заснули мертвым сном. Через четверть часа у маленькой Иренки наступил новый день. Ее бодрый крик поднял на ноги всех обитателей квартиры, за исключением Бобика, которого в такую рань не могли пробудить никакие силы. Юлия, чертыхаясь сквозь сон, положила себе на голову Бобикину подушку, свою думку и диванный валик, но это не очень-то помогло: пронзительные звуки высокой частоты без труда проникали даже сквозь толстые стены. Оставался единственно разумный выход: встать и позавтракать.

К счастью, было воскресенье, и каждый в душе надеялся еще немного вздремнуть, когда Иренка угомонится. А пока что был сварен кофе, и семейство, дрожа и позевывая, собралось за столом. В эту самую секунду ребенок смолк. Жачек на цыпочках подошел к двери комнаты девочек и заглянул в щелку. Иренка спала. Возле ее кровати, положив голову на спинку стула, дремала Цеся. Кристина, державшая в одной руке пустую молочную бутылочку, а в другой мокрую пеленку, скаля зубы и тряся рыжей головой, пыталась беззвучно втолковать Жачеку, что ему надлежит удалиться, не производя шума. Сама она сидела на

краешке дивана и боялась пошевелиться, чтобы, упаси бог, не заскрипели пружины.

Жачек отошел, стараясь не дышать. Как легкий зефир, он впорхнул в столовую и плюхнулся на свое место за столом.

— Ну что? — спросила мама, у которой даже бессонная ночь не стерла с лица великолепного румянца. Она в неприужденной позе сидела за столом в желтом пончо, испачканном керамической глиной, и грызла соленые палочки.

— Нужно что-то придумать, — сказал отец, широко зевая, и тюкнул ложечкой по яйцу всмятку.

— Это ты насчет чего? Опять яйца... — ворчал дедушка. — Ветчиной и не пахнет, того-этого.

— Из всей нашей семейки люблю одну корейку, — опередил его Бобик, который был в превосходном настроении, поскольку хорошо выспался.

— У этого ребенка нет ни капли уважения к старшим! — взорвался дедушка, который был не в духе, — Даже любимую шутку не даст сказать!

— Я предлагаю обсудить сложившуюся ситуацию, — пояснил свою мысль Жачек.

— Никто не против, — буркнула Юлия.

— Яйца и яйца, того-этого, вперемешку с гречневой кашей. Сколько раз просил не давать мне яиц. И каши.

Тете Весе пришла в голову гениальная идея.

— А Кристинин муж? — сказала она.

— Мне яйца противопоказаны. Впрочем, не знаю, возможно не яйца, а каша. Что-то одно, во всяком случае, вредно, это точно, — недовольно бурчал дедушка.

— Кристинин муж, Кристинин муж! Войтек зарабаты-

вает деньги на содержание семьи, — вступилась за друзей Юлия. — А кстати, — добавила она, — мог бы уже вернуться, стервец.

Бобика заинтересовало новое слово.

— Стервец, — шепнул он в порядке эксперимента.

— В самом деле, Кристине здорово достается, — заметил Жачек.

— И Цесе тоже, — не преминула добавить мама.

— Именно.

— Стервец, — с наслаждением повторил Бобик. — Сопляк. Слюнтяй.

— Я бы все-таки советовала его разыскать, — робко сказала тетя Веся и крепко сжала бескровные губы. — Можно дать сообщение по радио.

— Во вторник, папа, во вторник, — сказала мама Жак. — Во вторник пойду в мясной и куплю тебе целый круг колбасы.

— Скотина, — все уверенней бормотал Бобик. — Скупердяй. Свинья.

— Слава богу, — сказал дедушка, сменяя гнев на милость. — В моем возрасте не рекомендуется питаться одними яйцами. И кашей. Из всей нашей семейки люблю одну корейку, того-этого.

— Тетя, это тебе попался неудачный экземпляр, — раздраженно сказала Юлия. — Войтек — человек другого поколения. Он любит Кристину и, если б знал, что его ребенок уже появился на свет... Не сомневаюсь, что он скоро вернется.

— Однако до тех пор... мне бы, разумеется, не хотелось прослыть скрягой... — пробормотал Жачек.

— Ты и так уже прослыл, — не упустила случая уколоть его жена.

— Просто я не очень себе представляю, как мы сможем содержать еще двух человек...

— Ой, папа! Не понимаю, почему надо заранее впадать в панику! — вскипела Юлия. — Есть в тебе все-таки что-то мещанское. Интересно, как бы ты себя чувствовал, если б у тебя родился ребенок и ты сидел без гроша в кармане на шее у чужих людей.

— Да уж, наверно, я бы чувствовал себя не в своей тарелке, — признался Жачек.

— Я буду тебе отдавать каждую заработанную копейку! — самоотверженно заявила Юлия.

— Но-но-но! — выступил в роли миротворца дедушка. — Никто не собирается выкидывать эту кроху на улицу! Если не найдется другого выхода, я готов взять на себя содержание этих несчастных жертв юношеского легкомыслия, — изрек он тоном, не терпящим возражений, и откашлялся. — Мне и так платят слишком большую пенсию. Я, правда, собирался, по стариковскому обычаю, откладывать понемножку себе на похороны, но сейчас только рад, что нашлись расходы поважнее. — Увидев, что взоры всех сидящих за столом обращены на него, дедушка смутился. — Где, черт возьми, моя книжка?! — сердито воскликнул он. — Ходят туда-сюда, мусорят, в доме все вверх дном, того-этого, со мной, естественно, никто не считается. Где книжка, в последний раз спрашиваю!

— А какая? — стали озираться по сторонам домашние.

Дедушка прикусил язык. В его любимой библиотеке Дворца культуры, где он по-прежнему брал книги в ал-

фавитном порядке, в последний раз ему попался Дюма-отец. Заведующая любезно отложила для своего постоянного читателя затрепанную «Королеву Марго», и теперь патриарх семейства Жак самозабвенно поглощал страницу за страницей сего кровавого исторического романа. Он был в восторге и стеснялся в этом признаться даже самому себе.

— А вам-то что? — буркнул он.

— У нас сегодня гости, — как бы невзначай, бросила Юлия.

Она старалась говорить вполголоса, но мама расслышала.

— Что, что? Что ты сказала?

— Юлины друзья, верно, придут, — объяснила тетя Веса, запахивая полы цветастого халата и поднимая брови. — Надо думать, захотят поглядеть на сиротку.

— Какую еще сиротку? Скажешь тоже, тетя!..

— Они всегда ужасно голодные, — озабоченно проговорила мама.

Дедушка фыркнул.

— Завели моду, того-этого! Знают, что их всегда здесь накормят. Ну ничего, по крайней мере слопают все яйца. — Он пошарил позади себя на диване. — О, вот она, — сказал дедушка, незаметно пряча книгу за спину. — Пойду к себе, почитаю немножко.

— Сволочь, — наслаждался Бобик. — Сволочь.

— Что этот ребенок говорит последние пятнадцать минут? — спросила Юлия. — Неужели это никого не интересует?

— Слова на «сэ», — объяснил Бобик.

— А тебе только такие приходят в голову?

— Юля, в котором часу можно ждать твоих троглодитов? — уныло спросила мама.

— Они не троглодиты.

— Сопляксла, — сказал Бобик. — Стелвесла. Слюнтяйсла...

— Тем не менее они наверняка явятся в обеденное время. Так вот: я заранее предупреждаю, что сегодня у нас на обед только рис, причем в незначительном количестве, — заявила мама Жак и намазала маслом кусочек хлеба.

— Господи! — крикнула Юлия. — С кем я живу? Сплошные мещане!

— Сблодсла! — сказал Бобик, и у него началась икота.

3

Днем с огромным букетом пришли поглядеть на Иренку Юлины друзья: бородач, Толек и две красивые девушки. Кристина, растроганная и взволнованная, крикнула им с порога, чтоб не смели заходить в комнату, не то они нанесут вирусов. Гости, вдруг ужасно оробев, послушно остались в дверях и, переминаясь с ноги на ногу, вытягивали шеи, стараясь хоть издали увидеть ребенка.

— Вроде бы маловат, нет? — высказал опасение Толек.

— В самый раз, — обиделась Кристина. — Даже на полкило побольше.

Она была очень чувствительна ко всему, что касалось внешности дочки. По ее мнению, это был самый прекрасный младенец из всех появившихся на свет за

последнее тысячелетие. Она могла часами лежать неподвижно, восхищенно любуясь маленьким сморщенным личиком с желтенькими крапинками на носу. Потом брала крохотную лапку и с нежностью разглядывала микроскопические ноготочки — каждый в отдельности. В принципе Кристина была бы бесконечно счастлива, если б не терзавшие ее страхи. Полчища вирусов, стафилококков, гнилостных бактерий и прочей нечисти роились над маленьким белым свертком, содержащим самое дорогое, что у нее было в этом ужасном мире. Стоило малютке заплакать, и у Кристины болезненно сжималось сердце. За проезжающими внизу машинами тянулись шлейфы ядовитых выхлопных газов, коварно просачивавшихся сквозь приоткрытое окно, когда же окно закрывали, воображению Кристины рисовались картины чудовищных последствий рахита, который появится у ее ребенка из-за отсутствия свежего воздуха. Словом, состояние молодой мамы было далеко не таким спокойным и блаженным, как это предписывалось медицинскими руководствами.

Опять же: симпатичные дотоле друзья вдруг превратились в неопрятных, пропитанных никотином носителей микробов. Хотя Кристина по-прежнему продолжала их любить, она была бы просто счастлива, если б они поскорее убрались куда подальше.

Но они все так же стояли у порога и глядели на нее с искренней озабоченностью.

— Что же теперь будет? — вырвалось у бородача.

Кристина в нынешнем своем состоянии предпочитала не думать о будущем — такие мысли нагоняли на нее тоску.

— Вы бы лучше ушли, — в сердцах сказала она, — а то меня только волнуется.

Друзья покорно вышли. В большой комнате их уже поджидала озабоченная тетя Веся.

— Садитесь, пожалуйста... вот «пепси-кола»... бутерброды с крутыми яичками... а я должна бежать... мы с Цесей стираем пеленки.

— Терпение, тетя, — сказала Юлия ободряюще. — Через несколько дней Кристина окрепнет, встанет и будет сама все стирать.

Стоявший рядом Толек произнес с начальственным видом:

— Надо бы дежурства установить, что ли... Мы бы все приходили помогать. Я вижу, у вас дел невпроворот. Юлия, наверно, тоже замучилась.

— Ничего подобного, — брякнула тетя Веся и испуганно захлопала ресницами.

Юлия вспыхнула.

— Я ведь тебе помогаю, тетя, правда? — заискивающе спросила она. — Как всегда...

— Ничего подобного, — с неожиданной решимостью повторила тетя Веся. — Как всегда! Палец о палец не ударишь. Живешь как паразит.

— Ох! — крикнула Юлия, в панике оглядываясь на Толека. — Твои шуточки, тетя...

— Я и не думаю шутить. Ты всеми правдами и неправдами увиливаешь от работы. Твоего мужа, если таковой найдется, ждет тяжелая жизнь. Горячо ему сочувствую.

Произнеся эту обличительную речь, тетя Веся отправилась в ванную, чтобы закончить стирку пеленок. Про-

ходя по темному коридору, она улыбалась себе под нос, уверенная, что на сей раз воспитательная акция должна наконец принести плоды.

4

Ванная была полна пара. Пар валил из бака, набитого пеленками и распашонками. Пособие «Маленький ребенок» рекомендовало белье новорожденного кипятить после каждой стирки. А стирать было что. Младенец беззаботно поливал пеленки и изводил около сорока штук в сутки. Бак, который Цеся приволокла из кухни, вмещал как раз обычную дневную порцию белья. Вошла тетя Веся в голубом переднике и с удовлетворением сообщила, что Юлечке от нее здорово досталось.

— Все сидят в столовой, — добавила она. — И бородач твой там. Красивый мальчик, но помни, Цеся: внешность обманчива. У него во взгляде есть что-то циничное. И вообще, чем позже ты узнаешь какими подлецами бывают мужчины, тем для тебя же лучше.

— Ой, тетя, ну что ты, в самом деле! — пролепетала Целестина; она как-то совсем забыла о существовании пылкого бородача, ни разу не вспомнила, с тех пор как они расстались в подворотне, а теперь ей и вовсе было не до него. — Пеленки чем вытаскивать? — спросила она.

Бак извергал клубы пара, пахнувшего вареным мылом.

— Лопаткой, — сказала тетя Веся. — Ах да, тебе звонил какой-то мальчик, когда мы тут стирали. Мама подходила. Велела ему позвонить попозже.

— А где лопатка? — спросила Цеся и взяла у тетки из

рук пустой таз. — Он не говорил, как его зовут?

— Сейчас принесу, она на кухне, — ответила тетя. — Мама ему сказала, что ты стираешь пеленки. Сейчас... как же его... кажется, Петрусь... Нет, Ежик.

У Целестины вдруг судорожно сжался желудок. Лицо вспыхнуло, сердце куда-то провалилось, на глаза навернулись слезы.

— Она ему сказала... что я стираю пеленки?!

В то, что Ежи Гайдук ей позвонил, трудно было поверить. Но если звонил он... если звонил все-таки он... это же ужасно. Пеленки! Мало того, что Гайдук ее ненавидит, теперь у него еще появится повод для издевательств: в том, что в душе он будет над ней издеваться, Целестина ни секунды не сомневалась.

— Нет, вспомнила, — сказала тетя Веся. — Павелек.

Цеся почувствовала одновременно такое огромное облегчение и такое огромное разочарование, что единственной реакцией, на какую она оказалась способна, были безудержные горькие слезы.

5

Ежи Гайдук все-таки вернулся в школу. После того как у него побывала Целестина, его настроение вообще в корне изменилось. Разумеется, Цеся по-прежнему ужасно ему не нравилась или, по крайней мере, он старался, чтоб не нравилась, но ведь она специально пришла к нему извиняться — от одного этого можно было смягчиться. Когда же он увидел через окно, как Цеся выбегает из его подъезда, заливаясь слезами, то едва не помчался за ней

следом. К счастью, на глаза ему вовремя попался все тот же бородатый болван — это спасло Ежи от опрометчивого шага.

Так или иначе, он решил вернуться в школу.

И сразу же по возвращении убедился, что приобрел много друзей. Павелек — тот просто ходил за ним по пятам. На несколько дней Ежи с головой погрузился в атмосферу мужской дружбы и солидарности, которая вокруг него возникла. Он даже как будто меньше стал думать о Целестине. Мальчишки потащили его в кино, потом Павел достал билеты на концерт Эвы Демарчик, а потом был хоккейный матч Польша — ГДР, на который отправились всем скопом и попеременно то орали, то дудели в трубу, подбадривая своих. В промежутках между развлечениями одноклассники торчали у Ежи дома, наслаждаясь тем, что рядом нет никаких родителей и никто не запрещает курить «экстракрепкие».

В школе возле него тоже постоянно вертелся народ. Павелек даже с разрешения Дмухавца пересел к Ежи, навсегда покинув Целестинину парту.

Только Целестина, единственная в классе, смотрела на Гайдука волком. Если вообще смотрела. Чаще всего Ежи приходилось довольствоваться восторженным созерцанием ее профиля с гордо вздернутым носом.

Однако в понедельник что-то неожиданно изменилось. На перемене Цеся сама с ним заговорила. На следующем уроке должна была быть контрольная по физике, и все помчались в физический кабинет в надежде заблаговременно спрятать в столы то, что следовало укрыть от постороннего взгляда. Только поэтому приятели покинули

Гайдука, который неторопливо вышел из класса и зашагал по коридору в сторону кабинета.

Шедшая впереди Цеся оглянулась, приостановилась и подождала его. Лицо у нее было бледное и напряженное.

— Ты мне вчера звонил? — коротко и резко спросила она, глядя в сторону.

Ежи ответил, что нет. Он и в самом деле не звонил. Ему бы в голову не пришло такое.

— Угум, я так и подумала. На всякий случай спрашиваю. Я не могла подойти к телефону, потому что... п-писала... стихи, — храбро брякнула Цеся. Потом вдруг вспыхнула, повернулась на каблуках и побежала совсем не в ту сторону, куда надо было.

К сердцу Гайдука подкатила волна умиления. Он побрел дальше, глупо улыбаясь. В тот день они с Целестиной больше не обменялись ни словом, но до вечера из головы не шел ее образ: маленькое личико с круглыми глазами цвета крыжовника.

Около двенадцати Ежи лег в постель. Почитал на сон грядущий Фейнмана, задремал над книжкой, потом очнулся, потушил свет и заснул по-настоящему. Проснулся он на рассвете. Ему снилось что-то удивительно хорошее и приятное, какие-то бесконечные разговоры, в которых он чего-то не успевал досказать; он даже не помнил, с кем разговаривал во сне, но у него сохранилось ощущение радости. За окном было темно, зеленые стрелки часов показывали половину шестого. Ежи закрыл глаза, уткнулся лицом в подушку и постарался побыстрее заснуть, чтобы закончить этот разговор и как можно скорее досказать все, что не было сказано.

Цеся вернулась из школы в ужасно подавленном настроении. У Данки, которая пришла с ней, вид был довольно-таки бодрый. Хотя именно Данка схватила сегодня двойку по математике и огорчаться следовало бы ей.

— Ну что ты за человек? — открывая перед подругой дверь родного дома, спросила Цеся скорее печально, нежели гневно. — Не могу понять, откуда такая беспечность? Ведь если и дальше так пойдет, тебя оставят на второй год!

— Ну, это в самом худшем случае, — сказала Данка, снимая пальто и бросая его на вешалку.

— Хоть бы меня по дружбе пожалела. Что я теперь скажу Дмухавцу? — с горечью воскликнула Цеся.

— Ну, знаешь! — фыркнула Данка. — Ты порядочная эгоистка!

— Что? — растерялась Цеся.

— Девочки, это вы? — крикнула мама из кухни. — Мойте руки и садитесь за стол. Сегодня у нас потрясающий обед!

— Кристина постаралась, — сказала Юлия, выходя из своей комнаты, к груди она прижимала сверточек с Иренкой, что неожиданно оказалось ей очень к лицу. — Войтек вернулся, блудный муж.

В самом деле, усатый Войтек, загорелый и довольный, гладил в ванной пеленки, вкладывая в это занятие всю душу. На нем была рубашка с закатанными рукавами, на ногах — новые шлепанцы Жачека, и вообще он так хо-

рошо вписывался в домашнюю обстановку, что Цеся ощутила легкое беспокойство. Как выяснилось за обедом, не без оснований.

— Войтек временно поживет у нас, — объявила за столом мама, — Нельзя, чтобы молодая семья вечно жила в разлуке из-за такой дурацкой причины, как отсутствие квартиры, это никуда не годится!

Мама не стала добавлять, что Кристина с Войтеком не далее чем сегодня хотели перебраться в комнату, которую сняли в пригороде, и что не кто иной, как она, еще недавно возражавшая против того, чтобы Кристина поселилась у них в доме, предложила молодым супругам комнату, раньше принадлежавшую девочкам, хотя бы до каникул. Она скрывала даже от себя самой, что без памяти любила маленькую Иренку и не может представить, как расстанется с этим крошечным существом.

— Тебе, Цеся, мы выделим уголок в моей комнате, — добавила она, — Я только выброшу несколько скульптур, все равно там давно пора навести порядок.

— Уж лучше я переселюсь в башенку, — смиренно сказала Цеся, в уме прикидывая, не может ли случиться еще какое-нибудь ЧП, когда для нее и в башне не останется места. Она не знала, что будущее и в самом деле готовит ей такой сюрприз.

— Кристина сварила фантастический обед, — расхваливала Иренкину маму Ирена-старшая.

— Действительно, — подтвердил убогатворенный Жачек. — Одно это заставляет меня примириться с постепенным разрастанием нашего семейства. Обед великолепный — не только вкусный, но и питательный. —

Покончив с ароматным супом, он отодвинул тарелку и деловито полил соусом картошку. Потом отведал печенку. — Чудо! — воскликнул он. — Крыся, надеюсь, твоя любовь к мужу будет крепнуть изо дня в день и соответственно ты будешь готовить столь же хорошо, сколь регулярно.

Бобик ел с аппетитом.

— А гномик — он какой? — спросил он неожиданно. — С бактерию?

— Чуть побольше, — ответила тетя Веся, — А что?

— А бактерия какая?

— Чуть поменьше гномика, — объяснил Жачек. — А что?

— У меня тут что-то такое на тарелке.

— Наверно, витамин, — предположил Жачек.

— Нет, это перец, — возразил дедушка.

Измученная жизнью Цеся могла поспорить на миллион, что знает, какой за этим последует вопрос.

— В перце есть витамины? — спросил Бобик.

— Масса. Масса витаминов, — успокоил его Жачек.

— А зачем бог создал бактерии?

Наступило неловкое молчание.

— Уж он-то знал, зачем, — нашелся дедушка.

— Новаковский говорит, бог создал хорошие бактерии, чтобы квасить капусту, а плохие — чтобы люди болели. Я думаю, плохие не нужны.

— Нужны, — сказала тетя Веся.

— А зачем? — не сдавался Бобик. — Зачем?

Взрослые задумались. В самом деле, за каким чертом?

— Болезни способствуют естественному отбору, —

объяснила Целестина. — Слабые, менее стойкие особи гибнут.

— Отличное мясо, к слову о естественном отборе, — заметил Жачек, перемешивая с соусом салат из сырой капусты и подкладывая себе печенки.

— Это я жарил, — похвастался Кристинин муж.

— Ах, не может быть! — единодушно восхитились сидящие за столом, не подозревая, что их ожидает в следующую минуту.

А Бобик прокашлялся, сел поудобнее на стуле и пустил в ход тяжелую артиллерию:

— А зачем бог создал человека? — спросил он.

7

Итак, в желтом доме на улице Словацкого по-новому складывалась семейная жизнь. Цеся думала об этом без раздражения, скорее с некоей покорностью судьбе. Было ясно, что ее место — в башне. С этим она примирилась легко. Зато страшно стало становилось при мысли о том, каково будет по утрам попадать в ванную.

Кроме того, возникла немаловажная проблема мытья посуды, поскольку за стол теперь постоянно садилось восемь, а то и девять человек, количество грязной посуды катастрофически возросло, и, что самое скверное, никто не рвался ее мыть.

Однако была в этом доме одна самоотверженная, сознательная и даже способная порой смотреть на вещи трезво особа. Каждый сеанс у раковины отнимал у нее около двух часов. Чтоб не так было скучно, Целестина за

работой размышляла о том о сем и в результате дала себе обет никогда не выходить замуж. Это означало, что, когда она станет взрослой и уйдет из дому, ей никогда не придется заниматься такой мерзостью, как мытье кастрюль.

У той же раковины она вспоминала — неизвестно, в какой связи, — про Гайдука, у которого оказались красивые светлые глаза и рассеянный взгляд — такой взгляд бывает только у незаурядных личностей. Конечно, он невоспитанный сопляк и грубиян, мальчишка, совершенно не умеющий сдерживать свои щенячьи порывы. В самом деле, ну разве не постыдное зрелище — гогочущий Гайдук, похлопывающий по спине Павелека и выкрикивающий: «Классно он его обвел, скажи нет, и раз — в левый угол!» Вообще вся эта орава молокососов вокруг Гайдука чрезвычайно раздражала Целестину. Они совершенно ему не подходили. Насколько лучше выглядел Гайдук одинокий и хмурый, со взглядом, как бы блуждающим по просторам безлюдной Вселенной в поисках родственной души.

— Ты что, оглохла? — спросила Данка, подходя к раковине. — Я уже второй раз спрашиваю, который час, а ты хоть бы хны, бормочешь чего-то себе под нос...

Цеся вздрогнула и закрутила кран.

— Ну, так что, сегодня не занимаемся? — спросила Данка с надеждой в голосе.

— Нет, нет, занимаемся, — очнулась Цеся. — Пошли. Берем манатки — и на башню!

Прихватив по яблоку, девочки отправились в свое убежище. Внизу в квартире темнота уже затягивала углы, а здесь, высоко в башне, еще полно было солнечного блеска.

За оконцами виднелись обнаженные макушки деревьев и желтое небо, усеянное мелкими сверкающими облачками. В башенке, в общем, было чертовски уютно. Цеся включила рефлектор, со вздохом растянулась на матрасе и сбросила туфли. Ей отчаянно не хотелось садиться за уроки. Она не стала возражать, когда Данка поставила пластинку с какой-то тихой, нежной музыкой. Лежала, поглядывая то на небо, то на прищипленные к узким простенкам яркие плакаты, и чувствовала странную сладкую грусть и смутную тоску. Скоро весна... что она принесет?

— Мне бы хотелось влюбиться, — вдруг сказала вслух Цеся и вздрогнула, испугавшись. Она совсем забыла про Данку.

Подруга посмотрела на нее снисходительно.

— Кому не хочется, — сказала она, флегматично грызя яблоко и одновременно записывая что-то в лежащей на коленях тетради. — Честно говоря, я тоже только об этом и мечтаю.

— Как это? — с любопытством спросила Цеся и приподнялась в локте. — Я думала, ты влюблена в Павла.

— Что ты! — сказала Данка. — Он меня не понимает. Совершенно. Я влюблюсь только в человека, который сумеет понять все тайны мое личности.

— О господи! — взволнованно произнесла Цеся.

— Да, лапочка. Но, боюсь, это будет не так-то легко. Погляди вокруг. Ты видишь хоть одного интересного парня?

Цеся поглядела вокруг и увидела только плакаты с кинорекламой. Потом она дала некоторую волю воображению и увидела худое лицо с большим носом, впалыми

щеками и светлыми глазами в длинных ресницах.

— Нет, не вижу, — решительно сказала она. — Ни одного.

— Вот именно. — Данка закрыла тетрадь и быстро догрызла яблоко до конца. — Где его, такого, найдешь — и чтоб интересный был, и чтоб в то же время тебя понимал?

— Я бы не стала так много требовать, — сказала Цеся мечтательно. — Вовсе не обязательно, чтоб он меня понимал.

— Ну конечно, — буркнула Данка. — Когда и понимать-то особенно нечего...

— Что? — рассеянно переспросила Цеся.

— Ничего.

— Знаешь что?

— Пока нет.

— Я бы могла влюбиться без взаимности, — призналась Цеся. — Если хорошенько разобраться в своих чувствах, можно прийти к выводу, что неважно, любят ли меня, — важно только, люблю ли я.

— Ты что!

— Серьезно.

— Ну, а твой бородач? — полюбопытствовала Данка. — Он ведь довольно интересный, нет?

— Не-ет, — сказала Цеся. — Нисколечко.

— Хорошо одевается...

— Дурак он.

— Почему дурак?

— Спорил, что «Кориолана» написал Верди.

— А не он написал?

— Нет.

— Действительно. Зачем спорить?

Цеся перевернула пластинку на другую сторону и снова плюхнулась на матрас.

— Здорово здесь, — сказала она. — Ничегошеньки делать не хочется.

— И мне! — обрадовалась Данка. — Знаешь что? Не будем сегодня заниматься!

— О нет!!! — неожиданно крикнула Цеся и вскочила как ужаленная. — За работу!

На нее вдруг навалилось гнетущее ощущение случившейся беды. Ведь сегодня Данка получила двойку по физике, а она, вместо того чтобы спасти положение, вместо того чтобы восполнять свои упущения на ниве просвещения, еще потворствует этой лентяйке.

Чего только весна не делает с человеком...

8

Спустя несколько дней Данка схватила очередную двойку, причем — о ужас! — у Дмухавца. Урок польского подходил к концу, и учитель не успел до звонка израсходовать весь запас язвительности, каковым его наделила матушка-природа. Поэтому он поймал Целестину на перемене и, презрительно фыркая, задал ей вопрос, который угодил прямо в цель:

— Что, Жак, подводим?

Испуганная Цеся смиренно стояла перед классным руководителем. Робость, эта проклятая болезнь, смешалась с чувством вины в такой трудноперевариваемый коктейль, что бедная Телятинка не могла выдавить ни слова.

— Я тебя просил, Жак, — куражился Дмухавец, — вытянуть за уши эту бездельницу Филипьяк. Но ты не только этого не сделала — ты сама покатила вниз. Что означает несчастная тройка с минусом, которую тебе поставил биолог? А?

Цеся молила проведение, чтобы Дмухавец вдруг потерял голос. Спектакль привлек уже нескольких любопытных, а под соседним филодендроном стоял ее одноклассник Ежи Гайдук, со всегдашним своим высокомерным видом погрузившись в чтение ежедневной газеты.

— О, сколь жестоко ошибается человек, одаря доверием ближних! — зычно воскликнул Дмухавец. Проходившая по коридору завуч смерила Цесю взглядом, выражающим осуждение и безоговорочную солидарность с учителем. — В чем дело, скажи, пожалуйста! — рявкнул классный руководитель. — У тебя неприятности? Ты плохо себя чувствуешь и не справляешься? Ты влюбилась?

Цеся обрела дар речи.

— Нет!!! — крикнула она. Не хватало только, чтобы клеветнические измышления Дмухавца были услышаны под филодендроном и неправильно истолкованы.

— Что же с тобой, в таком случае? — спросил Дмухавец неожиданно тихо и ласково. Одновременно взмахом руки он разогнал зевак.

— Я постараюсь... — простонала Цеся.

— Хотелось бы в это поверить, — с сомнением сказал Дмухавец и внимательно присмотрелся к Цесе. — Ты плохо выглядишь. К тому же отмечается некоторая вялость ума. Как будто ты регулярно не высыпaeшься.

«Так оно и есть», — подумала Цеся не без иронии.

Иренка по-прежнему подымала дикий крик в два часа ночи. Войтек и Кристина, не зная, как справиться с ребенком, однажды ночью, придя в крайнее отчаяние, разбудили сладко спавшую в башне Цесю, и с той поры это вошло в обычай, ибо одна Телятинка умела вместо молока напоить дитя чаем из травок, приготовленным особым способом, — так, чтобы Иренка даже не заподозрила обмана. Кроме того, Цеся придумала гениальный способ, как перехитрить ребенка: во время ночного кормления Иренку не брали на руки, а только слегка приподымали изголовье кровати. Когда малышка опорожняла бутылочку, следовало с превеликой осторожностью и очень медленно опустить постельку в прежнее положение, чтобы насосавшийся, как пиявка, младенец ничего не почувствовал и не открыл закрывшиеся в процессе еды глазки.

Затем надлежало в течение двух секунд на цыпочках выйти из комнаты, и тогда можно было надеяться, что Иренка заснет хотя бы часа на три.

— Ты как будто отупела, — продолжал Дмухавец. — Скажи, что ты прочла за последнее время?

— «Болезни детского возраста», — не задумавшись, ответила Цеся.

— Что?! — оторопел Дмухавец.

— Ну... это такой учебник... — смутилась Целестина.

— Сдается мне, ты читаешь не те учебники, — ехидно заметил Дмухавец и подскочил, потому что в эту секунду над самой его головой оглушительно зазвенел звонок.

Перемена окончилась. Целестина могла возвращаться в класс.

В дверях образовалась пробка, так как все стремились

войти в класс одновременно. Цеся, чтобы не толкаться, отошла в сторонку.

— Чего он от тебя хотел? — спросила Данка, неожиданно вырастая у нее за спиной.

— Отстань, — буркнула Цеся.

— Обо мне что-нибудь говорил?

— Отстань.

— Ну скажи!

— Говорил.

— Что?

— Что я во всем виновата, и что мне нельзя доверять, и что он во мне обманулся, раз я не сумела тебя вытянуть, — выпалила Цеся, глядя подруге в глаза.

— Да? — усмехнулась Данка, отводя взгляд. — Ну-ну... Надеюсь, ты не очень огорчена?

— Очень, — отрезала Цеся. — Мне нужно с тобой серьезно поговорить.

— Хо-хо! И когда же?

— После обеда... — рассеянно произнесла Цеся.

Гайдук стоял напротив, по другую сторону осаждающей дверь толпы. Под мышкой у него торчала сложенная газета. Посвистывая сквозь зубы, он, не замечая Цеси, высматривал кого-то в глубине коридора. Высокий, прямой, с большим гордым носом и глазами, светящимися внутренним светом. «Ежик», мелькнуло у Цеси в голове, и она поймала себя на том, что загляделась на Гайдука. Продолжалось это от силы минуту, но ей было достаточно, чтобы вспыхнуть при одной мысли, что кто-то может перехватить ее взгляд. Резко повернувшись, Цеся вклинилась в гущу толпы и пролезла в класс.

Был ясный теплый день. Мартовский воздух пах свежестью и солнцем. Окна квартиры на третьем этаже дома с башенкой по улице Словацкого были широко распахнуты. Посторонний наблюдатель, если б ему удалось подняться на такую высоту и заглянуть в квартиру, увидел бы, что в захламленных, по обыкновению, комнатах царит лихорадочная суeta. Цеся и Данка, которые, не на шутку разругавшись, притазились из школы унылые и мрачные, естественно, не могли снаружи увидеть, что происходит в доме, и потому, едва переступив порог, остановились, охваченные чувством надвигающейся катастрофы.

— Что случилось?! — крикнула Цеся, увидев своих родственников, суетливо бегающих по коридору.

— Трагедия! Трагедия! — воскликнула мама Жак, хватаясь за голову. — Цеся! Дануся! Спасите!

— Что все-таки случилось?! — рывкнула Цеся.

Но мама Жак, нервно подпрыгивая, уже удалялась в направлении кухни.

— Катаклизм, — меланхолически произнес отец, стоявший, скрестив руки, посреди большой комнаты. — Катаклизм. Право, не знаю, чем я так разгневал судьбу. А ведь говорил, просил, умолял: я хочу иметь сыновей. Нет, мне, разумеется, навязали дочерей. И вот вам плоды этого рокового легкомыслия. — И, мрачно качая головой, ушел в свой кабинет.

Из кухни выскочила тетя Веся.

— Где Бобик? Где мой ребенок?! — кричала она.

— Что случилось?! — Цеся больше не владела собой.

— Бобик в песочнице, — сообщил дедушка, шлепая по коридору. — Строит с Новаковским двухэтажный замок для мышей. И слава богу — хоть этих не будет, когда они придут.

— Кто придет? — гаркнула Цеся.

Дедушка посмотрел на нее, как на бесноватую.

— Чего ты кричишь? — с упреком сказал он. — Пришла из школы, того-этого, и нет чтобы поздороваться — с ходу начинает орать. И на кого? На престарелого больного пенсионера. У меня мог начаться сердечный приступ, того-этого.

Цеся застонала. «Чистое безумие!» — в бессильном отчаянии подумала она.

— Папа, что происходит? — кротко спросила Цеся, входя в комнату отца.

Жачек сидел на диване, глядя в пространство остекленевшим взором, и остервенело чистил на себе башмаки.

— Папа, ты можешь в двух словах объяснить, что опять стряслось?

— Я тебе сказал: катаклизм. Минуту назад позвонила твоя сестра. Они с Толеком и его родители вышли погулять, и им взбрело в голову нанести нам маленький визит.

— О боги! — цепенея, прошептала Цеся.

— Вот так-то, — сказал Жачек. — Через пятнадцать минут они будут здесь, голубушка.

— Мы с Данкой идем на башню, — заявила Цеся.

— О нет! — крикнула мама, врываясь в комнату и ныряя в бельевой шкаф. — Никуда вы не пойдете, нужно прибраться. Ради бога, где кремовая скатерка?

— В стирке, — сказала разумница Цеся. — Я вчера погладила другую, в клеточку.

— В клеточку! — воскликнула мама, ломая пальцы. — Придет графиня и этот... как его... лорд, который читает французских просветителей, а ты мне клеточку предлагаешь! Дануся, вот деньги, сбегай в кондитерскую за пирожными. Выбери какие-нибудь понеобыкновеннее!

— А может, лучше торт? — предложила Данка, беря у мамы Жак кошелек и застегивая пальто.

— Да, торт, пожалуй, лучше, — согласилась мама. — А ты, Цеся, тащи щетку, надо тут хотя бы подмести!

— Все равно ничто уже не поможет, — уныло заметил Жачек.

Цеся сбросила сапожки, подвязала фартук и принялась за уборку.

Тетя Веся тем временем торопливо мыла посуду, мама побежала вниз к Новаковским одолжить фарфоровый кофейный сервиз, отец продолжал чистить башмаки, и даже дедушка, дабы не отстать от других, ковырялся в своей трубке. Когда через двадцать минут раздался звонок в дверь, все было более или менее разложено по местам, начищено и выковыряно. Более или менее — внимательный наблюдатель без труда заметил бы выглядывающие из-под шкафа заляпанные грязью резиновые сапоги Бобика, пыль на телевизоре, потрескавшиеся от старости стены и потертый ковер. Звонок прозвенел во второй раз.

— Здравствуйте, — лучезарно улыбаясь, сказала мама Жак, открывая дверь. — Какая приятная неожиданность!

У Юлии были испуганные глаза и лицо блее мела. Толек, тоже взволнованный, держал под руку худую эле-

гантную даму с породистым профилем, в костюмчике с меховым воротником, сшитом по последней парижской моде. На запястьях у нее позвякивали старинные серебряные браслеты.

— Здравствуйте, — сказала дама великосветским тоном.

Оробевший Жачек тем временем тряс руку сухонькому светловолосому джентльмену, который, несмотря на оттопыренные розовые уши, действительно смахивал на лорда.

— Очень приятно, очень приятно, — наперебой твердили оба.

В кухне тетя Веся лихорадочно перетирала фарфор Новаковских. Данка и Цеся вынули из коробки торт и положили его на красивую тарелку.

— Я туда не пойду, — заявила тетя Веся. — Нет, нет, с такой прической... я неделю не была в парикмахерской.

— Тетя! Ты должна! — шепотом воскликнула Цеся. — Вот я точно не пойду, ни за какие коврижки!

— Пойдешь, пойдешь, — сказала тетя. — Меня не уговоришь. Кроме того, погляди — я в домашнем платье.

— Я иду наверх, — сообщила Данка. — Позанимаюсь немножко.

Цеся вздохнула, налила воды в чайник и поставила его на газ. Потом пошла в ванную — причесаться и привести себя в порядок. Ситуация была более чем серьезная, следовало пустить в ход все козыри. «Бедная Юлька», — подумала Целестина и щедрой рукой наложила на веки голубые тени.

— А вот и Цеся! — сказала мама.

Человек, не знакомый с мамой Жак, глядя на нее, никогда бы не подумал, что эта красивая полная дама со спокойными движениями и милой материнской улыбкой взволнована до последней степени. Зато у домашних не было сомнений, отчего дрожит ее голос и трепещут черные ресницы.

— Садись, дорогая, — ободрила Цесю мама и взяла у нее из рук поднос с фарфором Новаковских.

Пока величественная дама и ее лордоподобный супруг оглядывали Цесю с головы до ног, Толек дружески подмигнул ей со своего места.

— Славная барышня, — наконец вынесла свой приговор дама. — А какой смелый грим.

В самом деле, Цеся, дабы не упасть в грязь лицом перед высокими гостями, использовала все возможные средства из своего и Юлиного арсеналов. Судя по вытянувшейся физиономии отца, она, пожалуй, перестаралась.

— Молодо-зелено, того-этого, — сказал дедушка и смущенно закашлялся, почувствовав на себе панические взгляды родственников, как будто он выдал позорную семейную тайну.

— Юлия, разумеется, гораздо серьезнее, — поспешил заверить гостей отец.

Юлия судорожно улынулась и облизнула пересохшие губы.

— Мы очень любим Юлечку, кхе-кхе, — заявил вдруг

лорд, покашливая. — Она такая нежная. Как цветочек.

— Кому кофе?! — молниеносно вмешалась Цеся, молясь в душе, чтобы никому из родных не захотелось оспорить это мнение.

К счастью, беседа свернула на гастрономические темы, и Жаки позволили себе немного расслабиться.

— Прелестный фарфор, — восхитилась изысканная Толекина мама, беря двумя пальцами хрупкую чашечку с кофе. — Именно такие мелочи, семейные реликвии, переходящие из поколения в поколение, создают атмосферу дома.

Никто ей не возразил. Разве она была не права?

Цеся резала торт, стараясь, чтобы треугольнички получались идеально ровными и аккуратными. Дедушка неожиданно нашел общий язык с отцом Толека: разговор у них зашел относительно «Опыта о нравах и духе народов» Вольтера. Тема была нейтральная, и Юлия вздохнула с облегчением. Пока все шло более или менее гладко. Жачек развлекал Толекину мать, популярно объясняя ей основы квантовой механики. Мама Жак взяла в свои руки бразды правления и руководила беседой, вставляя то деликатное замечание по поводу квантов, то глубокомысленный комментарий к Вольтеру. Было в самом деле очень мило. Но идиллия продолжалась недолго.

Внезапно дверь с грохотом распахнулась, и в комнату ворвался Бобик зареванный, с грязными дорожками от слез на щеках.

— Новаковский его замуровал! Новаковский его замуровал! — едва выговорил он, рыдая. — Живьем! Живьем!

— Кого?! — крикнула мама Жак.

— Моего мыша! Моего мыша! — всхлипывал поглощенный своим горем Бобик, ничего не замечая вокруг. — Посмотрите! Посмотрите! — сказал он, кладя на стол безжизненное мягкое тельце с безволосым хвостиком. — Он, наверно, умер! Умер!

Юлия в мгновение ока позеленела.

— Забери это со стола, — простонала она.

— Дядя, сделай ему искусственное дыхание! Сделай ему искусственное дыхание! — причитал Бобик.

Мышка неподвижно лежала среди дивной красоты фарфоровых чашек и аппетитных кусочков орехового торта, а желтые нарциссы в темно-синей вазе скорбно склоняли над ней свои анемичные головки. Жачек отнесся к делу серьезно.

— Принеси нашатырный спирт, — сказал он. — Попытаемся привести ее в чувство. — И коснулся мыши пальцем. — Еще теплая, — проговорил он задумчиво.

— Папа!!! — сдавленным голосом сказала Юлия.

— Он умер от разрыва сердца? — плакал Бобик.

— Не говорят «он», говорят «она», — машинально поправила его мама Жак.

— Почему? — спросил Бобик.

— Мама!!! — сказала Юлия сдавленным голосом.

Но было уже поздно. Машина пришла в движение.

— Потому что мышь женского рода, — объяснила мама.

— Всякая? — заинтересовался Бобик: даже рыдания перестали срываться с его серых от пыли губ.

— Всякая. Говорят не «этот мыш», а «эта мышь».

— А самцы тоже женского рода? — пожелал узнать Бобик.

— Гм... самцы. Нет, не женского.

— Это очень интересно, — отметил Бобик, уже окончательно успокоившись и готовый задавать дальнейшие глубокие вопросы.

Мышка на столе пошевелилась, и немного желтого песка ссыпалось с ее шубки. Мать Толека сидела, как за- гипнотизированная, и глядела на подергивающее лапками существо так, словно перед ней была бомба замедленного действия.

— Жив! Жив! — завопил Бобик. — Дайте ему торта, дайте ему торта!

Просиявший ребенок недолго думая вскарабкался на колени к гостю и, поерзав, устроился, как ему было удобно.

Элегантная дама сидела не шевелясь. Она была удивлена, но не подавала виду.

— Какой милый мальчуган, — заметила она из-за взлохмаченной головки Бобика, стараясь не прикасаться к его запыленной курточке.

— За-бе-ри-те э-ту мышь, — с трудом пролепетала Юлия, близкая к обмороку.

— Ах, в самом деле, — спохватилась вдруг мама Жак и, помогая себе ложечкой, положила мышь на тарелку. — Жачек, унеси эту несчастную тварь. Извините нас, ради бога. У Бобика бывают такие заскоки.

— Ничего, ничего, — поспешили успокоить маму гости.

Мышь была унесена. Цеся сманила Бобика с колен величественной дамы, положив на тарелочку большущий кусок торта и поставив эту приманку на противоположный конец стола. Дедушка ловко свернул разговор на Вольтера,

отец возвратился к квантам, Юлия постепенно начала обретать нормальный цвет лица. Однако родные ошибались, полагая, что Бобик позволит заткнуть себе рот тортом. Проглотив, чудом не подавившись, огромный кусище, он слизал крем с пальцев и заметил:

— О, что я вижу? Сервиз Новаковского!

— Вкусный тортик? — надрывно вскричала мама Жак.

— Замечательный, — немедленно откликнулась гостья.

— Замечательный, кхе-кхе!

— Я по голубым рисуночкам узнал, — похвастался Бобик. — У меня глаз наметанный. Мама Новаковского говорила, что они за него заплатили в антикварном...

— Бобик! — сказала Юлия.

11

И все-таки, несмотря ни на что, прием прошел удачно. После кошмарной промашки Бобика ничего худшего случиться уже не могло. Сознание этого принесло всем членам семьи Жак острое чувство облегчения: лед внезапно был сломан, и общая атмосфера заметно потеплела. Вторая часть встречи прошла в приятной беседе без перебоев.

Выяснилось, что родители Толека, по сути дела, просто счастливы: наконец-то им удалось попасть в круг людей, близких по духу, людей, с которыми можно потолковать о неслыханно увлекательных вещах — таких, как современные проблемы квантовой механики или качество керамической глины отечественного производства. Не говоря уж об обоюдном интересе к знаменитым француз-

ским просветителям, который обнаружился у дедушки и Толекиного папы. Правда, дедушка со свойственной ему чистосердечностью несколько нарушил общую гармонию сообщив, что о Руссо сказать пока ничего не может, поскольку еще его не прорабатывал — он добрался только до буквы «Д», — однако в задумчивой обстановке, которая сложилась к тому времени, его заявление прошло незамеченным.

Когда отец и мать Толека поднялись из-за стола, никто уже не помнил ни о мыши, ни о сервизе Новаковского. Чаепитие благополучно завершилось, и после заключительного обмена любезностями, приглашениями в гости и взаимных восторгов от знакомства со столь интересными людьми окрашенная в белый цвет входная дверь наконец захлопнулась за Толеком и его родителями.

— Ушли, слава богу! — сказал Жачек и вздохнул с облегчением бессильно прислонясь к вешалке для верхней одежды.

И в ту же секунду в дверь легонько постучали. Это отец Толека вернулся за своим зонтом.

— Он наверняка слышал! — с отчаянием прошептала Юлия, когда Жачек, на этот раз проявив большую осмотрительность, проводил гостя вместе с зонтом на площадку и удостоверился, что тот окончательно ушел.

— Ничего он не слышал, — буркнул Жачек без особой уверенности, тщательно закрывая дверь на задвижку. — Он немного глуховат, я сам видел.

— Господи, что ты мог видеть?

— Что он глух. Как пень, — сказал Жачек и добавил с оттенком высокомерия: — И вообще, напрасно ты вол-

нуешься, дорогая, не такие уж они аристократы.

— Неправда, он не глух как пень! — безумно вращая глазами, воскликнула Юлия.

— Глух. Глух, как Бетховен. Я своими глазами видел, что пользуется специальным рожком. Вставляет его в ушную раковину.

— Сам ты раковина! — зарычала Юлия. — С рожком! А он еще хоть куда и наверняка расслышал твоё бестактное высказывание. О господи, почему вы все такие ужасные?

— Юлия, а что, этот юноша хочет на тебе жениться? — полюбопытствовал дедушка.

— Н-не знаю, — вспыхнула Юлия. — Я вообще ничего не знаю.

— Конечно, хочет, — убежденно сказала мама. — Иначе зачем ему было приводить родителей?

— Он-то хочет, — изрек Жачек тоном пророка, — но как они к этому отнесутся, вот вопрос.

Юлия неожиданно начала всхлипывать:

— Это все из-за вас! Из-за вас и из-за этого чудовища Бобика!

— Ну, ну, полегче насчет чудовища, — возмущенно сказала тетя Веся, выглядывая из ванной. — Ты знаешь, я не люблю, когда его так называют.

— А я считаю, что по-другому его никак не назовешь.

— А я нет!

Атмосфера явно накалялась, и Цеся предпочла убраться подальше от эпицентра склоки. Захватив из кухни несколько оставшихся от обеда холодных картофельных оладий, она поднялась на башенку.

Данка, разумеется, лежала на матрасе и писала стихи. Из проигрывателя неслись звуки флейты, и вообще не похоже было, что кому-то здесь хочется заниматься.

Цеся поставила перед Данкой картофельные оладьи и приглушила проигрыватель.

— Данка! — строго сказала она. — Пора поговорить серьезно.

— Я пишу, — заметила Данка.

— Ты должна начать что-то делать.

— Не мешай.

— Учиться, к сожалению, нужно, от этого не отвертись, как ни старайся, — продолжала Цеся, твердо решившая не сдаваться. — У тебя что, совсем нету честолюбия?

— Нету. Я пишу. Не мешай мне, черт подери!

Цеся выключила проигрыватель.

— Нет, ты меня выслушай! Мне надоело! — крикнула она. — Ты относишься ко мне как к вещи! Даже не соизволишь посмотреть в мою сторону!

Данка посмотрела на Телятинку с издевательской ухмылкой и села на матрасе, откинув со лба блестящие каштановые волосы.

— Ну, давай говори, хотя я заранее знаю, что ты собираешься сказать.

Цеся, растерявшись, молчала.

— Ну? — подбодрила ее Данка. — Ты остановилась на том, что у меня нет честолюбия.

— Вот именно. И элементарного чувства благодарности, — выпалила Цеся. — Ты даже не замечаешь, что я трачу на тебя все свободное время. Я хочу тебе помочь, но ведь ты сопротивляешься! Ты так чудовищно ленива, что у меня просто руки опускаются!

— Ну, ну...

— Хотя намек на чувство собственного достоинства у тебя есть? Ты не понимаешь, что это унижительно, когда тебя перед всем классом постоянно называют лентяйкой? А ведь ты не глупей других, даже совсем наоборот...

Данка встала и нервным движением одернула юбку.

— Послушай, — сказала она, снимая невидимую ниточку с рукава зеленой вязаной кофты, — условимся раз и навсегда, что у меня нет честолюбия, чувства благодарности, чувства собственного достоинства и что я лентяйка. Сразу станет легче жить. И тебе будет спокойнее, и я смогу писать без помех.

— Ничего не понимаю. Ты что, хочешь остаться на второй год? — застонала Цеся, хватаясь за голову.

— В принципе мне все равно, — призналась Данка. — У меня уже столько хвостов...

— Да ведь я хочу тебе помочь!

— Не станешь же ты за меня учиться.

— Послушай, — сказала Цеся. — Еще одно. Я за тебя отвечаю. Я обещала Дмухавцу, что тебя вытяну, и обязана это сделать.

— Чего тебе дался этот старик? — обозлилась Данка. — К учителям надо относиться по-особому. Были б они обыкновенные люди — другое дело, но это же надзиратели.

— Ха! — возмутилась Цеся. — И Дмухавец?

— Ну, может, он в меньшей степени.

— Дануся... — снова начала Целестина просительно. — Ты такая умная, талантливая, у тебя столько замечательных качеств... подумай о своем будущем. Чем скорее ты кончишь школу, тем раньше станешь свободна! Ты непременно будешь великой поэтессой. Отец Толека сказал, что у тебя талант, а уж он-то в литературе разбирается...

Данка подняла голову и нахмурилась:

— Что? Что? Как это он, интересно, может судить о моем таланте?

— Я ему показала тетрадку... с твоей поэмой... — поперхнулась Цеся.

— С поэмой «Отчуждение»?! — спросила Данка бледная.

— Да, он пришел в восторг... — Цеся почувствовала, что Данку это сообщение не особенно обрадовало, и осеклась.

— Принеси мне эту тетрадь, — проговорила подруга безжизненным голосом. — И заодно отдай маме кошелек. Когда я пришла с тортом, была такая суматоха...

— Данка, ты... ты сердисься? — с замиранием сердца робко спросила Цеся.

Дануся недвижно, как изваяние, сидела на матрасе, прислонясь к стене, и лицо ее было лишено всякого выражения.

— Принеси тетрадь, — повторила она.

Цеся, в ужасе от того, что натворила, помчалась в столовую, где возле тарелки с тортом еще лежала Данкина тетрадь — увы, уже не в том виде, в каком была: Бобик,

воспользовавшись случаем, нарисовал в ней акварелью танк, атакуемый вертолетом со множеством людей на борту. Телятинка почувствовала сухость в горле и странную пустоту в голове. Она не в силах была вообразить, как ее подруга раскроет тетрадь, где на лучших страницах «Отчуждения» намалеван танк. Больше всего ей хотелось отдалить эту минуту в бесконечность. А пока что она решила пойти к маме.

13

Родители были у себя в комнате, и Цеся, заглянув в дверь, позавидовала их душевному спокойствию и возможности работать в нормальной обстановке.

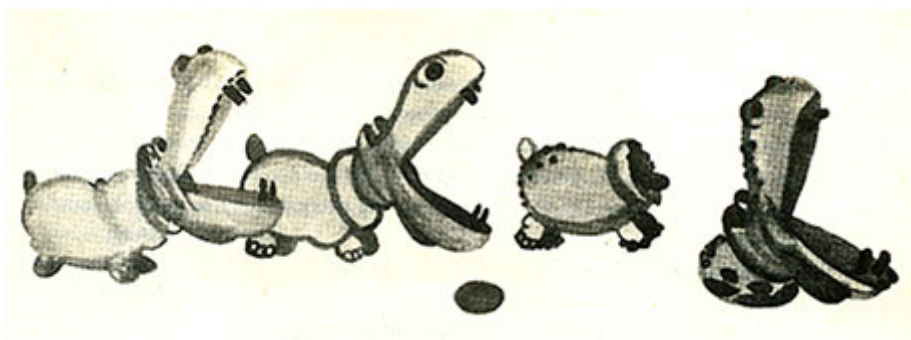
Мама, повязав поверх юбки какую-то тряпку, за большим столом лепила из глины изящные сахарницы в форме гиппопотамов. Разгороженная пополам книжным стеллажом комната освещалась двумя одинаковыми лампами. Однако одна половина нисколько не походила на другую. Вокруг мамы царил хаос: на полу — глина, на столе — гипс и глина, на стульях — глина и гипс; на полках стояли бутылочки и баночки с глазурью, кисти в стеклянных банках и высохший стебель кукурузы в бутылке от вина. Мама была весела и полна трудового энтузиазма, пальцы ее двигались быстро и ловко, красивые губы тоже были в движении — она что-то напевала. Отец сидел в своем углу в наушниках, предназначенных для индивидуального пользования телевизором. Однако в данном случае наушники ограждали его от посторонних звуков. Он работал

и не желал слушать всякие там дурацкие куявяки.⁷ Склонившись над сверкающим чистотой столом, Жачек аккуратно чертил что-то на большом листе кальки. Его книги стояли на полках ровными рядами, чертежные приборы были в идеальном порядке разложены по правую руку, а цветочки в вазе, хоть и очень скромные, выглядели свежими и красивыми.

— Мама, — позвала Цеся.

— Да, да? Смотри, доченька, какой смешной у меня получился гиппопотамчик.

— Гиппопотамчик что надо. Мама, я тебе принесла кошелек.

— Какой кошелек?

— Ну, кошелек. Ты разве не помнишь, что его отдала?

Мама рассмеялась:

— Не помню. — Покосившись на Жачека, она с облегчением убедилась, что на ушах у него звуконепроницаемые наушники.

⁷ Куявяк — польский народный танец.

— Мама, — спросила Цеся, глядя на мать с нежностью, — ты любишь деньги?

— Я? — удивилась мама. — А что?

— Ничего. Просто мне вдруг интересно стало, как ты к ним относишься.

— Хм! — мама задумалась. — Я б сказала — как к человеку, по которому я скучаю, хотя он меня явно избегает. А что, деньжата понадобились? Много, боюсь, я не наскребу.

— А сколько их у тебя вообще, ты знаешь?

— Не-а, не знаю.

— Никогда-никогда не знаешь?

— Никогда, — призналась мама, фыркнула и тут же, спохватившись, поглядела на Жачека. — Только ради бога, не проболтайся отцу! Я знаю, это мой серьезный недостаток. Но мне недосуг думать о деньгах. Столько других интересных вещей на свете... По-моему, если работаешь не покладая рук и получаешь за это деньги, наплевать, сколько именно их у тебя.

— Ты у нас трудовая пчелка.

— Что, это плохо?

— Наоборот. Ты молоток.

— Ну, спасибо тебе большое, деточка, — обрадовалась мама, — Приятно заслужить уважение собственной дочери.

— И гиппопотамчики у тебя получаются прелестные.

— Еще бы. Они пользуются грандиозным успехом. А тебе должны нравиться хотя бы потому, что благодаря им ты получишь новую кофточку.

— Серьезно?

— Единственно и исключительно. Что вы там с Данкой наверху сделаете?

Цеся мгновенно вспомнила, что произошло.

— Ох! Занимаемся, — ответила она, а сама подумала, отчего это появляется все больше и больше вещей, о которых нельзя рассказать родителям, хотя она старается жить честно и следовать их советам?

Цеся тяжело вздохнула.

— Что, хандра? — спросила мама.

— Э, нет. Просто жизнь тяжелая.

— Фу, какая банальность! — поморщилась мама. — Могла бы сформулировать то же самое более оригинально.

— Эх, жизнь, жизнь! — изрекла Целестина.

— И вообще, ко всему нужно относиться проще, детка. Знаешь, сколько у человека чувств?

— Э-э-э... в принципе пять, — сказала Цеся, будущий медик.

— Шесть у него чувств. Причем шестое — может быть, самое нужное. Я имею в виду чувство юмора. Чем сильнее оно развито, тем легче кажется жизнь.

— Хм-м-м... — с сомнением сказала Цеся и отправилась на башенку.

Чувство юмора, ничего себе.

Вероятно, мама не совсем права. Когда заденешь самые возвышенные чувства другого человека, никакой юмор не спасет. Цеся поднималась по ступенькам с ощущением, будто сердце ее весит тонну. Добравшись до площадки перед входом в башенку, она повернула дверную ручку.

Дверь была заперта. За тонкими досками явственно слышались громкие рыдания.

— Эй! Открой! — крикнула Цеся.

— Иди отсюда! — донеслось из-за двери.

— Данка! Не валяй дурака! Надо поговорить...

— Мне не надо! Иди, разговаривай с этим типом! Читай ему стихи! О боже, боже, что за люди живут на этом свете!

— Дануся... извини... я правда, правда...

— Все небось слушали, да? — Всхлипывание.

— Что ты! — горячо заверила ее Цеся. — Никто даже внимания не обратил...

— Профаны! — прогнусавила Данка и громко высморкалась.

— Что, что?

— А впрочем, я тебе не верю. Наверняка все прочли «Отчуждение» и теперь надо мной смеются! — Взрыв плача. — Нет, я отсюда не выйду! Как я теперь покажусь им на глаза!

— Данка, умоляю...

— Отвяжись! Нашли чем развлекать своих гостей... моим «Отчуждением»!.. Подлые!

— Не останешься же ты здесь...

— Именно останусь. Теперь я уже никогда отсюда не выйду. — Бурные рыдания. — Здесь и умру, зачем куда-то выходить.

— О господи! — сказала Цеся и без сил опустилась на ступеньки. — Этого я от тебя не ожидала, Данка. Ради бога, пойми: ты все преувеличиваешь. Никто уже о твоей поэме не помнит. Кончай паясничать.

— Я паясничаю?! — В донесшемся из-за двери восклицании прозвучало глубокое возмущение.

— Как дура, — со злостью ответила Цеся. — Сама же будешь жалеть.

Увы, хуже способа повлиять на Данку она не могла придумать.

— Это мы еще посмотрим, — ожесточенно заявила добровольная узница.

С этой минуты за дверью установилось упорное молчание.

14

После получаса безуспешных призывов и бесплодных уговоров Цеся покинула свой пост под дверями башенки и сбежала вниз. Ситуация осложнилась — пора было просить помощи у родных.

Семейство Жак сидело в большой комнате за ужином. Как обычно, собравшись вместе, все болтали и дурачились наперебой. В комнате стоял веселый гам. Цеся с неодобрением оглядела небрежно накрытый стол, вокруг которого, конечно, тоже царил беспорядок.

— Мне нужна помощь, — объявила она, вступая в круг света.

— О, Цеся! — радостно приветствовала ее Кристина, сидевшая рядом с Войтеком в конце длинного стола. Молодые супруги с достоинством сохраняли продовольственную автономию; в тот вечер их ужин состоял из ржаного хлеба и сыра. — Цеся, хочешь выкупать Иренку? — закричала Кристина.

— I am an engineer,⁸ — долбила Юлия, которой на следующий день предстояло сдавать зачет по английскому.

⁸ Я инженер (англ.).

Она сидела спиной к обществу, опершись о край стола, а ее красивые ноги лежали на подлокотнике соседнего кресла. В одной руке юная художница держала учебник, в другой — стакан чая.

— Садись, Телятинка, — сказала мама, кладя на тарелку несколько бутербродов. — А где Данка, уже ушла?

— Данка сидит в башне, — многозначительным тоном сообщила Целестина. — Заперлась и не хочет выходить.

— Подумать только! Тебе с колбаской?

— С какой еще колбаской?!

— Обыкновенной, — ответила мама. — А хочешь, с брынзой или с шпротным паштетом.

— Данка сидит в башне и отказывается выходить! — крикнула Цеся.

— Ты уже говорила. — Мама даже немного обиделась. — Не понимаю, зачем так кричать.

— If it rains, I will stay at home,⁹ — заверила Юлия.

Бобик кормил свою мышь творогом.

— Знаешь, Цеська, мой мыш уже умеет пить какао.

— Мне, пожалуйста, с брынзой, — потребовал с другого конца стола Жачек.

— Что вы заладили: брынза, брынза, того-этого. Я из всей нашей семейки люблю...

— ...одну корейку! — торжествующе вскричал Бобик.

— А вот и нет, хе-хе, того-этого. Колбаску.

— Разве это колбаса? — серьезно заметил Войтек, Кристинин муж. — Вот у нас в деревне колбаса так колбаса. А здесь она и на колбасу-то не похожа.

⁹ Если идет дождь, я останусь дома (англ.).

— Точно, — поддержал его Жачек.

— Когда моя мать делает колбасу, это, честное слово, просто...

— Колбаса! — радостно выкрикнул Бобик.

— ...колбаса. А здесь, извините, но это не колбаса.

— Я с вами не согласен, того-этого, — вступил в дискуссию дедушка. — Колбаса — она всегда колбаса.

— Тоже верно, — малодушно сдал свои позиции Войтек.

— Данка! — рывкнула Цеся, стуча кулаком по столу. — Данка! Сидит! В! Башне! И! Не! Хочет! Выходить!

— Ну и пусть сидит, — разрешил отец. — Что ты, силой потащишь ее ужинать? Может, бедняжка надумала похудеть?

— Отнеси ей наверх парочку бутербродов, — посоветовала мама.

— Вот этого я как раз и не могу сделать! — воскликнула Цеся, сжимая кулаки. — Она заперлась изнутри и заявила, что никогда больше не выйдет!

— Что ж, давайте теперь со шпротами, — капризно сказал дедушка. — Опять всю ветчину съели.

— Я могу подрезать еще, — вскочила тетя Веся.

— Пускай сидит, коли молодой жизни не жалко, — махнул рукой Жачек. — Впрочем, рано или поздно ей выйти придется. Голод, физиологические потребности, гигиенические навыки... Накроем голубушку возле ванной, и дело с концом.

— Какая муха ее укусила? — заинтересовалась мама. — У этой девочки богатая внутренняя жизнь, уверяю вас.

— Неважно, какая муха. Важно, что она решила там умереть.

— О-о-о! — протянул Жачек.

За столом сразу стало тихо.

— Говорю вам, все очень серьезно, — закончила Цеся. — Вы должны что-нибудь придумать.

— Но что? — растерянно спросил Жачек. — Впрочем, надеюсь, это не очень срочно. Раз уж заперлась, пусть сидит, а я пока допью чай.

— Она не выйдет, говорю.

— Что значит — не выйдет? В крайнем случае я позвоню ее отцу, тогда посмотрим, выйдет или не выйдет.

— А кстати, неплохо было бы познакомиться с ее родителями, — заметила мама. — Похоже, они своей дочкой мало интересуются, а? Девочка сидит здесь целыми днями, домой возвращается ночью, и никто даже не позвонит, не спросит.

— Потому что не все матери такие клуши, как... — начал было Жачек.

— Как кто? — любопытствовала мама.

— Я боюсь за Данку, — сказала Цеся.

— Так поешь чего-нибудь, Телятинка. — Мама подвинула дочке тарелку. — Как говорится, живот крепче — на сердце легче.

— Ох, да мне правда сейчас не до этого! Папа, ну пойдй, поговори с ней.

— Он бы выполнил эту работу, если б ему заплатили, — бесстрастно бубнила Юлия. — В условном предложении после «if» употребляется Past Perfect. He would have come if she had invited him.¹⁰

— Ну пожалуйста, подымитесь наверх.

— Проголодается — выйдет, — заявил Жачек, прини-

¹⁰ Если бы она пригласила его, он бы пришел (англ.).

маясь за очередной бутерброд. — Ее можно будет взять измором, увидите.

— Да нет же, — рассердилась Цеся. — Вы недооцениваете Данку. Она не такая, как вы все, она человек одухотворенный. Пища ей не нужна.

— Вот это да!

— Она идеалистка. Ест не ради удовольствия, а исключительно для поддержания сил. Не забывайте, что она пишет стихи, — горячилась Целестина.

— Я тоже когда-то писала стихи, — напомнила присутствующим тетя Веся. — И, кажется, даже не плохие.

— I used to live in the country,¹¹ черт побери! — сказала Юлия.

В конце концов отец все-таки поднялся из-за стола. За папой, разумеется, последовала мама, потом к ним присоединились дедушка с Бобиком. Шествие замыкала Веся. Трое художников остались в столовой. Юлия зубрила английский, а Кристина с Войтеком занялись подготовкой к купанию младенца.

— Можно высадить дверь, — предложил отец, когда Данка, несмотря на многократные призывы, не проявила ни малейших признаков жизни.

Остальные с сомнением переглянулись. Высадить дверь?

На площадке было тесно, душно и мрачно. Темноту рассеивал только слабый отсвет, пробивающийся сквозь щель под дверью.

— Свет горит, — заметила тетя Веся. — Значит, жива.

¹¹ Я привык жить в деревне (англ.).

— Не понимаю, какую ты видишь связь между одним и другим, — с раздражением возразил Жачек. — Что, по-твоему, электрическая лампочка должна сама погаснуть в присутствии покойника?

— О господи! — испугалась мама.

— Впустим ей туда мыша, — предложил Бобик. — Если она живая, начнет визжать. А если не начнет визжать, значит, не живая.

— Или спит, — сказал Жачек.

— Или не замечает мыши, того-этого.

— Или заметила, но не испугалась, — добавила тетя Веся.

— Или испугалась, но не подает виду, — оживился Жачек.

— Или...

— Хватит! — крикнула Цеся. — Данка, открывай, не то мы выломаем дверь...

Минуту царила тишина. Потом за дверью послышалось какое-то движение. На щель упала тень, и оттуда стал потихоньку выползать листок бумаги. Цеся, присев на корточки и повернув листочек к свету, прочла вслух:

— «Если выломаете дверь, я выскочу в окно!»

— Не выскочит, — тешил себя надеждой Жачек.

— Выскочит. — Дедушка, как всегда, был настроен пессимистически. — Да и хорошую довоенную дверь жалко. Я бы позвонил ее родителям, того-этого.

— Данка! — крикнула Цеся в замочную скважину. — Мы сейчас позвоним твоим родителям. Ну как?

Снова минутная тишина. Шорох, шелест — и в щели под дверью появилась очередная записка:

«Родители уехали. Никуда не звоните, не то выскочу».

На следующее утро положение ни на йоту не изменилось к лучшему. Родителей Данки действительно не оказалось дома — во всяком случае, никто не подошел к телефону ни вечером, ни утром. Семейство Жак легло спать, а спозаранку были обнаружены следы, неоспоримо доказывающие, что ночью Данка побывала в ванной. Вероятно, она мылась, причесывалась Юлиной гребенкой и вытиралась дедушкиным полотенцем, о чем свидетельствовали разводы от туши для ресниц протяженностью в полполотенца. В кухне исчезло кое-что из съестного. Судя по всему, Данка решила держаться до последнего.

За дверью башенки по-прежнему царило зловещее молчание, однако в семь тридцать оттуда неожиданно полились бодрящие звуки скрипки. Это Данка включила проигрыватель и наслаждалась «Временами года» Вивальди. Впрочем, вскоре она, по-видимому, решила, что оптимизм эпохи позднего барокко не соответствует ее душевному состоянию, поскольку музыка внезапно оборвалась на середине «Весны» и минуту спустя на башне зазвучали заунывные голоса певцов из ансамбля «Локомотив ЖТ».

— Данка! — крикнула Цеся, подойдя к двери. — Пойдем в школу, прошу тебя!

В башне раздался взрыв горького смеха. И это был единственный звуковой сигнал, которым Данка самолично удостоила мир.

— Мне нужно с тобой поговорить! Открой! — просила Цеся.

Данка увеличила мощность звука: стены дома задрожали, сотрясаемые голосами ансамбля «Локомотив ЖТ».

Тогда Цеся написала письмо:

«Данка! Не думай, что я не понимаю, почему ты здесь сидишь. Тебе не хочется заниматься, вот и все. Но от жизни никуда не спрячешься. Если ты не придешь в школу, я напущу на тебя Дмухавецца. Или сделаю еще чего похуже. Твоя подруга Целестина».

Сунула письмо под дверь и пошла в школу.

В голове у нее был туман. Ночью она почти не спала — во-первых, волновалась из-за Данки, а кроме того, маленькая Иренка, которую угораздило именно в эту ночь разгадать хитрость с отваром из трав, устроила многочасовой скандал, домогаясь молока. Вдобавок Бобик, с которым Цесе пришлось волей-неволей устроиться на одном диване, чертовски узком, ужасно ворочался во сне и упорно стаскивал с нее одеяло.

Поэтому не удивительно, что, выйдя на залитую солнцем улицу, она чуть не ослепла от яркого света и на ее усталые глаза навернулись слезы. Пахнувший морозцем ветер гнал змейки сухой снежной пыли, на тротуаре белели замерзшие лужи. Цеся брела, спотыкаясь, щуря слезящиеся глаза и хлюпая носом. Где-то внутри она ощущала холодную пустоту — мама, конечно, сказала бы, это оттого, что она не позавтракала, но Цеся знала: пустота эта чисто нравственного происхождения. Телятинка чувствовала себя предательницей. Конечно, она была уверена в том, что Данка только и мечтает о широком распространении своих произведений, и тем не менее... Вероятно, не каждый достоин чести быть с ними ознакомленным. Ве-

роятно, следовало бы спросить, не имеет ли автор ничего против Толекиного папы. Вероятно, уровень аудитории тоже не пустяк. Так или иначе, Цеся твердо знала: она злоупотребила доверием подруги и вероломно ее предала. Неважно, что побуждения у нее были самые лучшие, если Данка восприняла ее поступок как предательство, значит, так оно и есть.

Однако это только одна сторона вопроса. Есть еще другая проблема истинная причина, заставившая Данку затвориться в башне. И дело здесь не в Цесином предательстве. По существу, Данка убежала от своих обязанностей. Тут и нужно что-нибудь придумывать.

Цеся даже не заметила, что стоит посреди тротуара и бормочет себе под нос. Только когда проходящие мимо девчушки с ранцами оглянулись и захихикали, она сообразила, что ведет себя довольно странно.

Решительно устремившись навстречу ветру, Цеся перешла дорогу и возле газетного киоска наткнулась на какого-то верзилу, который, сворачивая трубкой газету, в эту минуту отходил от окошечка. Название газеты складывалось из больших красных букв и, кажется, имело отношение к спорту — это единственное, что Цеся успела заметить до того, как подняла глаза и увидела прямо перед собой суровый лик своего одноклассника Ежи Гайдука.

Он стоял, замерев, прижимая к груди газету. На его хмурой физиономии светлели неприязненно сощуренные глаза. Брови сдвинулись к переносице, плотно сжатые губы побелели. Не на шутку струхнувшая Цеся буквально вросла в землю, не осмеливаясь даже моргнуть. Гайдук тоже не двигался и ничего не говорил; так они и стояли

друг против друга, лицом к лицу, оба чудовищно смущенные. Коварная судьба по своему обыкновению, столкнула их таким способом чтобы встреча вышла как можно более дурацкой и неловкой. А поскольку оба отличались застенчивостью и были замучены угрызениями совести, легче задачи судьба не могла перед собой поставить.

Цеся изо всех сил старалась не покраснеть. Она чувствовала, что румянец уже разлился под кожей, уже проступает на щеках, вот-вот она вспыхнет, и тогда Гайдук подумает... А все равно что бы ни подумал, наверняка это будет ужасно... В «Филипинке» когда-то писали: чтобы не покраснеть, нужно крепко прикусить губу или палец. Цеся впиалась ногтями в ладонь, а мысли ее лихорадочно мчались беспорядочным хороводом. О, в самом деле, предательское тепло постепенно отступило от щек и шеи. Цеся почувствовала такое громадное облегчение, что более ничего не в состоянии была предпринять и продолжала стоять неподвижно, вперив в Гайдука остановившийся взгляд загипнотизированного кролика.

16

С того момента, как Ежи Гайдук решил навсегда выбросить из головы Целестину, которая на классном собрании проявила трусость и оппортунизм, прошел месяц. За этот период — весьма недолгий, говоря объективно, — Ежи неоднократно менял свое отношение к Цесе: на смену увлечению пришло разочарование, затем прощение и, наконец, новый расцвет теплых чувств. Оба продолжали

дуться. Оскорбленная Цеся, не простившая Гайдуку его грубости, и терзаемый ревностью Гайдук, успевший выследить, что бородач бывает в доме Жаков каждый день, избегали встреч, старались друг на друга не смотреть и не разговаривали.

Ежи заставил себя отказаться от вошедшего в привычку ежедневного ритуала: он больше не ходил по улице Словацкого и не поджидал Цесю возле киоска. Он вообще установил для себя железный распорядок. За исключением того времени, когда они с приятелями ходили на хоккей или в кино, Ежи занимал свой ум высокими материями, главным образом физикой, которую изучал исключительно ради удовольствия, а также постигал тайны конструкции телевизоров, которые чинил для заработка. Если ему случалось подумать о Целестине больше двух раз в сутки, он сурово себя корил и осуждал как жалкую размазню.

В соответствии с этой линией поведения Гайдук и сегодня отнюдь не собирался идти в школу по улице Словацкого. Однако, поскольку он глубоко задумался («Лекции Фейнмана по физике»), то сам не заметил, как ноги понесли его излюбленным старым маршрутом. Увидев Целестину, он так ужасно смутился, что у него даже голова закружилась. Потом его обуяла злость, которая быстро уступила место ощущению безоблачного счастья. Цеся! Стоит здесь, перед ним, такая милая, близкая, дорогая, и ее лицо, знакомое до мелочей, то розовеет, то бледнеет. Достаточно протянуть руку, чтобы коснуться пушистых волос, конопушек на щеке, золотистых широких бровей. Зеленые Цесины глаза мерцали, словно подернутые сле-

зами, — при виде этого Ежи почувствовал острый прилив нежности.

— Извини, — вырвалось у него из глубины души. — Извини.

Цесино сердце вдруг подскочило и затрепетало.

— Я... — с трудом выговорила она. — Это я... За что? — И в эту минуту вдруг вспомнила, что обещала себе никогда в жизни не разговаривать с Гайдуком, поскольку он ее оскорбил.

Гайдук смотрел на кончики своих башмаков, и поэтому Цеся могла беспрепятственно его разглядывать: темноволосая коротко остриженная голова, чуть впалые щеки, большой не-

красивый нос, твердая линия упрямой челюсти. Ежи поднял голову, и застигнутая врасплох Цеся вздрогнула. Их глаза встретились на краткую, неописуемо мучительную долю секунды. И тотчас Ежи снова уткнулся взглядом в землю, а Цеся почувствовала, что ей становится нестерпимо жарко, что у нее краснеет лицо, шея, грудь и, кажется, даже локти.

Ежи наконец набрался храбрости.

— Тогда... — сказал он. — В общем... тогда... я вел себя по-хамски. Извини.

Цеся воскресила в памяти свои ужасные переживания у Гайдука дома и без малейшего усилия сумела ответить весьма сдержанно:

— Ах, в самом деле, не за что. Ты придаешь этому слишком большое значение.

— Чему? — спросил он, внезапно мрачняя.

— Ну... всей этой истории. Меня она ничуть не задела...

— Ты тогда плакала, — сказал Ежи и посмотрел Цесе прямо в глаза — как в занавешенное окно глянул.

— Я?! — крикнула Целестина, заливаясь краской. — Ничего подобного!

Но Гайдука нелегко было провести. Он улыбнулся и даже осмелился поправить Цесе шарфик. Это было уж слишком! Задетая за живое — ох, уж эта мужская самоуверенность! — Целестина отстранилась, смирив Гайдука надменным взглядом, который столько раз (на всякий случай...) кидала в зеркало, и произнесла холодно:

— Пока, я пошла в школу.

Она рванулась с места так стремительно, что в мгновение ока оказалась метрах в десяти от Гайдука, так что уже

глупо было ее догонять, тем более что Ежи почувствовал себя оскорбленным. Поэтому он, как всегда, пошел за нею следом, с той лишь разницей, что на этот раз Целестина прекрасно знала, кто маячит у нее за спиной, и испытывала подлинные мучения при мысли, что Гайдук, наверно, смотрит на ее толстые икры и помирает со смеху.

17

Было уже девять часов. Движение на улице Словацкого заметно оживилось. К зданию Воеводского совета один за другим подкатывали сверкающие автомобили. Из окон детского сада неслась хоровая песня о лягушатах, в близлежащем трамвайном депо звенел молот о железо. К Воеводскому совету тянулись посетители: кто подъезжал на такси, кто на своих двоих. В газетный киоск привезли «Знамя молодых» и две картонные коробки мыла.

Дедушка стоял у открытого окна и курил трубку. Он смотрел на свет божий и одним ухом прислушивался к бормотанию Бобика, в то время как другое его ухо улавливало отголоски уличного шума.

Квартира была пуста, как обычно в эту пору дня. Веся работала в первую смену, мама Жак ушла во Дворец культуры, Жачек — на службу, а учащаяся молодежь — на занятия. Даже маленькую Иренку вывезли на прогулку в коляске, загруженной запасными пеленками и бутылочками с молочной смесью. После прогулки, как и ежедневно, Иренке предстояло несколько часов проспать в мастерской прикладной графики на втором этаже Академии художеств, где Кристинины однокурсники окружали

малышку трогательным вниманием, тщательно скрывая факт ее присутствия от доцента и прочих преподавателей.

Дедушка и Бобик были дома одни, если не считать запершейся в башне Дануты, которая, включив проигрыватель, упорно гоняла пластинку с шедеврами ансамбля «АББА». Бобик в сентябре не был принят в детский сад — из-за отсутствия мест, а также недостатка практической сметки у своей родительницы — и посему, когда Веся работала в первую смену, до обеда находился на попечении дедушки. Оба очень любили эти спокойные часы, заполненные разговорами и чтением, когда не нужно было огрызаться, выслушивать несущиеся одновременно со всех сторон окрики и подчиняться противоречивым указаниям. В обществе дедушки Бобик превращался в кроткого мыслителя, как губка впитывающего все премудрости, которые тот ему открывал.

Сегодня, однако, эта идиллия была нарушена низвергающимися с башни ритмическими аккордами. Дедушка испытывал некоторое раздражение. Бобик нет. Он сидел на ковре в столовой, скрестив ножки в красных колготках, и читал двухнедельник под названием «Мишка». К изумлению родных, Бобик научился читать неведомо как и когда. Просто однажды сел и прочитал по складам заголовков из газеты: «Строители осознают общественное значение своей профессии». С этого момента он с каждым днем читал все лучше и лучше.

— Дедушка, — спросил Бобик, отрывая взгляд от цветной иллюстрации, — здесь есть стихотворение про четырех мишек, а почему на картинке их только два?

Дедушка выпустил облачко дыма из трубки.

— Наверно, из соображений экономии, — ответил он.

— Я уже не в первый раз замечаю, — изрек Бобик тоном многоопытного старца. — Где же все эти зверюшки? Написано, что есть, а их и не видно.

— Подрастешь — узнаешь. А может, и никогда не узнаешь, того-этого. Я, например, могу только догадываться, куда все это девается, — хмыкнул дедушка.

— Куда? — поинтересовался Бобик.

— Скажу, когда тебе исполнится пятнадцать лет, — пообещал дедушка.

Удовлетворенный Бобик кивнул и погрузился в чтение. Группе «АББА» внезапно заткнули рты. В квартиру Жаков возвращалось настроение лирической задумчивости.

— О, или вот этот, — сказал Бобик, переворачивая страницу. — Притворяется, будто он — Зорро, а на самом деле — Растяпа.

— Да, да. — Дедушка закрыл окно и повернулся к внуку. — Я многих таких знаю. Большинство Зорро, по сути дела, — Растяпы.

Бобик печально вздохнул:

— Я заметил, что на свете много вранья. Дедушка, почему люди врут?

— А почему ты, малыш, врешь, хотя, надо признаться, не часто?

— Я вру, потому что вы мне ничего не разрешаете.

— И другие врут по той же причине. Ну, и еще от страха. Из желания получше устроиться. Иногда ради забавы. И по многим другим причинам, о которых я тебе расскажу, когда подрастешь. Знаешь, мне бы хотелось, чтобы ты никогда не врал.

— Ладно, не буду, — серьезно пообещал Бобик.

— Если будешь всегда говорить правду, в худшем случае получишь тумака или останешься без сладкого, а ложь — она липкая, от нее никак не избавишься, пачкает все вокруг, а заодно и твою совесть.

— У, дрянь! — сказал Бобик и перекувырнулся на ковре через голову.

— Ты уже перестал читать?

— Надоели мне эти мышки. Что будем делать, дед?

— Немножко приберемся.

— Э, нет, это скучно. Цеська приберется. Лучше расскажи, как ты строил электростанцию.

На башне раздался грохот, словно кто-то опрокинул табуретку. Минуту спустя наверху хлопнула дверь.

Дедушка вскочил и выбежал в коридор. Подвертывался случай застукать Данку — такую возможность нельзя было упускать.

Дедушка встал за дверью, ведущей на чердак, и затаил дыхание. Он был готов к худшему, в том числе и к погоне.

Однако волнения его оказались напрасны: Данка вышла в коридор одетая, с портфелем в руке и, увидев притаившуюся за дверью фигуру, объявила:

— Я вас простила. Возвращаюсь в школу.

18

День выдался серый и унылый. У Дмухавеца, как всегда в начале весны, болело сердце. В классе было душно и темновато, поэтому учитель велел дежурной открыть окно и зажечь свет. Ребята сидели вялые, сонные. Гайдук что-то

читал под партой, блондиночка в последнем ряду клевала носом, подперев непослушную голову руками. Одна только Жак проявляла признаки тревоги и волнения.

Она беспокойно вертелась на парте, поминутно поглядывая на дверь. Дмухавец вздохнул.

— Все на месте? — задал он традиционный вопрос.

Ответом была тишина.

— Н-нет Дануси... — выговорила наконец Жак, вставая и сплетая пальцы. — Она... немного опоздает.

— Почему ты так уверена? — спросил Дмухавец довольно сухо. Его раздражал пасмурный день, раздражал осовелый класс, раздражала Целестина Жак со своей физиономией паиньки и наивными уловками. — Нет так нет. Ставлю ей пропуск. — И, посмотрев на приунывшую Целестину, буркнул сердито: — Она что, заболела? Пошла к врачу? Ну говори же, я вижу, ты что-то знаешь.

— Ничего я не знаю, — простонала Цеся.

Перед ее внутренним взором появился образ подруги, в ленивой позе разлегшейся на матрасе, наслаждающейся музыкой и черносливом, который она в большом количестве стащила из кухни.

— «Влияние формативов на эмоциональную окраску слов», — произнес Дмухавец голосом больного барсука, — такова увлекательная тема сегодняшнего урока. — И вздохнул, подумав, сколько от него потребуется мужества и самоотверженности, чтобы вбить в эти сонные головы сведения о формативах. Тем временем боль в сердце усиливалась. — Ну, и каковы же успехи нашей сборной, уважаемый Гайдук? — ядовито спросил учитель, глядя, как его ученик пытается незаметно перевернуть страницу

журнала «Физкультурник». — Позволь узнать, кто тебе дал право вести себя так вызывающе?

Покраснев как рак, Гайдук сунул журнал в портфель и устремил испепеляющий взгляд в потолок.

— Значит, насчет Филипяк ничего не известно? — продолжал Дмухавец, морщась от сдерживаемого раздражения.

Целестина беспомощно округлила глаза, и вдруг из-за своей парты стремительно поднялся сосед Гайдука Павелек.

— Наверно, с ней что-то случилось, — с тревогой сказал он. — Ее родители уехали, я вчера звонил целый день и даже ночью — никто не подходит.

— Может, она отравилась окисью углерода? — взволнованно высказал предположение толстячок на первой парте, явно стремившийся оттянуть начало лекции о форматах. — Наша дворничиха, бедняга, как раз на днях растапливала котел центрального отопления и заснула.

Класс заметно оживился — вряд ли Дмухавец добился бы подобной реакции, рассказывая о глаголах.

— Ну и что, что дальше? — раздались голоса.

— Ее уже нет среди нас, — скорбно сказал толстячок. — Она спит, а угар улетучивается, вот так-то. Несчастная даже не заметила, как покинула этот мир.

Дверь класса распахнулась так резко, словно ее пнули ногой, взоры устремились на возникшую в дверном проеме Данку Филипяк, выспавшуюся и бодрую.

Тряхнув блестящей челкой, Данка прошествовала на свое место и встала рядом с Целестиной.

— Слушаю тебя, дитя мое, — пробормотал Дмухавец, несколько ошарашенный этим великолепным выходом на сцену. — Проспала?

— Нет, — ответила Данка и надолго умолкла.

— Почему же ты опоздала? — продолжал допытываться учитель, думая при этом, что многое бы дал, чтобы сейчас оказаться на пляже в Свиноуйсьце. И чтобы были каникулы, разгар лета и душу переполняло сладостное сознание того, что своих драгоценных учеников он увидит только через два месяца.

Филипьяк по-прежнему стояла неподвижно, как бледное мраморное изваяние, глуповато разинув рот.

— Звали ее Цецилия, Цецилия Несподзяна, — элегическим тоном произнес толстячок на первой парте.

Дмухавец почувствовал, что еще минута, и его неукротимая ярость выплеснется наружу. Естественно, ему хотелось бы этого избежать.

— Ну ладно, — загремел он. — Вы сами лезете на рожон. Я начинаю опрос, причем суровый. Бьюсь об заклад, что полетит не одна голова!

19

— Опять пара, — сказала Данка, уплетая за обе щеки Цесин завтрак. — Он просто мне мстит. Господи, что за вредный человек!

Целестина молча всплеснула руками. Неужели Данка всерьез считает, что заслуживает иной отметки?

— Хочешь кусочек? — великодушно предложила подруга Цесе ее собственный бутерброд. — Не хочешь? Ну, хоть тут повезло, я на этой башне чертовски проголодалась.

В гудевший на разные голоса коридор вышел Ежи

Гайдук. Разумеется, он посмотрел на Цесю в ту самую минуту, когда она украдкой, покосилась на него. Разумеется, она, вместо того чтобы, например, послать ему ничего не значащую вежливую улыбку, стремительно отвела глаза и залилась румянцем. Гайдук же, вместо того чтобы отвернуться, устоял на нее с безотчетной нежностью.

— А Гайдук-то у нас очень ничего, — сделала открытие Данка. — Почему мне всегда казалось, что он страшился? Не знаешь, Цеська, он в кого-нибудь влюблен?

— Понятия не имею, — ответила Цеська таким противным голосом, что даже сама удивилась.

— Павелек, конечно, покрасивее, но какой-то он... никакой. А в Гайдука можно влюбиться по уши.

— Неужели? — спросила Цеська весьма сдержанно.

Гайдук шел по коридору вроде бы в их сторону, это она увидела из-под опущенных ресниц.

— Пошли в туалет, я попью водички, — сказала она и, потянув подружку за руку, поспешила вместе с ней убраться из опасной зоны.

20

Цеська ужасно боялась, что Гайдук будет ждать ее после уроков, и поэтому, когда в раздевалке Данка, пошептавшись с Павлом, сообщила, что сегодня идет домой с ним, чуть не убежала обратно в класс. К счастью, Гайдук оделся и вышел, ни на кого не глядя. Быть может, решил подождать ее на улице, а возможно, он и не собирался с ней заговаривать и все это ей только померещилось? Он даже не посмотрел на нее, когда уходил. «Отлично», — подумала Цеська и покля-

лась в душе, что помирится с бородачом — немедленно, сегодня же, как только он придет к Юльке. Помирится, и они снова пойдут в кино, как в тот раз, когда Гайдук стоял в вестибюле и видел, как колбасится вокруг нее бородач.

— Целестина! — сказал кто-то за ее спиной.

Цеся вздрогнула. Пальцы у нее внезапно одеревенели — настолько, что она даже пуговицы не могла застегнуть. Но это был всего лишь Дмухавец в буром пальто и смешной шапочке.

— Пошли вместе, — предложил он. — Я бы хотел с тобой поговорить.

— Ага. Хорошо, — сказала Цеся машинально, и ее пальцы обрели былую ловкость. Она застегнула пальто, натянула на уши вязаную шапку и подхватила портфель. — Я готова, пан учитель.

Перед школой Гайдука, естественно, не было. Данка с Павлом, обнявшись и увлеченно беседуя, удалялись в сторону центра.

— Послушай, дитя мое, — начал Дмухавец, — мне бы хотелось поговорить о твоей подруге.

— О Данке?

— О Данке. Что ты о ней думаешь?

Цеся в душе пожалела Дмухавца за его наивность. Нет, все-таки все учителя одинаковы. Неужели этот воображает, что она станет ему плакаться и жаловаться на подругу?

— Данка замечательный человек, — ответила она. — Мы еще все ахнем. Она пишет стихи.

— Ого! — удивился Дмухавец. — Глядите только. И это ее основное достоинство?

— Она очень умная, — продолжала Целестина. — Собственно, отсюда все ее неприятности.

— Оттого, что она такая умная? — уточнил Дмухавец.

— Именно. В школе она просто мучается.

Дмухавец усмехнулся себе под нос, и некоторое время оба шли молча. Учитель размышлял о том, какого свойства наивность Целестины Жак: врожденная это черта или, быть может, его ученица в совершенстве овладела популярным методом пускания пыли в глаза? Честно говоря, у него бы нашлись занятия поинтереснее, чем подобного рода беседы с барышнями, у которых еще молоко на губах не обсохло. Однако совесть недвусмысленно подсказывала ему, что как педагог он сегодня был не на высоте.

И Дмухавец решил в меру своих возможностей воплотиться в образ идеального педагога, каким тот ему представлялся.

— Я считаю, что твоя Данка — особенно отвратительная разновидность лентяя, — заявил он. — Но нам с тобой была бы грош цена, если бы мы не попытались ей помочь.

— Пока, вместо того чтобы помогать, — выкрикнула Цеся, — вы на нее наговариваете!

— Я хочу ей помочь, слово образцового педагога, — поклялся Дмухавец, с симпатией глядя на разгневанную, красную как бурак рожицу своей собеседницы. — Только не знаю, как. И хотел бы попросить у тебя совета.

Цеся ожесточенно молчала, недоверчиво поглядывая на Дмухавца. Сказать в такой ситуации, что она сама не знает, с какого боку подступиться к Данке, было бы равносильно предательству. А проблема предательства в последнее время стала для Целестины особенно острой и болезненной.

— Я разговаривал с Данкой на перемене, — продолжал учитель, — мне мало что удалось из нее выудить: она заходя решила, что я ее злейший враг. Заявила только, что не виновата, если уродилась слабовольной. А потом замолчала, и конец.

— Да, — печально согласилась Цеся, — она постоянно это твердит. Невозможно вбить ей в голову, что все зависит от нее самой.

— Что все зависит от нее самой... — повторил Дмухавец. — Не знаю, быть может, ты не совсем права... А как у нее дома?

— Никогда там не была.

— Почему?

— Мы недавно подружились... Она ни разу к себе не приглашала. Мы всегда занимаемся у меня.

— Завтра же к ним зайду, — решительно сказал Дмухавец. — Поговорю с ее родителями, погляжу, какая там обстановка.

Они перешли дорогу возле зоопарка.

— Теплее стало, а? — пробормотал Дмухавец и выпустил замотанный вокруг шеи шарф.

Голые ветки на деревьях сплетались в кружевные узоры. Гайдука, конечно, нигде не было видно. «Ясное дело, — подумала Целестина. — Зачем слоняться по улицам, когда можно пойти пообедать? Кстати, интересно, где он обедает? И вообще, кто заботится о том, чтобы он был накормлен?»

— У меня к тебе большая просьба, — сказал Дмухавец, ловко обходя островок размякшей на солнце грязи, чтобы тут же вляпаться в соседнюю лужу. — Мне бы хотелось, чтобы ты была верной подругой. Не обижалась из-за ерунды, как это умеют девчонки, и не порывала дружбы без серьезной причины. Постарайся быть терпеливой и настойчивой, в особенности если ты считаешь, что Данка действительно хороший человек. Или скорее, скажем, материал, из которого может получиться хороший человек. Пойми, что ты если еще не стала, то должна стать опорой для своей подруги и образцом для подражания.

— Я? Да что вы! — изумленно воскликнула Целестина.

— Повторяю: ты должна стать для нее образцом. Я знаю, что говорю. Помни, Целестина, я на тебя рассчитываю.

21

Возле Цесиного дома Дмухавец остановился и галантно распрощался со своей ученицей. С нескрываемой симпатией пожав ей руку, он посмотрел налево и перешел улицу,

что-то бормоча себе под нос. Разговором он остался удовлетворен.

Цеся не могла сказать того же про себя. В сущности, она скорее даже почувствовала раздражение. Самым неприятным было то, что на нее взвалили дополнительную нагрузку, причем даже не спросив согласия. Кроме того, у нее возникло тягостное предчувствие, что ей не справиться с новой задачей и никакими силами не убедить Данку, чтобы та в целях самоусовершенствования с жаром отдавалась учебе.

Цеся стояла в подъезде перед почтовым ящиком, бессмысленно разглядывая запечатленный на нем номер их квартиры. До конца учебного года осталось меньше трех месяцев. Каким чудом можно за такой короткий срок уговорить упрямую Дануту в корне изменить жизненную позицию и исправить все ошибки? Не говоря уж о том, что никак не хватит времени заполнить зияющие пробелы в ее образовании. Данка страшно отстала по всем предметам, о чем Целестине было известно лучше кого-либо другого.

«Необходимо принять какие-то радикальные меры», — подумала Цеся, поравнявшись с вырезанной из дерева львиной мордой, венчающей перила. Теперь только она сообразила, что распрощалась с Дмухавцом, не высказав ему всех своих сомнений. А стоило бы! Может ведь так случиться — и даже обязательно случится! — что она не сумеет переубедить Данку и потерпит полное фиаско в своих жалких попытках выполнить поставленную Дмухавцом задачу.

«Как я могла на все согласиться, даже не попытавшись подстраховаться? — сердито подумала Цеся, готовая на

всякий случай сразу же начать себя грызть за то, что не оправдала доверия. — Надо было сказать, что Данка не намерена заниматься, что она ленива и упряма и поручиться я за нее не могу». Ну да, но это бы означало, что Целестина попросту на нее донесла. И вообще, предохранять себя от возможных неприятностей Цесе было просто противно — это никоим образом не совмещалось с ее представлениями о порядочности.

По лестнице Цеся начала подниматься с ощущением тяжести на душе и зуда в правом глазу. От солнца у нее, как всегда, потекли слезы, а от слез — тушь с ресниц, и зашило в глазу. Цесю обуяла злоба, однако секунду спустя от нее не осталось и следа. Злобу неожиданно вытеснила радость, смешанная со страхом: на площадке между этажами сидел на подоконнике Ежи Гайдук. Прикусив нижнюю губу, он смотрел на Целестину непроницаемым взором.

Цеся остановилась как вкопанная, оцепенев от волнения. И, разумеется, потеряв дар речи. Яркий румянец разлился по шее и по щекам, а в голове стучала одна-единственная мысль: «У меня потекли ресницы, у меня потекли ресницы, у меня потекли ресницы».

Ежи Гайдук не только не заметил, что у нее потекли ресницы, но именно в эту минуту пришел к убеждению, что Цеся — самое прекрасное существо на всем земном шаре. Зардевшаяся, испуганная, белозубая, с мерцающими зелеными глазами и выбившимися из-под шапки светлыми волосами, она была просто фантастически хороша. Решись он в эту минуту поступить соответственно тому, что чувствовал, ему бы следовало подойти к Цесе, обнять и крепко поцеловать.

— Привет, — сказал он вместо этого. — Где так долго пропадала?

Цеся, которая до этой секунды чувствовала себя находящейся на вертком воздушном шаре, с неслыханным облегчением ощутила под ногами более или менее прочную почву.

— Дмухавец ко мне прицепился, — объяснила она, — Из-за Данки. — Это уже смахивало на нормальный товарищеский разговор, и обоим сразу стало легче.

— Может, сядешь? — предложил Ежи не слишком вежливо.

Однако Цеся решила не обращать внимания на такие мелочи, по крайней мере до тех пор, пока не выяснится, с какой целью он сюда явился, и села рядом с ним на подоконник. Ежи кашлянул и отодвинулся в глубину оконного проема.

Цеся разгладила юбку на коленях, и они даже посмотрели друг на друга, но говорить вдруг оказалось не о чем. И оба в панике опять поспешно отвели глаза.

По лестнице грузно поднималась пани Новаковская. Проходя по площадке, она с любопытством оглядела парочку на подоконнике. Это не могло способствовать разрядке напряженной атмосферы. Цеся невзначай отодвинулась от Гайдука насколько было возможно и вжалась в противоположный угол оконной ниши. «Мы как две пуганые вороны», — подсказало ей шестое чувство.

«Почему она смеется?» — тотчас встревоженно подумал Ежи.

Потом оба одновременно, как марионетки на одной ниточке, повернулись друг к другу и раскрыли рты.

— А ты... — сказали они в один голос и смущенно умолкли.

Их пальцы, лежащие на подоконнике, соприкоснулись, но ни он, ни она не отдернули руки.

— Что ты хотела сказать?

— Н-ничего...

— А я хотел спросить: ты еще сердишься?

— Хм... ну... я тоже... это...

— Ну, так как? Сердишься?

— Н-нет, — сказала Цеся. — А ты?

Неизвестно, каким образом его пальцы вдруг оказались поверх Цесиных.

— За что мне на тебя сердиться...

— Ох! Н-не знаю... — сказала Цеся замирающим голосом. От пальцев Ежи исходило какое-то таинственное тепло.

— В чем дело? Мне все время нужно тебя видеть... не знаю, почему, — шепнул Ежи и нахмурил брови, чтобы скрыть волнение.

В тишине — такой глубокой, что слышно было жужжание раньше срока проснувшейся мухи на оконном стекле, — раздался какой-то глухой, мерный стук. Цеся попыталась понять, откуда он идет, и наконец сообразила, что это бьется ее собственное сердце.

— Мне тоже... — прошептала она, не слыша своего голоса.

Но Гайдук услышал. Цеся никогда бы не поверила, что на его лице можно увидеть такую радость.

— Он прав, — сказал Гайдук, глядя ей прямо в глаза. — Мир в самом деле прекрасен и гармоничен.

— Кто прав?

— Фейнман.

— Это тот, который... по квантам и кваркам?

— О господи! — воскликнул Ежи и вскочил, выпустив Цесину руку. — Неужели ты знаешь, кто такой Фейнман?

— Ну конечно, — ответила Цеся, в душе благословляя отца за его монологи и одновременно сгорая от стыда за свое невежество. — Ричард Фейнман, лауреат Нобелевской премии, награжден за разработку основ квантовой электродинамики. — К сожалению, это было все, что она знала.

На Ежи ее слова произвели неопишемое впечатление.

— Ты правда необыкновенная. Я это знал с первой минуты.

Цеся поняла, что, если хочет сохранить хотя бы чуточку уважения к собственной персоне, должна сегодня же взяться за изучение основ квантовой электродинамики.

— Ты куда пойдешь после школы? — спросил Ежи.

— В медицинский.

— А я на физический. Или на астрономию. Точно еще не решил. Понимаешь, мне все интересно.

— Угу.

— А еще... — сказал Ежи, — я хочу тебя поблагодарить.

— За что?

— Ты знаешь, за что, — шепнул он. — За все, просто за все.

Снова воцарилось то особенное молчание, которое Цеся уже научилась распознавать. Но теперь оно не казалось мучительно неприятным. Напротив, приносило робкую радость.

— За то, что ты есть, — прошептал Ежи, глядя на Целестину счастливыми глазами.

— Я...

— Ты еще сердишься? За то, помнишь?

— Нет. Уже давно нет.

— Ты больше никогда не сердись, — попросил Ежи. И вдруг залился темной краской, будто в нем погас какой-то источник света. — А как поживает тот тип?

— Кто?! — стремительно выпрямилась Цеся.

— Тот, с которым... с которым... — мучился Ежи.

— Я никогда... я его никогда... — пробормотала Цеся. — Я с ним уже давно не встречаюсь, — закончила она.

Но внезапно все вокруг как-то сразу поблекло. Ежи сидел, опустив голову, и казался очень далеким. Он ни слова не говорил, только насвистывал что-то сквозь зубы. В Цесе нарастало ощущение вины. Между ними как будто выросла толстая стеклянная перегородка. От прежнего настроения не осталось и следа.

И вдруг Цеся взбунтовалась. С какой стати она сидит, точно виноватая? Нет уж, извините. Тоже мне выискался: ходячая добродетель. И, соскочив с подоконника, она заявила:

— Мне пора домой, уже поздно. — Не-ет, она перед ним оправдываться не станет. Еще чего! И с бородачом сама разберется. Это ее жизнь, ее ошибки, ее собственные заботы. Ему-то какое дело? Ну и рожу скорчил! Сразу видно, о чем думает. Это невыносимо, это оскорбительно... — Тебя это вообще не должно интересовать! — крикнула она сдавленным голосом.

Ежи понял ее как-то по-своему. Кровь отхлынула у него от лица, даже губы побелели.

— Ах, так? — спросил он, вскакивая.

— Именно так! По какому праву?! Чересчур много о себе воображаешь, хочешь, чтобы все было по-твоему... а я могу поступать, как мне нравится, понятно?

— Очень хорошо. Можешь продолжать с ним встречаться.

— Конечно, могу! — крикнула Цеся, чувствуя ужасную боль в груди. — Тебе-то что?

Гайдук кинул на нее быстрый взгляд.

— До свидания, — сказал он. — Прощай. — И сбежал по ступенькам, ни разу не оглянувшись.

Глава 5

1

С первых же дней апреля наступила весна. Непокойное небо, ярче блеск солнца, теплее ветер. Старый вяз под окнами дома по улице Словацкого подставил солнышку свои новые почки. На балкон стали залетать весенние птицы, а однажды, к неописуемой радости Бобика и дедушки, даже завернула большая стая скворцов.

На балконе, кстати, было чудесно: растущий прямо под ним вяз так вытянулся, что верхними своими ветками доставал до перильцев ограды. В ящике для цветов, приделанном к боковой стенке балкона, два года назад вырос крохотный вяз-самосейка, и теперь семейство Жак с восхищением обнаружило, что отважный малыш выпустил первые ростки намного раньше своего великана-родителя. Жившие в водосточной трубе голуби начинали ворковать, к сожалению, уже в шесть утра и будили маленькую Иренку, о которой можно было бы много чего порассказать, кроме того, что она соня.

За неделю до пасхи, в последний день перед началом школьных каникул, Жачек вернулся из довольно длительной служебной командировки. Время было обеденное, и крепко проголодавшийся отец рассчитывал застать дома привычные шум и суету, предшествующие всякой трапезе. К своему изумлению, он нашел квартиру тихой и необычно чистой. Это странное впечатление еще усугублялось ярким светом, льющим из вымытых окон и профильтрованным сквозь белые, пахнущие свежестью занавески. Полы сверкали, как зеркало, в вазах стояли цветы. Все это, вместе взятое, в совокупности с тем фактом, что Целестина, вполовину похудевшая, сновала по квартире, не замечая собственного отца, складывалось в картину весьма и весьма тревожную.

— Телятинка, у тебя неприятности, — уверенно сказал отец.

— Откуда? — тупо ответила Цеся, даже не поглядев в его сторону.

— Я ведь вижу. Что случилось?

— Ничего. Честное слово. Сейчас помру от смеха, — сказала Целестина и, чтобы быть последовательной, залилась слезами.

Отец услышал грохот кастрюль и поспешил на кухню, откуда доносились эти милые сердцу звуки. В кухне, пропитанной вкусными запахами, Юлия, распевая, мыла посуду, что тоже внушало тревогу.

— Здравствуй, дочь, — сказал Жачек. — Скажи, Цеся, случайно, не влюблена?

— Понятия не имею, — спокойно ответила Юлия. — Что касается меня, то я влюблена. В Толека.

— Конец света! — простонал отец.

— Я ему сказала, что люблю его и что он должен на мне жениться.

— Ты ему сказала, что он должен... — обалдело повторил Жачек.

— ...на мне жениться. Разумеется, после того как освоится с этой мыслью.

— Конец света!

— Ты голодный, Жачек?

— Чертовски, — ответил отец.

— Мне очень жаль, но тебе придётся подождать.

— Это еще почему?

— С нами будет обедать Толечек. В порядке освоения.

— Конец света!

— Сегодня у нас рисовый суп по-королевски.

— Цеся варила или Кристина?

— Я, — заявила Юлия.

— Конец света!

— На второе «кок о вэн¹²».

— Кок — это курица?

— Курица, но «о вэн».

— Ага.

— К этому запеченный лук-порей или морковка Виши, на выбор! И гренки. На сладкое — негр в сорочке.

— Почему в сорочке? — недовольно поморщился Жак.

— Таков рецепт. Это сливочно-шоколадный крем.

— Конец света!

— Толеку очень нравится, как я готовлю, — сообщила Юлия с улыбкой черной пантеры. — Влюблен по уши, можешь мне поверить.

— Конец света!

— Еще вопросы есть?

— Естественно. Кто вылизал квартиру?

— Цеська.

— Вот-вот. Она всегда придумывает себе развлечения в этом роде, когда у нее на душе кошки скребут. Мне бы хотелось все-таки знать, в чем дело?

— А не знаю, — махнула рукой Юлия. — Я, как эгоцентрик, занята только своими проблемами. Да и в ее возрасте все это несерьезно.

— Она не по возрасту серьезна, — изрек отец. — Так что ничего не известно. А что говорит по этому поводу мама?

— Мама вкалывает. Получила ответственный заказ, и мы ее почти не видим.

¹² Курица в вине (*франц.*).

Вошла Цеся, бледная, с отчаянием в отсутствующем взоре.

— Я поступаю на физический, — сообщила она. — Или на астрономический. Папа, что такое эти проклятые кварки?

— Гипотетические элементарные частицы, — сказал изумленный отец. — Неужели именно это мучило тебя все последнее время?

— Нет, — ответила Целестина. — Все последнее время меня мучила мысль о совершенных ошибках. Я поняла, что за все нужно платить.

— Наблюдение не лишено оснований, — признал отец.

— Ничто не проходит бесследно. Что бы я ни сделала, все будет записано в историю моей жизни, так же как в историю болезни записывается каждая мелочь. Что случается, то случается, обратно ходу нет. Задним числом я уже это не могу изменить. Вроде бы и нет ничего, а на самом деле — есть. Кто-то об этом помнит, и я сама помню, и ничегошеньки нельзя сделать, чтобы это зачеркнуть.

Отец ухватился за последнее слово:

— Что зачеркнуть?

— Глупый поступок. И вообще все. Раньше это было возможно, потому что я имела дело главным образом со своим семейством. Но теперь все изменилось.

— Изменилось, говоришь? — встревожился Жачек.

— Изменился весь мир, — отчеканила Цеся и вышла, не догадываясь, что по ее милости отцу мгновенно расхотелось есть.

За обедом Цеся сидела как истукан, уткнувшись взглядом в пустую тарелку. Родственники, которые тем временем не без удовольствия управились даже с негром в сорочке, ничего не замечали, пока мама не спросила:

— Цеся, ты что ничего не ешь?

Цеся даже не услышала вопроса. Погруженная в себя, она не обращала ни малейшего внимания на окружающий мир.

— Что-то здесь не так, — шепнул отец сидевшему рядом дедушке.

— Не так, того-этого, — согласился дедушка. — Скажи ей, пусть к подружке, что ли, сходит. Женщинам, того-этого, непременно нужно выговориться.

— Цеся! — сказал Жачек, дергая дочку за рукав. — А почему бы тебе не пригласить свою анемичную подругу?

В Цесиных глазах мелькнула слабая тень возмущения.

— Анемичную?! — повторила она.

Это уже было каким-никаким проявлением жизни, и встревоженный отец решил и дальше идти тем же путем.

— Честное слово, мне не хватает этой худосочной дурнушки. Как там ее миндалины?

— Ты по-прежнему имеешь в виду Данку? — чуть ли не со злостью осведомилась Целестина.

— Да, да. Уродина она, конечно, но симпатичная, — радостно подтвердил Жачек.

— Ты глубоко ошибаешься, — сказала Целестина, постепенно снова погружаясь в пучину своей печали. —

Никакая она не симпатичная, но зато красивая. Я, например, склоняюсь к тому, что лучше быть красивой и не-симпатичной, чем симпатичной и уродливой.

— А я бы хотел быть красивым и симпатичным, — заявил Бобик, которого никто не спрашивал.

— Ха-ха! — засмеялся Толек, который по ему лишь известным причинам был в распрекрасном настроении.

— Толечек, хочешь еще негра? — проворковала Юлия.

— Что ж, положи, дорогая, — милостиво позволил юный паша.

— А я буду расписывать яйца! — закричал Бобик. — Как здорово!

Ни у кого не хватило духу отказать ребенку в этом удовольствии, хотя расписывать яйца было еще рановато. Мысль о том, что Бобик по меньшей мере час спокойно просидит на месте, прельстила взрослых.

— Так уж и быть, Бобик, сварю тебе десяток яичек, — согласилась мама Жак.

— Только чтоб были свежие, — строго сказал Бобик.

3

Было уже пять часов, а Данка не появлялась. Цесю это не удивило: с завтрашнего дня начинались каникулы, и она, в общем-то, и не надеялась, что сегодня Данке захочется заниматься. Поэтому Целестина сидела за столом в большой комнате и апатично смотрела в окно. Жизнь казалась ей беспросветно мрачной, и никакое шестое чувство тут помочь не могло. Ежи вообще перестал ее замечать, так что в один прекрасный день Цеся назло назначила свидан-

ние бородачу. Они пошли в кино и, как нарочно (впрочем, может, и в самом деле не случайно?..), Гайдук тоже оказался там. Цеся, не ощутившая в обществе бородача ожидаемой сладости возмездия, убедилась, что это свидание окончательно зачеркнуло всякую надежду на примирение с Гайдуком.

Последующие дни показали, что она не ошиблась. Гайдук пригласил в кино старосту Касю, и на завтра весь класс услышал из уст сей юной особы, что Ежик прелесть, просто прелесть. После кино он пригласил Касю в кафе-мороженое и очень увлекательно рассказывал о латиноамериканской литературе. Цеся решила поскорей забыть эту малоприятную новость. Но в душе у нее застряла заноза и даже как будто там укоренилась, выпустив новые колючие отростки.

В половине шестого наконец пришла Данка.

— Я только забежала по дороге, — сообщила она. — Надеюсь, сегодня ты меня оставишь в покое и не прикажешь садиться за зубрежку?

— После каникул тебя спросят по польскому, по химии и по математике, — напомнила Целестина.

— Но ведь у меня впереди целая неделя! — воскликнула Данка.

— Не неделя, а шесть дней, — уточнила Цеся. — Ты сама говорила, что должна за праздники один день посидеть дома и навестить родственников.

— Ну, должна, — со злостью сказала Данка. — А ты не должна?

— Разве тебя это заботит? — язвительно спросила Цеся, в последнее время начисто утратившая природную мяг-

кость. — До сих пор ты всегда считала, что мое время принадлежит тебе и если уж ты мне оказываешь милость, позволяя с собой заниматься, то я обязана откладывать все свои дела и занятия.

— Ошибаешься, дорогая, я вовсе не заставляю тебя со мной заниматься, — процедила Данка с изысканной вежливостью.

— Верно. Но кто-то другой заставляет, и ты об этом прекрасно знаешь.

— Тогда почему тебя это так волнует?! — с раздражением воскликнула Данка.

— Потому что я ему обещала тебя подтянуть!

Данка вскочила.

— А мне плевать! — крикнула она. — Заладили одно: подтянуть, подтянуть! Идиоткой меня считают. Ну и пусть. Мне все равно!

— И тебе не обидно потерять год?!

— Я его не потеряю, — заявила Данка. — Я его приобрету, радость моя. На год позже стану взрослой. Мне не к спеху.

Цеся почувствовала, что у нее нет больше сил. Что делать? Как помочь Данке? Как выполнить легкомысленно взятые на себя обязательства? Она настолько устала и так была расстроена, что голова отказывалась работать. По совести говоря, ей бы хотелось сейчас исчезнуть. Забиться куда-нибудь в угол, укрыться черным пледом и заснуть, заткнув пальцами уши. Просто-напросто исчезнуть и не видеть всего этого.

Данка посмотрела на часы и села за стол.

— Можешь угостить меня чаем, — сказала она. — В

шесть мы встречаемся с Павлом. Я еще успею выпить чашечку.

— А я не хочу угощать тебя чаем, — взбунтовалась Цеся.

— Не хочешь, не надо, — обиделась Данка. — Ах да, я видела твоего Гайдука с Касей. Они даже немножко меня проводили, до твоего подъезда.

— Да? — проговорила Цеся равнодушно, в то время как черное отчаяние разлилось в ее душе. — Гляди-ка... — И вдруг голос у нее дрогнул.

Вскочив, она выбежала из комнаты, чтобы скрыть от Данки постыдное проявление своей слабости. Укрыться было негде. Цеся чувствовала, как на глаза у нее навертываются слезы, и понимала, что, если немедленно куда-нибудь не спрячется, устроит недурной спектакль на потеху всем родственникам и посторонним, пребывающим под крышей этого дома. Ей хотелось кричать, биться головой об стенку, колотить посуду, наконец, выпрыгнуть в окно. Найти убежище было просто необходимо.

Пробегая по длинному коридору, Цеся торопливо прикинула в уме свои возможности и убедилась, что все до единого помещения в доме, не исключая ванной, заняты. Поэтому она бросилась к двери, ведущей на чердак, и, позволив себе громко расплакаться, помчалась вверх по ступенькам на башню.

Там она рыдала примерно минут десять, когда же вынуждена была взяться за полотенце, поскольку носовой платок промок насквозь, вдруг почувствовала, что ей становится весело. Потом Цеся посмотрелась в висящее на стене зеркальце и, увидав свою равномерно вспухшую,

покрытую ярко-красными пятнами физиономию, фыркнула. Съев пачку печенья в шоколаде, она уже собралась было поставить пластинку Скарлатти, когда на лестнице послышались легкие Данусины шаги.

Цеся непроизвольно подскочила к двери и повернула в замке ключ. Потом удобно расположилась на надувном матрасе, и на ее лице расцвела веселая улыбка.

— Однако это весьма недурная идея, — тихонько сказала она себе. — Хотя, конечно, и плагиат.

4

Целых два часа Бобик расписывал яйца. Оставшись наедине со своей музой, он сосредоточенно и педантично, с тихим благоговением размалевывал скорлупу Юлиной плакатной тушью. До самого полдника. На его мордашке было написано, что он чрезвычайно горд своими достижениями.

— Ну, как дела, Бобик? — спросила мама Жак, входя в комнату с подносом в руках. — Каковы плоды детского творчества? Все в порядке?

— Сама посмотри, — предложил Бобик.

— Сейчас, сейчас, — сказала мама Жак, расставляя чашки с чаем.

В комнату вошла Бобикина мама.

— Ну, как дела, Бобик? — задала она не слишком оригинальный вопрос. — Как твои писанки?

— Сама посмотри, — повторил Бобик, смутно догадываясь, что ни ту, ни другую его шедевры особенно не интересуют. Он даже слегка обиделся.

Тетя Веся подошла к сыну.

— О господи! — вдруг раздался ее вопль.

Мама Жак выронила сразу все ложечки.

— Что случилось? — крикнула она.

— Сама посмотри, — простонала Веся.

Мама Жак подошла ближе и окаменела. Писанки Бобика, выдержанные в красивых чистых тонах, с первого взгляда казались прелестными. Со второго взгляда они вызывали неясную тревогу. Но стоило к ним хорошенько приглядеться, они открывали свою зловещую суть.

— Что это? — воскликнула мама Жак, указывая на яйцо, испещренное страшными, скрюченными червяками.

— Это? — уточнил Бобик. — Это бактерии.

— А это? — поинтересовалась Веся.

— Это? Битва под Сомосьеррой¹³. Танковая атака.

— А это? — беззвучно спросила Веся, зная, к сожалению, каков будет ответ.

— Это? — сказал Бобик. — А, это. Это Гитлер.

Прочие экземпляры — а Бобик старательно изрисовал все десять яиц наглядно продемонстрировали тете Весе, что у ее ребенка крайне односторонние интересы. Отступлением от военной тематики можно было считать лишь два изображения — бактерий и витаминов, оба чрезвычайно мрачные, и портрет мыши всего один, но зато мышка на нем вышла как живая.

— Ну как? — допытывался Бобик. — Красиво? — С некоторой грустью он отметил, что плоды его напряженных творческих усилий не нашли признания в глазах матери и тетки. Причины этого он совершенно не понимал. — Может, чересчур грустные цвета? — спросил он.

— Нет, почему же, — ответила мама, не слишком, как ему показалось, искренне. — Цвета очень даже веселенькие.

— Да, да, — поддержала ее тетя Жак. — Что-что, а цвета — просто блеск.

Бобик только собрался заметить, что все остальное тоже блеск, когда хлопнула дверь, и в комнату ворвалась Данка.

— Цеся заперлась в башне и не хочет выходить! — крикнула она.

Если она думала, что эти слова произведут впечатление

¹³ Сомосьерра — перевал в горах Сьерра-де-Гвадаррама, где в 1808 году успешная атака польской легкой кавалерии, входившей в состав французской армии, открыла Наполеону путь на Мадрид.

на Целестинину мать, то глубоко ошибалась.

— Да? — рассеянно спросила пани Жак. — Ну-ну. Подумать только.

— Я считаю, — сказала тетя Веся, — что Бобик должен подарить эти писанки Новаковскому. Обязательно.

— Отличная идея, — обрадовалась мама Жак.

— Новаковскому? — обиделся Бобик. — Я же их делал для нас к пасхе!

— Цеся не хочет выходить! — упрямо твердила свое Данка.

— Ну и пусть, — небрежно бросила мама Жак.

— Бобик, не будь эгоистом. Новаковскому тоже нужно сделать приятное. Подари ему вон то, с Гитлером.

— С Гитлером самое лучшее! — с возмущением крикнул Бобик.

— Именно поэтому ты должен отдать его другу, — объяснила сыну Веся. — Ничто так не укрепляет нас в сознании собственного благородства, как собственное благородство. Ирена, ты не считаешь, что я сказала нечто очень умное?

— Она сказала, что не выйдет оттуда до самой смерти! — умоляюще вскричала Данка. — Спасите ее!

— Кого спасти? — удивилась мама Жак.

5

В это время Целестина находилась на кухне, где спокойно запасалась продовольствием на первый период затворничества. Она уложила в корзинку сковороду, десяток яиц, целую буханку хлеба, несколько луковиц, ба-

ночку топленого сала, соль, сахар и чай, кусок эдамского сыра, килограмм яблок и банку соленых огурцов. Потом отнесла все это в башню и снова спустилась, дабы основательно помыться в ванной. Еще она прихватила наверх будильник, чтобы беспрепятственно пользоваться ванной, вставать теперь придется в четыре утра, когда все в доме крепко спят.

Напевая себе под нос, Цеся взяла плед и подушку с родительского дивана и несколько новых книжек, которые до сих пор у нее не было времени прочитать. Проходя на цыпочках мимо большой комнаты, она услышала диалог мамы с Данкой и сочла, что пока все идет, как задумано.

Настроение у Цеси сделалось преотличное. «Правда, ничего лучше нельзя было придумать», — сказала она себе, поравнявшись с Кристининой комнатой, откуда доносились яростные вопли голодного младенца...

Поднявшись на башню, она тщательно заперла дверь изнутри. О господи, до чего здорово. Каникулы! Настоящие каникулы!

Конец вечному мытью кастрюль, хождению за покупками, кормлению Иренки и прогулкам с колясочкой. Конец ночному приготовлению отвара из трав. Пусть кто-нибудь другой печет куличи на пасху. А что касается Данки — еще видно будет, чья возьмет.

Поставив пластинку и грызя яблоко, Цеся удобно устроилась на матрасе. Укрылась пледом, подложила под голову подушку и раскрыла «Лекции Фейнмана по физике».

Спустя два дня Цеся все еще сидела в башне. Она не Данка, которая выдержала всего одну ночь. О нет. Цеся подошла к вопросу методически. Она признала правильным Данкин принцип уклоняться от каких бы то ни было разговоров. Гораздо более сильнодействующими, чем словесные перепалки, ей представлялись записки с короткими сообщениями и угрозами, заканчивающимися множеством восклицательных знаков. В этих записках Цеся каждый раз находила способ уведомить мир, что заперлась в башне из-за Данкиного лентяйства и не выйдет, покуда та твердо не пообещает, что после каникул не получит больше ни одной двойки.

— Я бы этого всерьез не принимал, — горячась, высказал свое мнение дедушка к исходу второго дня. — Посидит, того-этого, и выйдет.

— Вы все плохо знаете Цесю, — мрачно сказал отец. — Не питаю иллюзий. Моя кровь.

— Она всегда была настойчивая и упрямая, — заметила мама. — Естественно — вся в меня.

Данка сидела повесив нос. С тех пор как Целестина замкнулась в своей одинокой обители, Данка, мучимая угрызениями совести, почти не выходила из квартиры Жаков. В данный момент она комкала в руке записку от Целестины со свежими новостями.

— Она пишет, что ей стыдно идти в школу. Из-за меня. Он не может смотреть в глаза Дмухавцу и поэтому уже никогда не спустится с башни.

— Нет, но когда-нибудь она же должна выйти! — воскликнула Веся.

— Как бы это не оказалось слишком поздно, — прошептала Данка. — Так не мудрено и на второй год остаться.

— Но ведь в этой пустоте и одиночестве с ума можно сойти, — сказала тетя Веся взволнованно. В ее голосе чувствовались слезы.

Мама потребовала немедленно что-нибудь предпринять, пока ее ребенок не простудился там насмерть.

— Нельзя посягать на ее независимость, — сказал отец тоном великого стратега. — Мы только ее толкнем на более решительные поступки, вот и все. Поверьте мне, я свою дочь знаю. Моя кровь.

— Я могу предложить один способ... — медленно проговорила мама. При этом она устремила на Данку вдохновенный и внимательный взор льва, вынашивающего планы относительно газели.

Жачек понял жену без слов. В его глазах появилось точно такое же выражение.

— Ага... я присоединяюсь.

Супруги понимающе переглянулись.

— Что, что?! — перепугалась Данка.

— Дануся, — ласково сказала мама Жак, — я сейчас позвоню твоим родителям. Нам бы хотелось, чтобы ты несколько дней пожила у нас.

— Я бы мог подготовить тебя по химии, — сказал дедушка, инженер с предвоенным дипломом.

— А я — по истории и по польскому, — сказала мама.

— А я — по физике и математике, — предложил свои услуги Жачек, не спуская с Данки хищного взгляда.

— Я не хочу! — испуганно воскликнула Данка.

— Тебя, детка, никто не спрашивает, — объяснила ей тетя Веся. — Несколько дней напряженной работы, и ты подтянешь хвосты.

— А Цеся выйдет из башни. Бедная девочка, мерзнет там в одиночестве, — расчувствовалась мама Жак. — Ну, я пошла звонить Данкиным родителям. Заодно приглашу их к нам на куличи. Пусть увидят воочию, какая у них образованная дочь.

7

— Цеся! Цеся!

— Что? — сонно спросила Цеся, протирая глаза. Потом посмотрела на будильник. Было семь часов утра.

— Можешь проверить ее по физике, — сказал отец из-за двери. — Мы просидели целую ночь. Она уже все знает.

— Не буду я ее проверять, — решила Цеся. — Мне достаточно твоего мнения.

— Ну, я тебе скажу! Счет как бог! — похвастался Жак.

— Прекрасно. А что с математикой?

— Математикой будем заниматься сегодня.

— Как она это выдерживает?

— Я больше не могу! — где-то вдалеке плаксиво простонала Данка. — Цеся, голубушка, сжался, они меня до смерти замучают!

Цеся широко зевнула.

— Учись, учись! — сказала она. — Не то я выскочу в окошко!

Натянула все, какие были, одеяла на голову и с наслаждением погрузилась в состояние блаженного покоя.

8

В полдень Цеся без особого удовольствия принялась жарить очередную яичницу. Она уже смотреть не могла на это блюдо. Сплошные яйца четыре дня подряд! Поставив на плитку сковороду, Цеся положила на нее масло. В эту минуту в дверь постучали.

— Телятинка! Это я, мама!

— Ну что?

— Я ставлю тебе обед возле двери!

Обрадованная узница немедленно открыла дверь. Мама с подносом в руках, робея, вошла в башенку.

— Юля приготовила, — многозначительно сказала она. — Ты представить себе не можешь, как она обхаживает своего лопухого. Кормит его блюдами французской кухни: вбила себе в голову, будто у них дома другого не признают. Не понимаю, с чего она это взяла.

— Наверно, из-за Руссо, — подсказала Цеся, ловя ноздрями тонкий аромат чеснока и помидоров.

— А, да, наверно. Так или иначе, Толек уплетает все за милую душу. Погляди: сегодня «суп о цисту» — постный супчик с базиликом. Провансальский. Затем, представь себе, треска а-ля Пармантье. Запеченная в духовке. Я подумала, ты много потеряешь, если не попробуешь эти деликатесы.

— Спасибо большое. А как там Данка?

— Вкалывает, — захихикала мама. — Сегодня за нее

взялся дедушка. А завтра моя очередь — история и польский. В последний день устроим повторение всего материала. После каникул твоя подружка отправится в школу, как заново рожденная.

— Что ж, неплохо, — одобрила Цеся.

— Когда поешь, выставь поднос за дверь, я за ним приду, — сказала мама и вышла.

— Мама! — крикнула Цеся.

— Что? — остановилась мама.

— А кто, интересно, теперь моет посуду?

— Все по очереди. Мы установили дежурство, — сообщила мама. — Кто пропустит свою очередь, платит штраф пятьдесят злотых. Толково?

— А кто купает Иренку?

— Как — кто? Родители, — ответила мама. — И вообще должна тебе сказать, детка, что твой план гениален и полностью удался. Ты выиграла! — и, послав Цесе воздушный поцелуй, мама Жак скрылась за дверью.

9

Накануне пасхи Данку отпустили на один день домой. Цеся следила за ней из окна. Подруга шла медленно, еле волооча ноги. Перейдя дорогу, она остановилась возле киоска и посмотрела вверх. Увидев в окне башенки Цесю, высунула язык и многозначительно покрутила пальцем у виска с явным желанием обидеть. Цеся мило улыбнулась в ответ и помахала рукой. Она веселилась от души.

Данка пожала плечами и пошла дальше поступью дромадера, а Цесе вдруг захотелось вернуться в квартиру.

Вчерашние сводки относительно Данкиных успехов звучали довольно оптимистически. Квартира была убрана стараниями Войтека, а испеченные мамой пироги и куличи источали на весь дом вкуснейший запах дрожжей, ванили и апельсиновых корочек. Да, ситуация явно благоприятствовала возвращению в лоно цивилизации. Цеся снова подошла к окошку, собираясь его закрыть.

Минуточку. Кто же это стоит возле киоска?

О небо!

Гайдук.

Прислонился к боковой стенке газетного киоска и стоит, словно кого-то ждет.

Может быть, Касю, ха-ха!

Нет, ничего подобного.

Он смотрит на дом. Ах, лишь бы только ее не заметил.

Цеся отступила от окна. Сердце запрыгало, как ошалелый воробей. Возможно ли, что он ждет ее? Сейчас. А может, он уже ушел?

Медленно приблизившись к окошку, Цеся поглядела вниз.

Не ушел.

Смотрит на дом, смотрит на окно ее комнаты.

Впрочем, быть может, ей только так кажется. Но, во всяком случае...

Он ждет. Ждет!

Выйти к нему? Нет, ни за что!

Ежик, Ежик, Ежик.

Ну чего он ждет?

Сколько уже раз она его встречала возле этого киоска. Интересно, почему он облюбовал именно это место? Не-

ужели потому, что оттуда видны окна ее квартиры?

Ох, самонадеянная идиотка! И надо такое выдумать! Она же глупая, неинтересная, неоригинальная и уродливая. Разве такая кого заинтересует? Исключено... Стоит еще. Опять посмотрел наверх. Он явно ждет. Если не дождется, уйдет.

Была б она уверена, что он ждет ее...

Собственно, это можно проверить. Например, высунуться невзначай из окошка...

Цеся невзначай высунулась из окошка. Как бы от нечего делать. Поглядела с интересом на облачка, ругая себя последней идиоткой. Сосчитала до пяти и посмотрела вниз.

Ежи Гайдук перебежал через мостовую, лавируя между мчащимися автомобилями. Остановившись перед домом, он крикнул что-то, задрал голову и с тревогой глядя на Цесю.

Она ничего не разобрала — обрывки слов тонули в шуме моторов и тарыхтении трактора. Вдобавок радио у Новиковских было включено на полную мощность, а передавали какие-то заунывные хоровые песнопения. Одно все же было ясно: Гайдук ждал ее! Безумная радость оттого, что он рядом, и оттого, что все-таки в некотором отдалении, и вообще вся эта смешная и необычная ситуация привели к тому, что Целестина разом избавилась от всех своих комплексов. Она помахала Гайдуку так весело и непринужденно, словно делала это всю жизнь изо дня в день. Потом, знаком попросив его подождать, бросилась в глубину башенки, схватила ручку и вырвала листок из тетради.

«Привет, ты что здесь делаешь?» — написала Цеся.

Потом сложила записку и сунула ее в корзинку. Отыскала моток кабеля, оставшегося после оборудования башенки, прицепила к одному концу корзинку и спустила свое послание на улицу.

Сверху ей была видна темноволосая голова Ежи. Он вынул листок из корзинки, прочитал, поднял голову и улыбнулся Цесе. Потом нацарапал что-то на обороте, махнул рукой, и Цеся втащила корзинку наверх.

«Жду тебя. Я беспокоился, не случилось ли чего. Ты шесть дней не выходила из дому. Я думал, ты заболела».

Беспокоился о ней! У Цеси от волнения пересохло в горле. Она дважды перечитала записку. Означает ли это, что он приходил сюда каждый день?

«Шутишь. Неужели приходил каждый день?» — вроде бы беззаботно написала она и с замиранием сердца стала ждать ответа.

«Конечно, — ответил Ежи. — Помнишь, я говорил, что мне нужно все время тебя видеть».

Цеся не верила собственным глазам.

Потрясающе...

Невероятно...

Все вокруг было таким же, как полчаса назад.

Точно так же светило солнце, так же орало у Новаковских радио, так же шагали по тротуару прохожие, так же ревели грузовики. Ничто не изменилось. Никто даже не заметил, что на свете стало двумя счастливыми людьми больше.

Никто, за исключением Бобика. Бобик заметил. Он уже давно следил из глубины столовой за таинственным перемещением корзинки за окном: вниз-вверх, вниз-вверх.

Когда движение прекратилось, он опрометью бросился на балкон, чтобы проникнуть в суть явления.

От его внимания не укрылась ни одна мелочь. На лице стоящего перед домом парня было такое же выражение, какое появляется иногда у Толека, а в глазах тот же идиотский восторг. Бобик мгновенно установил связь между физиономией верзилы и фактом Цеськиного пребывания на башне и понял, что в жизни семьи начинается новый, интересный период.

Удовлетворенно засопев, он вернулся к столу. И, подперев кулачком подбородок, размышлял. В его воображении вереницей потянулись мыши, гости, торты и еще множество интереснейших неожиданностей, которые теперь неминуемы.

Он подумал, что, наверно, смеху будет!

И еще подумал, что жизнь прекрасна.

Единственно и исключительно.

1976 г.

Об Авторе

Популярная польская писательница, иллюстратор, дизайнер детской одежды. В России известна как автор повести о школьнице Целестине и ее друзьях.

Родилась 9-го января 1945 года в Познани. Там и живет в квартале Ежиче, там же, в 1968 году окончила Высшую школу изобразительных искусств по специальности книжная графика. Иногда писала фельетоны в "Tygodnika Powszechnego" (еженедельник разнообразного).

Как писатель дебютировала в 1975 году, повестью "Malomowny i rodzina" ("Молчаливый и семья") о жизни подростков в семейном кругу. В 1977 пишет повесть "Szosta kleпка" (в русском издании "Целестина, или шестое

чувство"), открывая ею цикл "Jezuscjada" ("Эжичада"), названного так из-за того что все герои цикла живут в Познани в квартале Ежиче. Повесть получила награду „Złote Koziołki" на IV Biennale Sztuki для детей в 1979 году в Познани.

Творчество детского писателя Малгожаты Мусерович пользуется огромной популярностью в Польше. Ее произведения полны оптимизма и веры в человека.

К сожалению на русском языке издавалась только одна повесть - "Целестина, или Шестое чувство".

Было это всего один раз – в 1981 году. Печально...

Любимые занятия:

читать книги, писать книги, иллюстрировать книги, придумывать книги, писать о книгах, покупать книги, искать книги в антикварных магазинах, коллекционировать книги, одалживать книги у друзей, одалживать книги друзьям, беседовать о книгах, устанавливать книги на новые полки, переплетать старые книги в новые обложки

О любимом вообще...

Любимый предмет: книга

любимая книга: сотни

любимая музыка: солидная

любимый пейзаж: озеро в лесу

любимый транспорт: велосипед

любимый цвет: любой

любимое хобби: цветник

любимые цветы:

1. розы 2. шпорник (живокость) 3. тюльпаны

любимое дерево: сосна

любимое животное: белка

любимая птица: соловей

любимое существо: ребенок

Библиография

На русском языке:

Целестина, или Шестое чувство

На польском языке:

Jezycjada

1976 Szosta kleпка

1979 Klamczucha

1981 Kwiat kalafiora

1981 Ida sierpniowa

1986 Opium w rosole

1990 Brulion Bebe B.

1992 Noelka

1993 Pulpecja

1993 Dziecko piatku

1994 Nutria i Nerwus

1996 Corka Robrojka

1998 Imieniny

1999 Tygrys i Roza

2002 Kalamburka

2004 Jezyk Trolli

2005 Zaba
2006 Czarna polewka
2008 Sprezyna
Bambolandia
1978 Czerwony helikopter
1982 Ble-ble
1985 Kluczyk
1989 Swiatelko
Poczytaj mi mamo
1980 Co mam
1981 Rybka
1984 Boje sie
1986 Bijacz
1986 Kredki
1987 Kurczak
1994 Znajomi z zerowki
1986Hihopter
Inne dla dzieci
1975 Malomowny i rodzina
1983 Takie tam
1990 Tempusek
1990 Kluseczki

Титулы, награды и премии

1980 Srebrne Koziolki
1987 Nagroda "Solidarnosci"
1993 Tytul "Wielkopolanin Roku"
1994 Odznaczenie Order Usmiechu
1994 "Parasol Szczescia", nagroda tygodnika Twoje

Dziecko za calokształt tworczości

1996 Nagroda Artystyczna Miasta Poznania

1997 Srebrny Mikrofon, nagroda Radia Merkury

2003 Nagroda Zasłużony dla Miasta Poznania

2007 Nagroda Poznańskich Spotkań Targowych "Pegazik"

2008 Nagroda Marszałka Województwa Wielkopolskiego

2008 Medal Polskiej Sekcji IBBY za calokształt tworczości

Экранизации

Малгожата Мусерович была сценаристом для двух польских фильмов:

ЭСД: Экспериментальный сигнал добра/ ESD (1987)

Лгунья/ Kłamczucha (1981)

Оглавление

Малгожата Мусерович.....	1
Целестина, или Шестое чувство	3
Глава 1	5
Глава 2	47
Глава 3	108
Глава 4	171
Глава 5	252
Об Авторе.....	277

Данная электронная сборка не является копией
какого-либо полиграфического издания.
Это компьютерная компиляция текста
и различных элементов оформления книги.

При изготовлении этой книги использовались:

1. Электронный текст повести Малгожаты Мусерович
«Целестина, или шестое чувство».
Москва, "Детская литература", 1981г.
Перевод с польского Ксении Старосельской.
 2. Копии иллюстраций к повести, взятые из Сети.
Художник В. Самойлов.
 3. Дополнительные материалы из Сети.
- Электронный текст книги НЕ сверялся с печатным изданием.

Настоящая публикация преследует исключительно
культурно-образовательные цели и не предназначена
для любого коммерческого воспроизведения
и распространения, извлечения прибыли и т.п.

Замечания, предложения и пожелания просьба
направлять по адресу: ava1952@mail.ru

